БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

ЗАГОВОР ЕЛИЗАВЕТЫ ПРОТИВ МАРИИ ТЮДОР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мария Тюдор, законная наследница короля Генриха VIII приходит во власть после смерти отца и всеми силами пытается возродить в Англии прежние порядки. Но против нее зреет заговор, организованный сторонниками Елизаветы – дочери короля и его возлюбленной Анны Болейн. Заговорщики искренне считают, что именно Елизавета достойна престола… Роман «Заговор Елизаветы против ее сестры Марии Тюдор» входит в трилогию Брячеслава Галимова «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей» и является продолжением первой книги – политико-любовного романа «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII». В прозе Брячеслава Галимова художественно обобщены по-настоящему драматические события, происходящие в Лондоне в XVI столетии, благодаря чему читатель имеет возможность узнать романтизированную биографию великих людей, повлиявших на ход истории.

- Брячеслав Галимов
  - Пролог
  - Часть 1. Двор королевы Марии
  - Часть 2. Двор принцессы Елизаветы
  - Часть 3. Лондонский туман
  - Часть 4. Последние приготовления
  - Часть 5. Провал заговора
  - Часть 6. Следствие
  - Эпилог

Брячеслав Галимов
Книга 2
ЗАГОВОР ЕЛИЗАВЕТЫ ПРОТИВ МАРИИ ТЮДОР

Пролог

В сумерках, по дороге, ведущей к северным воротам Лондона, торопливо ехали и шли запоздавшие путники, – ворота скоро должны были закрыться на ночь, надо было спешить. После вчерашнего дождя дорога была размыта: большие лужи заставляли прохожих идти по обочине, а конные путники, чертыхаясь, понукали своих лошадей лезть в самую грязь, рискуя упасть и оказаться в жидком дорожном месиве.

– Вот, дьявол! – выругался всадник на прекрасной серой лошади, когда едва удержался от падения. – Ну, давай же, Арабелла, осталось не больше мили, – он похлопал лошадь по шее. – Давай же, милая, не ночевать же нам в поле! Я знаю, что ты устала, но меня ждут на важной встрече, а тебя ждёт тёплая сухая конюшня и охапка душистого сена. Нам с тобой есть ради чего поднатужиться… Давай, милая!

Лошадь заржала, с усилием вылезла из огромной промоины и покорно направилась вперёд. Через четверть часа городские ворота остались позади; стоявшие в них стражники бегло оглядели всадника и пропустили его, не найдя подозрительным. Он с облегчением вздохнул и уверенно поехал по лабиринту улиц: он хорошо знал Лондон.

К западу, вдоль берега Темзы высились здания дворцов и среди них Уайт-холл, где жил когда-то король Генрих, а теперь жила его дочь, королева Мария. Вниз по течению Темзы, в восточной части Лондона, находился замок Тауэр – тюрьма для государственных преступников и место их казни.

Всадник достиг центра города и повернул на восток, он поехал через самые оживлённые кварталы Лондона. Несмотря на вечернее время, ещё кипела работа в мастерских, бойко торговали лавочники; по улицам ходили солдаты и слонялись моряки с кораблей, прибывших из разных стран. Кроме того, немало было воров, охотившихся за кошельками, – это называлось на воровском жаргоне «ловлей кроликов». Всадник не раз ощущал на себе цепкие взгляды таких «ловцов», но он, конный, с кинжалом за поясом и шпагой на боку, был для них трудной добычей, – его не трогали.

Вскоре он миновал собор Святого Павла. Богослужение сегодня уже закончилось, однако народа было по-прежнему много: сюда приходили дельцы в поисках клиентуры, часто тут же совершались всевозможные сделки. Рядом с собором было место встреч лондонской избранной молодежи. Здесь назначались любовные свидания и дружеские вечеринки; франты приходили

сюда щегольнуть модными нарядами, заимствованными у итальянцев или французов.

С Темзы разносились пронзительные окрики лодочников, зазывавших тех, кому надо было переправиться через реку. Вообще, шум в городе стоял невообразимый: по булыжникам грохотали колеса повозок, кричали торговцы, шумно ссорились подмастерья, то и дело возникали драки из-за нежелания уступить дорогу.

Всадник улыбнулся, вспомнив меткое замечание одного путешественника, объясняющего шум в Лондоне тем, что все жители английской столицы пребывают по обыкновению навеселе. Простой народ пьёт крепкий эль за завтраком, обедом и ужином, а люди побогаче – вино, которое «способствует установлению духа доброго товарищества, но приводит к дракам на шпагах». Одним словом, «этот город никак нельзя назвать городом трезвенников, и люди на улицах охотно распевают песни, постоянно находясь в подпитии».

Помимо всего, доносилось пение из парикмахерских, где брадобрею по закону полагалось петь, пока он скоблил щеки и стриг бороды – и, конечно, музыка из трактиров. К одному из них всадник и подъехал: трактир назывался «Свиная голова» и пользовался доброй славой среди джентльменов, желающих приятно провести время. Обстановка там была небогатая, но готовили вкусно, подавали неплохое вино и не заламывали чрезмерную цену. Кроме этих очевидных преимуществ, трактир был ещё и безопасен, – его владелец умел найти общий язык и с полицией, и с ворами, которые хозяйничали в этом квартале.

В «Свиной голове» всадника уже давно ждали: ему помогли спешиться, лошадь отвели на конюшню, а самого его – в укромную комнату, через коридор от общего зала.

– Сэр Джон! Милорд! – закричал краснолицый джентльмен, единственный, кто был в этой комнате. – Позвольте обнять вас на правах старого друга. Вы ведь не забыли наши заседания в клубе Циников? В этой же доброй «Свиной голове»?

– Как можно забыть? Вы столько раз избирались королём пирушек, что навечно останетесь в летописях нашего клуба, – улыбнулся сэр Джон. – Как поживаете, сэр Эндрю?

– Превосходно! Жаль только, что наш клуб Циников закрылся, – весёлое было заведение, чёрт побери! – захохотал краснолицый джентльмен, от которого и сейчас сильно разило вином.

– Вот как? Вы уже больше не собираетесь по четвергам? Отчего же?

– После вашего отъезда всё пошло вкривь и вкось: не было

никого, кто был способен заменить вас. К тому же, при нынешней власти всякие собрания вызывают подозрения. Её величеству королеве Марии всюду мерещатся протестантские заговоры…

– Разве мы не для этого сегодня здесь? – усмехнулся сэр Джон.

– Так что же! При чём тут клуб Циников?! – возмутился сэр Эндрю. – Это была лояльная организация. Мы ругали правительство, издевались над важными господами, награждали их обидными прозвищами, но у нас и в мыслях не было устраивать заговоры. А вот теперь, когда нам запрещено чесать языки, придётся взяться за оружие. Как сказал один мой приятель: «Когда человеку не дают говорить, он начинает действовать», – или, говоря по-другому, тот кто зажимает вам рот, освобождает ваши руки.

– О, да вы политик, дорогой Эндрю! Вам бы заседать в парламенте.

– К дьяволу парламент! В эту сточную канаву стекаются все нечистоты государства. Разве может порядочный джентльмен заседать в отхожем месте? Разве что по большой нужде! – Эндрю вновь расхохотался.

– Сразу виден убеждённый оппозиционер, – заметил сэр Джон. – Однако, ответьте, ради бога, – как вы оказались в числе заговорщиков? Мне отчего-то думается, что это не ваше призвание.

– Бренди! Бренди стало причиной этого! Не понимаете? Очень просто: когда в этой комнате сошлись известные вам заговорщики, я спал тут же, под лавкой, – с вечера мы хорошо выпили с друзьями и меня забыли на полу. Заговорщикам не пришло в голову посмотреть себе под ноги, и, таким образом, я услышал всё, о чём здесь говорилось. Когда же меня обнаружили, то не знали сперва, что со мной делать; некоторые даже предлагали меня убить для того чтобы сохранить тайну заговора. А я им говорю: «Джентльмены, хотя у меня дико болит с похмелья голова и трясутся руки, но задёшево я свою жизнь не отдам. Если хотите меня убить, – извольте! Однако из уважения к вам я пропущу на тот свет двух-трёх человек вперёд себя». Тогда сэр Томас сказал: «Бог с ним! Сэр Эндрю мне давно известен: он имеет слабость к выпивке, но он из славной протестантской семьи. Помимо того, сэр Эндрю – не из робкого десятка и может быть полезен для нашего дела… Вы желаете присоединиться к нам, сэр Эндрю? Вы желаете присоединиться к благородному делу борьбы за истинную веру, борьбы против папистов и деспотической власти королевы-католички?». Я ответил, что желаю. А почему бы нет? Больше всего я ненавижу три вещи:

скуку, ханжество и трезвость. Участие в заговоре позволяет мне избавиться от первых двух, а с трезвостью я справлюсь как-нибудь сам.

– Не сомневаюсь. Редко кому удаётся проиграть ей, а уж вам-то сам Бог велел выиграть у трезвости, – улыбнулся сэр Джон. – Вот, кстати, одна история по этому поводу. Один мой приятель, капитан корабля, направляясь из Бордо в Плимут, вёз целый трюм бренди. Путь не долгий, но когда везёшь бренди, каждый час воздержания кажется вечностью. На беду, начался шторм, который вскоре принял такую ужасающую силу, что мачты корабля переломились, как тростинки, а паруса унесло. Оставалось молиться и вверить свои души Господу, – и тут-то терпению матросов пришёл конец! «Капитан, – закричали они, – если нам суждено умереть, то прикончим вначале проклятое бренди. Из-за него мы гибнем, так отомстим ему за это!». «Хорошо, друзья, – отозвался капитан, – открывайте бочки. Пусть чертям в аду станет тошно, когда они увидят нас!». Бренди полилось рекой, и мой приятель утверждает, что никогда не знал такого веселья, как на этом гибнущем корабле, на волосок от смерти…

В народе говорят, что Бог снисходителен к пьяным и прощает им многое, что не простил бы трезвым. Случилось чудо – неуправляемый корабль весь день болтался в бушующем море, а потом его выбросило на английский берег. Никто из членов экипажа не пострадал, однако от бренди не осталось ни капли.

Закончилась же история тем, что на капитана сделали начёт за погубленный груз. До сих пор мой приятель расплачивается за бренди, но утешается воспоминаниями об этом незабываемом дне.

– Ох, чёрт! Я отдал бы половину жизни, чтобы очутиться там! – с завистью воскликнул сэр Эндрю. – А не выпить ли нам, пока мы одни? Ваш рассказ разгорячил мне кровь.

– Чуть-чуть попозже, – отказался сэр Джон. – Я слышу шаги в коридоре…

В комнату вошел высокий джентльмен с коротко подстриженной бородкой на очень серьёзном лице.

– Добрый день, сэр Томас. Как вы поживаете? – приветствовал его сэр Джон.

– Благодарю вас, хорошо, но не надо называть имен, – сказал высокий джентльмен. – Осторожность, осторожность, и ещё раз осторожность!.. Вы меня извините, милорд, но я не могу пригласить вас на наше собрание. Мы с вами после потолкуем отдельно, а пока вам придётся подождать ещё какое-то время в этой комнате.

– Какого чёрта! Почему сэр Джон должен сидеть тут, как провинившийся школьник?! – возмутился сэр Эндрю. – Я ручаюсь за него, как за самого себя.

– Всё в порядке, дорогой друг. Сэр Томас… то есть я хотел сказать, этот джентльмен прав, – сэр Джон похлопал сэра Эндрю по плечу. – В каждом деле есть свои правила, которые следует соблюдать. Я устал с дороги и с удовольствием посижу здесь у огня.

– Вы кротки, как овечка, – проворчал сэр Эндрю. – А считаю, что вас обидели.

– Никто никого не хотел обидеть, – возразил сэр Томас. – Ваш друг прав: есть правила, которые нужно соблюдать. Но вы-то присоединитесь к нам, сэр Эндрю? Вы будете участвовать в собрании?

– Не хотите ли вы и меня запереть в чулане? Конечно, я буду участвовать в собрании, коли я один из вас, дьявол меня забери! – грубо ответил сэр Эндрю.

– Вот и отлично, – не замечая его тона, проговорил сэр Томас, – тогда пройдёмте в соседнюю комнату.

* * *

Сэр Джон пододвинул стул к камину и собрался задремать, но за стеной заскрипела дверь, раздались мужские голоса, а затем он увидел, как через щель в досках пробивается луч света. Сэр Джон подошёл, поковырял дырку и обнаружил, что штукатурка, которой покрыта стена, осыпается, так что сквозь щели отлично видно всё, что происходит в соседней комнате.

Восемь или девять джентльменов во главе с сэром Томасом сидели за столом. Один человек с пистолетом и шпагой в руках стоял на страже у двери.

– Начнем, господа, – сказал сэр Томас, – и помните об абсолютной секретности нашей встречи. Прошу не называть никаких фамилий и, упаси Господи, не делать записей – ни сейчас, ни после. Надеюсь, вы понимаете, что мы рискуем головами… Итак, сегодня мы должны приступить к разработке плана наших действий, – продолжал он. – Королева Мария успела за своё недолгое правление причинить страшное зло нашей стране и нашей вере. Дальше так продолжаться не может. Королева Мария должна быть свергнута, – и да здравствует королева Елизавета! Все присутствующие с этим согласны? Нет возражений?

– Возражений нет, – раздался чей-то голос, а сэр Эндрю

громко проворчал: – Чёрт возьми, зачем повторять то, что и так ясно?

– А затем, что я считаю не лишним ещё раз обозначить нашу цель и убедиться, что мы все стремимся к ней, – ответил сэр Томас. – Единомыслие и твёрдая убежденность в конечном результате – вот что позволяет свернуть горы. Ну, и конечно, готовность пожертвовать собой за истинное учение Спасителя и за нашу благословенную Англию.

– Мы на проповедь собрались, что ли? – захохотал сэр Эндрю.

– Безыдейный заговор, всё равно что пушка без пороха, – возразил сэр Томас на этот раз достаточно резко. – Спаситель ведёт нас за собой, призывая к отмщению и справедливости. Сколько наших братьев погибло за последние годы на кострах, было обезглавлено или повешено! Их вина только в том, что они не пожелали подчиниться римскому Вельзевулу, не пожелали возвратиться к папистским обрядам, кои суть ханжество, ложь и язычество… Король Генрих вырвал нас – какие бы ни были у него на то причины – из лап Вельзевула. Король Генрих изгнал из Англии свою первую жену Екатерину, ибо не хотел, чтобы на английском престоле сидела чужестранка, почитающая Рим, а не Британию. Неужели же мы смиримся с правлением Марии, дочери Екатерины, так и не ставшей по духу и вере настоящей англичанкой, и позволим ей погубить нашу страну и наши души?… Елизавету – на трон, Марию – в изгнание! Да будет так!

– Да будет так! – повторили все джентльмены, находящиеся в комнате, и сэр Эндрю с ними.

– Вернёмся к плану наших действий, – сказал сэр Томас. – Каким он будет? Ваше мнение?

– Я полагаю, тут нечего особенно обсуждать, – взял слово полный джентльмен, сидевший по другую сторону стола. – У нас есть юридический прецедент: королева Мария отменила многие законы, принятые её отцом, – например, уже восстанавливаются монастыри, возвращаются земли церкви. Основываясь на этом прецеденте, мы можем потребовать признать незаконным завещание короля Генриха, где его наследником провозглашается сначала Эдуард, рождённый от Джейн Сеймур, затем Мария, рождённая от Екатерины Арагонской, а уж после Елизавета, рождённая от леди Анна Болейн. Поскольку Эдуард умер, то признание завещания Генриха незаконным меняет местами Марию и Елизавету. Таким образом, Елизавета становится нашей королевой, а Мария лишается прав на престол, – заключил полный джентльмен, очень довольный выстроенной им цепью умозаключений.

– Великолепная идея, – не скрывая иронии, заметил сэр

Томас. – Кто же, по-вашему, отлучит Марию от трона – Королевский Совет, сплошь состоящий из преданных ей людей, или парламент, откуда давно убраны все, кто может быть опасен для власти? Даже если предположить, что мы каким-то чудом сумеем склонить на свою сторону влиятельных джентльменов из этих достопочтенных учреждений, то всё равно Мария нанесёт удар прежде, чем они успеют что-либо сделать. Если же предположить совершенно невероятную вещь, – что Мария будет спокойно дожидаться окончательного юридического разрешения этой проблемы, – то и тогда пройдут годы, прежде чем решение будет принято.

– Но подобные решения, тем не менее, раньше принимались в Англии, – возразил полный джентльмен, – и короли лишались своего престола.

– Позвольте напомнить вам простую истину, – сказал сэр Томас. – Власть подобна осаждённой крепости: её можно взять, когда она слаба, но невозможно, когда она стоит крепко. Мария должна быть благодарна своему отцу за то, что он оставил ей прочную, хорошо укреплённую крепость. Да, эта крепость сейчас неприступна, – в отличие от тех случаев, на которые вы ссылаетесь.

– А что если нам бросить на осаду этой крепости большие силы? – спросил худощавый джентльмен, сидевший на краю стола. – Поднимем армию, поднимем крестьян и горожан, в конце концов!

– Чем вы привлечёте армию? Мария не глупа, она исправно платит жалование офицерам и солдатам. А что вы можете предложить им? – возразил сэр Томас. Тот промолчал и сэр Томас продолжал: – Вы хотите поднять народ? А вы уверены, что нас с вами не зарежут заодно с нашими врагами? Народ – это дикий зверь; не приведи Господи, выпустить его из клетки: он растерзает и тех, кто его обижал, и тех, кто его кормил. Вспомните, что было в Германии после того, как проповеди великого Лютера пробудили чернь и позволили ей вырваться на свободу. Обезумевшая от крови она убивала всех подряд – и папистов, и реформаторов. В результате, добропорядочным протестантам пришлось объединиться с католиками, чтобы усмирить это разъярённое чудовище. Вы хотите повторения этих событий у нас, в Англии?

– Нет, этого нельзя допустить! – послышались испуганные голоса. – Зачем народ? Мы сами справимся.

– Я также думаю, что мы справимся сами, – кивнул сэр Томас. – Все мы, присутствующие здесь, в той или иной мере были причастны к делам государственного управления, либо

имеем представление о том, что такое разумная политика. Мы сумеем обеспечить достойное правление Елизаветы – на принципах разума и веры, на принципах истинной веры Иисуса Христа.

– Да что тут долго рассуждать! – грохнул кулаком по столу сэр Эндрю. – Захватим дворец, заставим Марию отречься, и Елизавету – на трон! Кто против будет – перебьём, дьявол им в глотку!

– С вашей отвагой вы можете в одиночку сразиться со всем королевским войском, сэр рыцарь, – едва заметно улыбнулся сэр Томас. – Но должен заметить, что захватить дворец непросто. Я предлагаю захватить Марию – это намного проще, надо лишь дождаться удобного момента.

– Отлично! Прекрасный план! – раздались возгласы в комнате.

– Тише, джентльмены, тише, – поднял руки сэр Томас. – О практическом осуществлении нашего плана я поговорю с каждым из вас по отдельности, и каждый получит свою задачу. Сейчас прошу пройти в общий зал и пропустить стаканчик-другой вина, – согласитесь, что странно и подозрительно, если джентльмены выйдут из трактира абсолютно трезвыми.

– С удовольствием! И будь я проклят, если меня заподозрят в трезвости! – закричал сэр Эндрю.

* * *

Сэр Джон отошёл от стены, сел на стул и сделал вид, что спит.

Вскоре над его ухом прозвучал голос сэра Томаса:

– Милорд, проснитесь! Теперь мы можем поговорить с вами наедине.

– Как вам будет угодно, сэр Томас. Теперь-то я могу называть вас по имени? – сэр Джон сладко потянулся. – Впрочем, вы известный человек: полагаю, что многие из заговорщиков знают, кто вы и как вас зовут.

Сэр Томас сел напротив него:

– Возможно, но лишняя осторожность не помешает… Если бы вы знали, как тревожит меня поведение вашего друга сэра Эндрю! Мы вынуждены были посвятить его в детали нашего заговора, но боюсь, что его невоздержанность в питье и длинный язык могут сыграть с нами дурную шутку.

– Я согласен, что по неосторожности он способен предать, но вы можете быть уверены, что он не выдаст вас умышленно, –

улыбнулся сэр Джон. – По-своему это очень порядочный человек.

– Выдать «нас», а не «вас», – подчеркнул сэр Томас. – Вы ведь отныне с нами, сэр Джон?

– Нас, милорд, – согласился сэр Джон.

– Об этом я и хотел вас спросить. Я чувствую людей: вам можно доверять. Но почему вы с нами? – сэр Томас бросил на него пронзительный взгляд.

– От обиды, от нежелания быть мышью, – ну и, пожалуй, от скуки, – отвечал сэр Джон всё с той же улыбкой.

– Поясните. Итак, по порядку, – от обиды…

– Видите ли, милорд, после восшествия на престол королевы Марии меня выгнали из Лондона, запретив возвращаться сюда. Основания? Их нет! Просто-напросто мой дядя – покойный сэр Френсис – был когда-то сотрапезником, а точнее сказать, собутыльником короля Генриха. После смерти дяди я тоже имел честь присутствовать на королевских завтраках, но я не угодил королю, и меня удалили от двора. Когда Мария стала королевой, и начались гонения на всех, кто помогал Генриху проводить его реформы, то вспомнили и обо мне. Помилуйте, но причём здесь я? Оттого что мой дядя, а потом ваш покорный слуга завтракали с Генрихом, нас никак нельзя считать соратниками короля. Сэру Френсису было глубоко наплевать на всё на свете, кроме своих удовольствий, и я следовал его примеру, милорд, – следует признать, что он был хорошим наставником. За что же меня выгнали из Лондона и лишили привычного образа жизни? Я обижен властью, я пострадал от неё, – и это первая причина, почему я с вами.

– Не слишком благородная причина, – покачал головой сэр Томас, – Но по крайней мере, вы не скрываете своих побуждений… А вторая причина?

– То есть нежелание быть мышью?… Она ещё проще первой. Мышь от рождения до смерти прячется в подвале; её цель – вырасти, оставшись незамеченной, вволю поесть, произвести потомство, а затем также незаметно умереть. Я, пройдя большую часть жизненного пути, вдруг понял, что если сегодня или завтра умру, то буду хуже мыши. Никто не заметит моего исчезновения, ибо даже потомством я не удосужился обзавестись, – так что мыши будут ещё и смеяться надо мною. Не хочется мне этого, милорд, – пусть меня убьют, но как человека, а не мышь, за человеческие деяния, а не за мышиную возню.

– Это нелогично, – возразил сэр Томас. – Только что вы говорили, что живёте исключительно для своих удовольствий. Мышь также живёт этим, – почему же вы её обвиняете?

– А скука? Вы забыли о скуке, милорд! Уверяю вас, что все

мыши помирают от скуки: им надоедает непрестанно жевать и размножаться в своём подвале, – иначе, зачем бы они время от времени выбегали из него, рискуя жизнью? Давеча сэр Эндрю сказал мне, что вступил в заговор от скуки, – значит, ему тоже надоело быть мышью.

– Но религия? Но общественное благо? Неужели вами движут одни личные мотивы? – спросил сэр Томас, которого несколько шокировали откровения сэра Джона.

– Я мог бы прибегнуть к красивому обману, но признаюсь, как на духу. Я думаю, что истинная религия – это достояние немногих, а общественное благо часто служит прикрытием эгоистических интересов. О, не примите это на свой счёт, милорд, – вы являетесь исключением из общего правила! По-видимому, люди с именем Томас рождаются в Англии с набором благородных качеств. Лорд-канцлера короля Генриха – сэра Томаса Мора называли совестью нации; правда, он сложил голову на плахе. Надеюсь, ваши благородные качества не приведут вас туда.

– Гм, благодарю вас, сэр Джон, – это самая оригинальная похвала, которую я слышал, – покачал головой сэр Томас. – Что же, откровенность за откровенность, – я признаюсь, зачем мы решили пригласить вас к себе. Мы не рассчитывали найти в вас единомышленника, – и мы не ошиблись в этом, как я понимаю, – однако нам нужны ваши связи при дворе принцессы Елизаветы. Нам известно, что у вас были некоторые отношения с одной из приближенных её высочества, и вы не раз бывали при дворе принцессы. Возможно, вас ещё поэтому изгнали из Лондона: королева Мария стремится окружить Елизавету исключительно своими людьми.

– Может быть. Но какое это имеет отношение к вашему, то есть к нашему заговору? – удивился сэр Джон. – Я никогда не был придворным Елизаветы и не состоял в её свите. Я был неофициальным лицом, изредка приглашаемым к её высочеству. Не знаю, как сейчас, но тогда Елизавета была очень мила, она была остроумна и глубока; очень живая и весёлая. Любила играть в мяч и обожала маскарады. Я участвовал порой в её увеселениях, и её высочество как-то в шутку предложила мне занять пост главного распорядителя праздников. Сам я не придавал этому никакого значения: признаться, меня больше занимала та молодая особа, о которой вы упомянули.

– Вы нужны нам именно в качестве неофициального лица при дворе её высочества Елизаветы, – загадочно произнёс сэр Томас.

– Не понимаю.

– Для успешного осуществления нашего плана требуется

человек, через которого мы могли бы поддерживать связь с Елизаветой и предупредить её, когда наступит час решительных действий. Вот для чего вы нужны нам: мы не можем направить к Елизавете кого-то другого, потому что новый человек, появившийся около её высочества, вызовет подозрения, – да и пристроить его ко двору принцессы будет крайне сложно.

– А я не вызову подозрений? – улыбнулся сэр Джон.

– Не вызовете. Простите меня, но мы опросили десятка три людей, которые знали вас, когда вы жили в Лондоне. Все они в один голос утверждают, что вы эпикуреец и циник, прожигатель жизни, чрезвычайно далёкий от политики. Убеждён, что подобное мнение существует и в секретной службе королевы Марии: там считают вас не опасным для королевы. Вас удалили из столицы под горячую руку, но сейчас, полагаю, не будут мешать вашему возвращению. Свидетельство тому – ваш беспрепятственный приезд в Лондон.

– Вот как? Выходит, зря я на них обижался? – поднял брови сэр Джон. – Ну, ну, не смотрите на меня так, милорд, – моя обида не уменьшилась, а увеличилась: стало быть, меня действительно принимают за мышь. Теперь придётся доказывать, что я, всё-таки, человек.

– Мы подвигаем кое-какие рычаги, и вы будете жить в Лондоне на законном основании, – продолжал сэр Томас. – Затем вам надо будет вновь представиться Елизавете и бывать при её дворе. Дальше вы знаете; мы надеемся на вас.

– Продолжая считать меня циником и прожигателем жизни? – не удержался сэр Джон.

– Спаситель принимает всех. Те, кто ходят путями неправедными, тоже могут прийти к нему, – строго и серьёзно сказал сэр Томас.

– Воистину так! – отвечал сэр Джон с той же серьёзностью.

Часть 1. Двор королевы Марии

Король Генрих любил охотиться на оленей, королева Мария предпочитала соколиную охоту. Распространившаяся в Европе благодаря страстной увлечённости ею короля Фридриха Гогенштауфена, соколиная охота вот уже триста лет считалась самым изысканным видом отдыха высочайших особ. На ней не надо было колоть, бить, стрелять животных, травить их собаками, – достаточно было выпустить в полёт красивую птицу, которая находила и хватала добычу.

На соколиную охоту можно было выехать во всей красе, не боясь промокнуть под дождём, изорвать одежду об кусты и ветки деревьев или запачкаться кровью убиваемой дичи, – эта охота велась на поле, в ясную погоду, а добытых птиц и зверей подбирали ловчие. Правда, для того чтобы сокол мог охотиться, его долго обучали – не давали есть и спать, дабы сделать его покорным; выпускали на ослеплённых и стреноженных зайцев, лис, крупных птиц и прочую живность, чтобы он мог расправиться с ними и запомнил, как это делается; кормили кровавым мясом только что убитых голубей, баранов и телят для поддержания хищнического духа. Однако охотнику не обязательно было участвовать в этой подготовке – он принимал уже обученную птицу из рук ловчего-сокольника и выпускал её на дичь, любуясь, как сокол бьёт утку на лету или ловит убегающего зайца.

Королева Мария выезжала на охоту всем двором, – наряды дам и кавалеров, хотя и назывались охотничьими, мало чем уступали праздничным нарядам; лучшие драгоценности сияли золотом и самоцветами. Запах дорогих итальянских духов густо смешивался с запахами кожаных сёдел и лошадиной сбруи, с запахами конского пота, полевых трав и вспаханной земли.

Королева ехала на белом иноходце впереди всей компании. Тёмно-зелёное платье Марии было украшено кружевами по краям рукавов и по воротнику; на голове королевы была шапочка, тоже зелёного цвета, со страусовым пером, прикрепленным большим изумрудом. Мария не любила пышных нарядов, но всегда одевалась с большим вкусом, – ей, некрасивой женщине, следовало заботиться о том, чтобы быть привлекательной для тех, кто ценит хороший вкус, а не броскую внешность. Лицом королева была похожа на простолюдинку, на прачку из лондонского предместья.

Мать Марии, королева Екатерина, была наследницей многих поколений испанских королей: её тоже нельзя было назвать красивой, но благородство облика Екатерины было признано

даже врагами. Отец Марии, король Генрих, был вторым правителем из династии Тюдоров, утвердившейся в стране в результате долгой гражданской войны. Поговаривали, что если бы в этой войне не погибли почти все знатные английские лорды, то Тюдоры никогда не стали бы королями: кое-кто утверждал, что их род произошёл от свинопасов. Конечно, это была клевета, но внешность короля Генриха действительно не походила на королевскую: его широкое лицо с окладистой рыжей бородой, его сильные мужицкие руки, его плотное тело, к старости ставшее невероятно грузным, – всё это напоминало внешность купца или шкипера торгового судна.

К несчастью, Мария, переняв изящную фигуру матери, в лице сохранила многие черты отца – оно имело такое же простецкое выражение, как у него. Кроме того, лоб Марии был слишком велик, а нос слишком мал; глаза тоже были маленькими и близко посаженными; некрасивые, тонкие и короткие губы, плоские щёки, срезанный, теряющийся подбородок – создавали не то чтобы отталкивающее впечатление, но определённо непривлекательное.

Мария была уже не молода, ей давно перевалило за тридцать; она была одинока, у неё не было ни мужа, ни любовника, ни друга; её характер был неровным – приступы глубокой меланхолии сменялись вспышками ярости, королева была то рассудочно холодна, то кровь бросалась ей в голову.

К тому же, воспитанная в духе католицизма, она была в ужасе от реформ своего отца и не хотела признать отделения английской церкви от Рима. Придя к власти, Мария восстановила отношения с римским папой, а протестантов преследовала.

…Сокольничий подал королеве одного из лучших соколов-охотников. Мария приняла птицу на руку, защищённую перчаткой, и подняла высоко вверх. Сокол встрепенулся, огляделся вокруг и расправил крылья.

– Вон там заяц, ваше величество, – сказал сокольничий.

– Вижу, – ответила Мария.

Птица забила крыльями и поднялась в воздух; вначале она летела тяжело и неуклюже, но чем выше поднималась, тем легче становился её полёт. Несколько мгновений сокол парил в небе, застыв на одном месте и слегка покачиваясь в воздушном потоке, а потом сложил крылья и с быстротой молнии обрушился на свою жертву. Заяц отчаянно заметался, прыгая из стороны в сторону, но сокол точно угадал его движения и ударил, когда он выскочил из лощины. Прижав зайца к земле и не давая ударить себя сильными задними лапами, сокол вонзил в него когти и победно заклекотал.

– Браво! – воскликнула Мария, а сокольничий уже бежал, чтобы забрать пойманную дичь…

Охота продолжалась так же удачно, как началась: было добыто еще три зайца и девять уток. Правда, один сокол, из недавно обученных, улетел в берёзовую рощу, и пришлось его отлавливать, – но это не испортило общего впечатления. К концу дня разгорячённые довольные охотники вернулись в свой лагерь, не переставая рассказывать о своих удачах. В лагере был приготовлен обильный обед и театрализованное представление. Этот обычай установился во времена короля Генриха, и хотя Мария отменила многие новшества своего отца, праздничный пир на охоте остался неизменным.

Королева уселась во главе стола. От внимания придворных не ускользнуло, что она вдруг помрачнела, её лицо приняло угрюмое выражение. О причинах было нетрудно догадаться: придворные расселись за столом парами, но её величество сидела одна.

Сэр Стивен, канцлер её величества, немедленно поднялся со своего места.

– Милые дамы! Почтенные джентльмены! – сказал он, поднимая чашу с вином. – Разрешите мне провозгласить тост за нашу хозяйку и нашу госпожу. Её величество королева Мария не просто правительница Англии – она первая леди страны. Да не будут на меня в обиде наши очаровательные дамы, но королева – лучшая женщина Британии, а мы видели немало хороших женщин! Я не стану говорить обо всех достоинствах её величества, это было бы неучтиво и непочтительно, – кто мы такие, чтобы обсуждать монаршую особу, – но я не могу умолчать о необыкновенной способности нашей королевы быть радушной хозяйкой. Без вас, ваше величество, даже солнечный день кажется унылым, скука подкрадывается, как ночной туман, а праздник превращается в тягостные будни. Поверьте, мы здесь не только потому, что нас к этому обязывает этикет, – мы любим свою королеву и счастливы, когда можем участвовать в её невинных забавах. За её величество королеву, за первую леди Англии!

– За её величество! – подхватили придворные, вставая. – За королеву Марию! Боже, храни её и пошли ей долгие года жизни!

Мария улыбнулась и пригубила вино из своей чаши.

– Ваше величество, – продолжал сэр Стивен, сделав знак виночерпию, чтобы тот снова наполнил кубки, – не сочтите меня горьким пьяницей, но я хочу сразу же предложить второй тост. О, нет, не подумайте, что я примусь славословить ваше правление, – зачем хвалить то, что само хвалит себя? Я хочу выпить за богиню охоты Диану, – и эта богиня вы, ваше величество! Лишь теперь я понимаю, как правы были древние римляне, когда они избрали

царицей охоты женщину, а не мужчину. Изящество пленительной красоты придает особое очарование этой потехе. Я видал немало славных охот, но они ничто по сравнению с вашими выездами. Я не понимаю, почему здесь нет живописца, который изобразил бы нашу королеву вот такой, какая она сейчас, в охотничьем платье, исполнённую невыразимой прелести, грациозную и одновременно величественную…

– Милорд, вы несколько вышли за рамки приличия, – заметила Мария, покраснев.

– Ничуть, ваше величество, ничуть, – возразил сэр Стивен. – Или, может быть, самую малость. Все присутствующие согласятся со мной. За богиню охоты, за нашу английскую Диану, за королеву Марию!

– Да, так! – закричали придворные. – За английскую Диану, за королеву Марию!

– И третий тост я хочу произнести, – сказал сэр Стивен, – рискуя окончательно уронить себя в ваших глазах… Я хотел бы выпить за женщину, которую Господь наградил удивительным свойством. Есть свечи, которые ярко горят, но быстро гаснут, особенно если на них подует ветер, – но есть свечи, которые на ветру горят ещё ярче и не угасают. Мы знали много блистательных женщин, однако сияние их было недолговечным; но как бы ни свирепствовал злой ветер, ваше сияние от этого становится только ярче, ваше величество!

– Милорд! – воскликнула Мария, едва удерживаясь от слёз.

– Выпьем же за светоч, что озаряет всех нас – за нашу королеву! – закончил сэр Стивен.

– За нашу королеву! – вскричали придворные.

* * *

После тостов сэра Стивена обед пошёл гораздо веселее. Мрачные мысли покинули королеву, она с удовольствием поела и выпила вина, впрочем, не позволяя себе лишнего.

По окончании обеда должно было состояться представление пьесы «Артемида, Актеон и Каллисто», – но то ли из-за ландшафта местности, то ли по недосмотру церемониймейстера площадка для игры актеров оказалась позади лагеря, так что королеве и придворным пришлось встать из-за стола, пройти туда и рассесться заново. Тут рядом с креслом королевы очутился табурет, а на нём уселся до крайности сконфуженный молодой человек.

Придворные зашептались – этим молодым человеком был

Роберт Дадли, юноша из знатной, но опальной семьи. Предкам и родственникам сэра Роберта страшно не везло: его дед занимал министерский пост, но был казнён королём Генрихом за казнокрадство: отец занимал пост лорд-канцлера при молодом короле Эдуарде, сыне Генриха, и были казнён уже королевой Марией за попытку возвести на престол Джейн Грей, казнённую после этого заговора жену своего старшего сына, который тоже был казнён вместе с женой и отцом. Каким-то чудом сэр Роберт избежал наказания после гибели отца, брата и невестки, однако ему было запрещено жить в Лондоне, – и вдруг он здесь, да ещё уселся возле её величества! Это был скандал.

Церемониймейстер, бледный от ужаса, подскочил к сэру Роберту и просипел:

– Откуда вы появились, сэр? Как вы посмели?!.. Немедленно отойдите от её величества!

– Я считаю, что на охоте, так же как в походе, некоторыми правилами этикета можно пренебречь, – вмешался сэр Стивен. – Пусть молодой человек присядет возле её величества; мы не будем записывать этот случай в протокол, и таким образом право сидеть возле королевы не закрепится за этим юношей и, тем более, не закрепится за его потомками. Ваше величество, – шепнул он королеве, – это тот самый сэр Роберт, за которого я осмелился хлопотать перед вами. Ручаюсь, что он не знал о преступных замыслах своего отца и брата, он искренне предан вам. Пора бы его простить, если на то будет ваша воля, – и вы приобретёте себе верного слугу. Знаком прощения будет его присутствие здесь, рядом с вами, если вы это позволите.

– Да, я помню о вашей просьбе, – ответила Мария, неожиданно смутившись. – Что же, мы его прощаем. Пусть себе сидит… Мы не против…

– О, благодарю, ваша милость безгранична, – сказал сэр Стивен, низко-низко кланяясь королеве. – Поблагодарите же её величество, милорд! – подтолкнул он локтём молодого человека.

– Ваше величество, – просипел потерявший от волнения голос сэр Роберт. – Я хотел бы… Если бы это было… – он отчаянно махнул рукой и замолчал.

– Сэр Роберт настолько потрясён великодушием её величества, что проглотил язык! – весело произнёс сэр Стивен. Придворные засмеялись, а он шепнул королеве: – Однако во всех других отношениях это прекрасный и порядочный юноша: надеюсь, ваше величество проявит о нём заботу, – по-христиански, как сестра о брате.

Мария, избегая смотреть на сэра Роберта, кивнула, а сэр Стивен повернулся к церемониймейстеру:

– Передайте актёрам, пусть начинают. Её величество ждёт.

Раздался низкий звук трубы, а потом громко ударили литавры.

– Трагедия! – громовым голосом возвестил актёр с густо намазанным белилами лицом, в чёрной одежде и чёрном плаще. – Греческая богиня Артемида на ваших глазах жестоко покарает молодого охотника Актеона и нимфу Каллисто… Ваше величество, всемилостивейшая королева, милостивые государыни и государи, позвольте рассказать вам сюжет нашей короткой пьесы, дабы вам легче было её смотреть! В первой части пьесы дочь великого Зевса, богиня охоты Артемида будет купаться со своими нимфами в лесном ручье, когда сюда случайно забредёт охотившийся в этих краях юноша Актеон. Вместо того чтобы тут же уйти, Актеон станет подглядывать за купанием богини до тех пор, пока не будет замечен Артемидой. В гневе она превратит его в оленя и он будет растерзан своими собственными собаками.

Во второй части пьесы Артемида никак не может забыть красоту юноши, отчего впадает в печаль; богиня будет искать утешения у своей лучшей подруги, нимфы Каллисто. Нежные отношения, которые между ними возникнут, Артемида потребует скрепить обетом девственности от Каллисто. Нимфа поклянётся ей в этом, но Зевс, привлечённый прелестями Каллисто, захочет похитить её девственность. Он придумает коварный план: воспользовавшись отсутствием Артемиды, Зевс примет её облик и приступит к Каллисто с ласками. Ни о чём не подозревающая нимфа ответит ему на них и слишком поздно обнаружит обман… О, почтенные зрители, вы сами увидите, сколь велики будут обида и ярость Артемиды, когда она узнает, что Каллисто больше не девственница! Артемида превратит Каллисто в медведицу и наведёт на неё охотников. Но Зевс успеет перенести медведицу на небо, где она сделается созвездием… Смотрите, смотрите, смотрите! «Артемида, Актеон и Каллисто»! Греческая трагедия.

Он поклонился публике и ушёл в балаганчик около сценической площадки. Литавры грохнули так, что переполошили ворон и галок в роще, труба рявкнула, не уступая литаврам в громкости, – и затем они стихли, уступив место вступившим в дело лютне и флейте.

Из балаганчика вышли актёры, представляющие нимф, и актёр, представлявший Артемиду. Все они были одеты в очень яркие, пёстрые широкие платья; на голове у Артемиды был тёмный парик, на голове у нимф – рыжие. С хохотом и тонким визгом Артемида с нимфами бросилась в длинное развевающееся, прозрачное покрывало, изображающее ручей. С игривым смехом они сбросили с себя платья и остались в чём-то вроде трико

телесного цвета. Купание началось.

Из балаганчика вышел актер, играющий роль Актеона. Это был хорошо известный лондонским зрителям Джероним – артист далеко не молодой, но по-прежнему изображающий молодых людей; впрочем, дамы утверждали, что ему никак нельзя было дать его года.

Появление Джеронима было встречено аплодисментами; он с достоинством принял их, переждал, пока они закончатся, а после стал исполнять свою роль. Прежде всего, он беспечной походкой прошёлся по площадке, прикладывая руку к глазам и как бы выискивая добычу; из балаганчика в то же время раздавался очень натуральный лай собак. Затем Актеон услышал какие-то звуки, – это было видно по тому, что он вытянул шею и застыл. Недоумённо пожав плечами, он крадущимися шагами подошёл к развивающемуся покрывалу и вдруг охнул и закрылся руками, словно ослеплённый. Потом медленно опустил руки, ещё больше вытянул шею и принялся рассматривать купание Артемиды и нимф, причмокивая губами и издавая восторженные звуки.

Это не укрылось от внимания Артемиды. Она осторожно выглянула из-за покрывала и сразу же заметила Актеона. Накинув платье, она встала перед ним и грозно закричала:

Как ты посмел, ничтожный смертный,
Смотреть на наготу мою?!
Ты к нам подкрался незаметный;
Тебя раздавим, как змею!

Актеон понурился и глухо пробормотал:

Не в силах был я оторваться
От вида высшей красоты.
Краса дана, чтоб любоваться,
Зачем меня ругаешь ты?

Артемида стукнула ногой об землю и закричала ещё громче:

Ты смеешь возражать богине,
Ты не признал свою вину?!
Погибнешь ты за это ныне,
Тебя я страшно накажу!

Актеон пытался сказать ещё что-то, но непреклонная

Артемида хлопнула в ладоши, и в тот же миг на несчастного набросили волшебное покрывало. Затем нимфы поколдовали немного, – и из покрывала появился уже не Актеон, а олень, что было понятно по рогам на его голове. «Ату его, ату!» – вскричала Артемида; олень бросился бежать и скрылся за балаганчиком. Оттуда послышалось жуткое собачье рычание, вой раненного животного и, наконец, звуки, похожие на те, которые издает собака, гложущая кость. «Всё кончено!» – провозгласила Артемида.

Зрители захлопали и закричали «Браво!».

* * *

Между первой и второй частью пьесы был устроен небольшой перерыв. Слуги принесли тёплое вино для спасения от вечерней сырости, и среди придворных завязались непринуждённые разговоры.

Королева искоса поглядывала на сэра Роберта Дадли, но он сидел, как статуя святого Адальберта Эдмондского, который был известен величавой неподвижностью и нелюбовью к высказанным словам, отчего на скульптурных изображениях его показывали с застывшим лицом и сжатыми губами.

– Милорд, – проговорила Мария и запнулась. – Милорд, – повторила она, – вам, должно быть, не понравилась пьеса. Вы не хлопали вместе со всеми.

– Мне понравилось, – поспешно ответил сэр Роберт, испугавшись, что он допустил бестактность, – я не хлопал, потому что не знал, имею ли на это право.

– Я тоже не знаю, что предписывает на сей счёт этикет, но сэр Стивен сказал, что этикетом на охоте можно пренебречь.

– Я запомню это, ваше величество.

– Так вам понравилась пьеса?

– Да, ваше величество. Она производит хорошее впечатление, – то есть я хотел отметить, что она неплохая: есть понятный сюжет, и актёры стараются… Впрочем, я давно не был в театре, слабо разбираюсь в искусстве, и потому мои суждения… Они далеки от… – смешался сэр Роберт.

– Актёры стараются, но пьеса чересчур вольная, и не соответствует христианской морали, – сказала Мария. – Но сейчас такие произведения в моде – даже при дворе его католического величества короля испанского, императора Священной Римской империи ставятся подобные пьесы. Вся Европа упивается античностью и восторгается языческими преданиями. Даже

Иисус, апостолы и святые пишутся художниками на манер языческих героев, часто вовсе без одежды. Этот обычай настолько распространился, что сами святейшие папы следует ему: дворцы и церкви Ватикана покрылись росписями, вызывающими смущение. Поощряются писатели и сочинители пьес, которые будто стараются превзойти один другого в неприличии. Но если святейшие папы допускают такое, то как я могу запретить? Было бы греховно пытаться превзойти Рим в святости, – Мария беспомощно развела руками. – Где вы жили в последние годы? – спросила затем она.

– В поместье моих престарелых родственников. После того как… Когда поместья моего отца были конфискованы, мне больше негде было жить, – сэр Роберт снова испугался, что сказал лишнее.

– Государство нуждается в защите, – сказала Мария. – Но вы не должны себя винить за преступления вашего отца и брата. Сэр Стивен сообщил нам, что вы преданны нашему престолу.

– Так оно и есть, ваше величество, уверяю вас! – воскликнул сэр Роберт чересчур громко.

– Тише, милорд, нас слушают, – королева оглянулась на придворных. – Значит, вы жили совсем один, без товарищей и без обычных для вашего возраста развлечений?

– Да, ваше величество.

– Печально. Вы так молоды, – сколько вам лет?

– Скоро будет двадцать.

– Когда мне было двадцать и немножко больше, я тоже была одна, – вздохнула Мария. – После развода с моей матерью король Генрих женился ещё пять раз, и мои мачехи не были добры со мной. Особенно леди Болейн – она терпеть меня не могла.

– Но теперь вы королева, – заметил сэр Роберт, – вокруг вас такое общество.

– Что из того? Моё одиночество не уменьшилось. Всем что-нибудь надо от меня, а истинных друзей как не было, так и нет, – прошептала Мария.

– Ваше величество? – переспросил сэр Роберт.

– У вас есть дама сердца, милорд? – Мария сама удивилась своей смелости: она, обычно скованно чувствующая себя с мужчинами, никогда не задавала подобных вопросов.

– Мадам! – сэр Роберт зарделся, как девица.

Мария улыбнулась.

– Начинается вторая часть пьесы, – сказала она. – Будем смотреть…

* * *

На площадку вышли Артемида и Каллисто. Они уселись на покрытую зелёным бархатом скамью, позади которой стоял шест с вывешенной на нём надписью «Берег ручья в священной роще Артемиды».

Артемида была грустна; вздыхая, она ударяла себя в грудь и издавала громкие стоны. Каллисто заглядывала ей в лицо и покачивала головой. В конце концов, Артемида изрекла:

Зачем была я столь жестока,
Зачем тот юноша погиб?
Зачем по воле злого рока
Он был собаками убит!

Он молод был и был беспечен,
Но разве казни заслужил?
И красотой был отмечен,
Зачем так мало он прожил?

Каллисто принялась утешать её:

Моя великая богиня!
Твоя беда в том – не вина!
Ты дочь Зевеса, и гордыня
Тебе с рожденья суждена.

Не изводи себя укором,
Тебя мы любим и храним,
Внемли ты нашим уговорам,
Оставь печаль свою другим!

Каллисто прилегла на колени Артемиды. Она ласково потрепала её по щеке, а потом, склонившись над нимфой, обняла её.

Среди зрителей раздался лёгкий шум – они посматривали на королеву: всем было известно, что Мария не любит фривольные сцены. Однако королева ничем не выказала недовольства, и представление продолжалось.

Артемида забыла про погубленного Актеона, найдя отраду в компании Каллисто. Протрубил охотничий рожок, Артемида поднялась и сказала:

Пора мне в чащу отправляться,
Мне долг идти туда велит.

С тобою трудно расставаться,
И сердце от тоски болит.

Клянись, что ты не позабудешь
Меня и верности обет.
Ничьей отныне ты не будешь,
Чужой любви ответишь «нет»!

Каллисто поклялась:

Клянусь, что я не позабуду
Тебя и верности обет.
Ничьей отныне я не буду,
Чужой любви отвечу «нет».

Артемида ушла. Как только она скрылась, появился Зевс – его играл всё тот же Джероним, который раньше играл роль Актеона. Публика вновь принялась аплодировать ему; Джероним покрасовался в своём божественном одеянии, картинно застыв на сцене, а затем, как и в первое своё появление, стал беспечно расхаживать по площадке, совершенно не замечая, что в священной роще Артемиды кто-то есть. Потом он опять охнул и закрылся руками, словно ослеплённый, – он увидел нимфу Каллисто. Приблизившись к ней, Зевс начал ухаживания со всяческими ужимками, вызывающими одобрительный смех в публике. Каллисто не поддавалась и ещё раз произнесла:

Клянусь, что я не позабуду
Богине верности обет.
Ничьей отныне я не буду,
Чужой любви отвечу «нет».

Зевс сокрушенно развёл руками, задумался, а затем вдруг стукнул себя по лбу и расхохотался. Он побежал в балаганчик и через минуту вышел уже в платье Артемиды. Подойдя к Каллисто, он обнял её за талию; не заподозрившая подвоха нимфа не отвергла его нежностей. Через некоторое время ударили литавры, и голос за сценой возвестил: «Свершилось!». Зевс тут же исчез, и появилась настоящая Артемида. Каллисто зарыдала; Артемида сразу же поняла, что случилось. Вновь загрохотали литавры, и Артемида вне себя от гнева закричала:

Как смела ты обет нарушить,
Мое доверье обмануть,

Снова ударили литавры. Артемида схватила бархатное покрывало со скамьи и набросила его на Каллисто. Когда покрывало было снято, Каллисто оказалась в медвежьей шкуре. Зрители захлопали в восторге от этого превращения.

Артемида протрубила в охотничий рожок. Из балаганчика выбежали актёры, которые в первой части пьесы играли нимф, а сейчас изображали собак и одеты были соответственно. Они со всех сторон накинулись на медведицу; она жалобно завыла. Момент был драматичный, напряжённый, – но тут запели трубы, и появился Зевс. Он мощной дланью отогнал собак, а после поднял бархатное покрывало и вновь набросил его на Каллисто. Вдруг поднялся дым; когда он рассеялся, Зевс указал на небеса. Зрители повернулись и увидели Большую Медведицу на ночном небе. Артемида на сцене пала на колени; флейта, лютня и трубы исполнили торжественный гимн.

На сцену вышел актёр, который возвещал начало пьесы, и прочитал финальные строки:

Вы посмотрели представленье,
Мы просим строго не судить
Актёров наших исполненье:
Хотели вам мы угодить!

Королева вежливо похлопала, восторгу зрителей не было предела, аплодисменты долго не смолкали; уставшие, но довольные артисты несколько раз выходили на поклон.

После окончания пьесы придворные стали готовиться к возвращению в Лондон. Сэр Роберт Дадли поклонился королеве и собирался уже уйти, но она сказала ему:

– Милорд, вы приятный собеседник. Мы надеемся видеть вас при своём дворе и дальше.

– Не беспокойтесь, ваше величество, – ответил как из-под земли выросший сэр Стивен. – Мы это устроим.

* * *

Каждая из жён короля Генриха внесла свой вклад в обстановку королевского дворца. Королева Екатерина Арагонская любила старый готический стиль, леди Анна Болейн – изящный, в

духе античности; леди Джейн Сеймур успела оставить немного вещей, незатейливых и безыскусных; Анна Клевская привнесла немецкую добротность; леди Екатерина Говард прибавила легкомыслия; наконец, леди Екатерина Парр вернулась к английской обстановке, простой и удобной. При недолго правившем юном короле Эдуарде в королевском дворце всё перемешалось: часть мебели, гобеленов, картин, ваз, оружия и разных безделушек была безвозвратно потеряна, остальное стояло в полном беспорядке, – так что рядом с тяжёлым готическим креслом можно было увидеть хрупкий воздушный стул итальянской работы, а возле старинного гобелена с рыцарями и святыми висела современная шпалера с пасторалью и игривыми ангелочками.

Королева Мария совершенно не заботилась о дворцовом интерьере; она лишь приказала убрать из своих покоев картины со слишком вольными сюжетами, а на остальное не обращала внимания. В результате интерьер комнат часто не соответствовал их предназначению, – так, в укромных закутках, которые использовались придворными дамами и кавалерами для любовных свиданий, находились большие настенные распятия с латинской надписью, призывающей помнить о смерти, а в залах, предназначенных для государственных собраний, на стенах обнимались обнажённые герои языческих мифов. Привыкшие к этому чиновники равнодушно скользили взглядом по картинам, на которых божественный Вертумон обольщал прекрасную садовницу Помону, грозный подземный царь Плутон похищал юную красавицу Прозерпину, а козлоногий дух лесов Пан гнался за прелестной нимфой Сирингой.

В одной из таких комнат собирался Королевский Совет, возглавляемый сэром Стивеном: этот Совет определял главные направления политики Англии.

– Прежде всего, джентльмены, – сказал сэр Стивен, оглядев присутствующих и мельком посмотрев на Плутона, похищающего Прозерпину, – разрешите сообщить вам, что вчера на королевской охоте её величеству был представлен сэр Роберт Дадли.

– Сын казнённых заговорщиков? Тот самый Роберт Дадли? – послышались изумлённые возгласы.

– Да, Роберт Дадли, – кивнул сэр Стивен.

– Но зачем? Зачем вы это сделали, милорд?

– Давайте послушаем его преосвященство епископа Эдмунда. Вам всем известно, что помимо руководства Советом по делам церкви, он следит за обеспечением порядка в государстве. Кто же, как не он, сможет обстоятельно ответить на ваши вопросы? Прошу вас, ваше преосвященство, – сказал сэр Стивен.

– Джентльмены, – начал епископ Эдмунд, – вам известно, как нелегко идёт процесс возвращения нашей страны к прежним порядкам. Как человек, непосредственно занимающийся этими вопросами, и как лицо, ответственное за обеспечение государственной безопасности, я могу сообщить, что мы встретили на своём пути немало трудностей. К сожалению, правление короля Генриха способствовало повсеместному утверждению нового образа жизни в Англии, – главным образом, конфискация имущества монастырей и земельная реформа оказались очень привлекательными.

– Да уж… – протянул кто-то, и присутствующие джентльмены заёрзали.

– В результате, возвращение Англии в лоно католической церкви идёт не так быстро, как нам хотелось бы, – продолжал епископ. – Её величество королева – храни её Господь! – карает смутьянов и еретиков согласно завету Писания, где сказано, что дерево, не приносящее добрых плодов, следует бросить в огонь. Как вы знаете, тысячи протестантов и бунтовщиков уже отправились в ад, полностью уничтожена верхушка реформаторского лагеря, – все те люди, которые помогали королю Генриху проводить его богопротивные преобразования.

– Не все, – раздался голос.

– Кого вы имеете в виду? – спросил епископ.

– Сэр Джеймс, лорд-канцлер короля Генриха, ушёл от ответа. Не наказан и мастер Хэнкс, глава тайной полиции, – а ведь если бы не он, вряд ли королю Генриху удалось бы провести свои реформы, – сказал молодой джентльмен.

– Позвольте мне объяснить нашему молодому другу, в чём тут дело, – снисходительно улыбаясь, вмешался в разговор сэр Стивен. – Его преосвященство не заслужил упрёка, милорд. Сэр Джеймс подал в отставку и уехал из страны ещё до восшествия на престол королевы Марии. Мы можем только удивляться его прозорливости – но, увы, он теперь недосягаем для нас! Да и Бог с ним, сэр Джеймс полностью оставил политическую деятельность и заботится ныне исключительно о своём состоянии, которое, – здесь я опять скажу «увы!» – он сумел вывезти из Англии. Что же касается мастера Хэнкса, – да, он спокойно живёт у себя в имении, хотя должен был бы закончить свои дни на плахе, но, джентльмены, его нельзя казнить, потому что он слишком много знает.

– Вот как? – с иронией спросил молодой человек.

– Я понимаю ваше удивление: вы считаете, что если некто обладает опасными для нас знаниями, – я бы сказал, опасными тайнами, – то его-то как раз и надо лишить жизни, – усмехнулся

сэр Стивен. – Мой друг, это лишь в том случае, если он дурак и не умеет правильно распорядиться своими секретами. Нравится нам это или нет, но мастер Хэнкс – не дурак: тайны, которые он приобрёл за свою долгую службу, стали теперь для него непробиваемым щитом. Поверьте мне, у него есть материалы, убийственные – в третий раз скажу «увы!» – для многих из тех, кто нас поддерживает, – сэр Стивен сделал паузу.

– Да уж… – снова протянул кто-то.

– Мы наводили справки, – продолжал сэр Стивен, – и узнали, что мастер Хэнкс не держит эти материалы дома. Где они находятся, никому неизвестно, однако нам удалось выяснить также, что в случае опасности, угрожающей жизни мастера Хэнкса, или в случае его внезапной кончины эти материалы немедленно будут преданы огласке. В наших ли это интересах, джентльмены? Пусть уж лучше мастер Хэнкс тихо доживает жизнь в своём глухом имении, – тем более что он уже очень стар и ему недолго осталось.

– А я бы всё-таки отправил его на эшафот! – запальчиво возразил молодой джентльмен. – Если эти, как вы изволили выразиться, «убийственные материалы» и будут оглашены, – что же, тем лучше! Мы очистимся от скверны, и наше дело только выиграет от этого.

Среди джентльменов, сидящих в комнате, послышались недовольные и возмущённые восклицания:

– Вам-то легко говорить, а вы попробовали бы в наше время! Очиститься он хочет, вы слышали?! Да кто он такой, чтобы высказывать здесь своё мнение?!

– Тише, джентльмены, тише! – поднял руки сэр Стивен. – Просто наш юный друг ещё плохо знает жизнь, но со временем этот недостаток исправится… Давайте дослушаем его преосвященство: он расскажет, зачем сэр Роберт Дадли был представлен королеве. Пожалуйста, ваше преосвященство, продолжайте.

– Мы остановились на том, что верхушка реформаторского лагеря разгромлена, – сказал епископ Эдмунд. – Но пламя не погасло, господа, оно тлеет под углями. В любую минуту огонь может вырваться наружу, – и в Англии есть кому его раздуть.

– Вы намекаете на людей, сочувствующих принцессе Елизавете? – спросил молодой джентльмен.

– Не будет упоминать всуе имя её высочества, сестры нашей королевы, – строго заметил епископ. – Но ни для кого не секрет, что её высочество категорически отказалась принять веру апостолической церкви. Исходя из этого, упорные нераскаявшиеся еретики считают принцессу Елизавету своим знаменем и

пытаются даже – упаси нас Боже! – возвести её на трон.

Впрочем, вам всё это известно и без меня, джентльмены. Прошу прощения за длинное вступление и перехожу к сути дела. Роберт Дадли принадлежит к семейству ярых протестантов, а заговор отца и брата сэра Роберта, которые хотели сделать королевой такую же, как они, фанатичную протестантку Джейн Грей, – создал этому семейству ореол мучеников за протестантскую веру. Нет никаких сомнений, что Роберт Дадли будет встречен протестантами как герой, и весьма вероятно, что они попытаются использовать его для осуществления своих замыслов. Так вот, мы с сэром Стивеном решили, что не будем препятствовать в этом, – напротив, мы создадим все возможности, чтобы Роберт Дадли стал необходим заговорщикам. Заняв определенное положение при дворе королевы Марии, он сможет одновременно бывать и при дворе принцессы Елизаветы, – таким образом, готовящие государственный переворот негодяи просто-таки обязаны будут связаться с ним. Но Роберт Дадли находится под покровительством и опекой нашего уважаемого сэра Стивена, – значит, все секреты Дадли будут известны сэру Стивену, и заговор будет своевременно раскрыт.

– Замечательный план! Превосходный план! – зашумели в комнате.

– Благодарю вас, джентльмены, – склонил голову сэр Стивен. – Мне хотелось бы добавить ещё кое-что к рассказу его преосвященства. Помимо политических мотивов, в приближении Роберта Дадли ко двору королевы Марии есть и мотивы личностного характера. Её величество немолода и одинока, ей не хватает друга, у неё часто бывают приступы уныния и меланхолии; юный сэр Роберт сможет развлечь королеву, – нет ничего предосудительного, если она немного развеет свою печаль в общении с ним. Доброе расположение духа и здоровье королевы для нас превыше всего.

– Прекрасно! – воскликнули в комнате.

Молодой джентльмен и тут решил подать реплику:

– А вы не боитесь, что Роберт Дадли выйдет из-под вашего контроля, и тогда получится, что вы сами же способствовали возвышению врага?

– Чего этот юнец вечно лезет со своими вопросами? – громко проворчал кто-то. – Если он из влиятельной и богатой семьи, это не дает ему право быть нахальным.

Молодой джентльмен резко обернулся, чтобы посмотреть, кто это сказал, а сэр Стивен в примиряющем тоне произнёс:

– Милорд, вы, видимо, совсем не знаете сэра Роберта Дадли. По наружности он олимпийский бог, но по уму – сущий ребёнок,

а воля у него напрочь отсутствует. Это божья коровка, садовая улитка, морская устрица, – безобидное существо, от которого не следует ждать никаких неприятностей.

– Дай Бог, – сказал молодой джентльмен.

– Вот нахал! – послышался возглас в комнате. Молодой джентльмен положил руку на шпагу.

– Что же, джентльмены, наша задача – всячески помогать сэру Роберту и не спускать с него глаз, – проговорил сэр Стивен, сдерживая молодого джентльмена. – А сейчас давайте обсудим неотложные финансовые вопросы, – и он вновь взглянул мельком на сладострастного Плутона, утаскивающего Прозерпину в подземное царство…

* * *

Жизнь сэра Роберта Дадли сложилась так, что им всегда кто-нибудь руководил. В детстве он беспрекословно повиновался матери, в отрочестве – отцу и старшему брату, в юности, потеряв их, находился в подчинении у своего дальнего родственника по материнской линии. В результате, сэр Роберт так привык жить под опекой, что самостоятельное существование пугало его, он постоянно боялся совершить какую-нибудь ошибку. Когда сэр Стивен внезапно взял на себя роль его покровителя, сэр Роберт вздохнул с облегчением: теперь не надо было предпринимать самостоятельных действий, чреватых всяческими осложнениями, теперь можно было довериться тому, кто готов был взять ответственность на себя. Покровительство сэра Стивена принесло сэру Роберту, помимо всего прочего, неограниченный кредит у лондонских портных, галантерейщиков, обувщиков, шляпников, оружейников и прочих людей, обеспечивающих нормальную жизнь человеку благородного происхождения, – а также привлекло к нему внимание высшего общества и самой королевы.

Казалось бы, чего ещё можно желать? Однако сэра Роберта мучило странное недовольство, нечто вроде душевного зуда, который была столь же нелеп, как ревматизм, вызванный скипидарной мазью: боясь самостоятельности, сэр Роберт в то же время страстно хотел её. В своих потаённых мечтах он представлял себя упорным твёрдым, целеустремлённым человеком, который легко преодолевает все преграды и за которым охотно идут другие, – пожалуй, он мог бы быть лорд-канцлером, если бы ему улыбнулась удача.

Приглашение во дворец к королеве сэр Роберт воспринял как первый шаг на пути к осуществлению своей мечты, – поэтому он с

особой тщательностью готовился к этому визиту. Встав рано утром, он вызвал слуг и стал одеваться, придирчиво выбирая наряды. Батистовая рубашка с широкими манжетами и отложным воротником, шелковые чулки светло-серого цвета, темно-серые замшевые сапоги с золотыми пряжками, чёрные штаны-буфы с оранжевыми полосками, фиолетовый камзол с золотыми нитями, короткий плащ синего цвета на золотом шнурке и маленькая шляпа со страусовым пером (как у королевы) составили его облачение. Роскошная французская перевязь со шпагой была перекинута через плечо, на шею была надета толстая золотая цепь, в левое ухо вставлена жемчужная серьга, указательные пальцы правой и левой руки венчали два больших перстня с лазоревыми яхонтами, – можно было отправляться во дворец.

Перед выходом сэр Роберт позавтракал и взялся было за стакан с французским вином – он привык выпивать стакан французского вина за завтраком – но остановился, потому что не знал, прилично ли будет явиться с винным запахом к королеве. После короткого раздумья он отставил стакан в сторону. «Сегодня уж так, а там видно будет», – решил он.

Королева Мария назначила сэру Роберту встречу в дворцовом парке. Здесь ещё стояла под столетним вязом любимая мраморная скамья короля Генриха, но в остальном парк пришёл в запустение. Ограждавшие его кирпичные стены потрескались и поросли кустарником, аллеи потерялись в густой траве, клумбы с цветами пропали. Мария не позволяла садовникам ничего трогать: вид заброшенного и беспорядочно заросшего парка отвечал её меланхолическому настроению: она любила тут прогуливаться – особенно осенью, когда жёлтые листья слетали с веток и медленно и печально падали на поблёкшую траву. На прогулках королеву сопровождали уже далеко не молодые, набожные фрейлины, которые читали ей вслух жития святых мучениц – Марию утешало это чтение.

Охранявшие парк гвардейцы были предупреждены о приходе сэра Роберта и сразу же пропустили его; королеву он нашёл по громкому чтению жития святой Винефриды, убитой, как известно, принцем, за которого она отказалась выйти замуж. Продравшись сквозь кусты орешника, сэр Роберт обнаружил Марию возле старого домика с провалившейся крышей.

– Ваше величество, – склонился сэр Роберт перед королевой.

Мария кивнула ему и сказала, обращаясь к фрейлинам:

– Прервёмся пока. Мне надо побеседовать с этим джентльменом.

Фрейлины присели в поклоне и отошли в сторону. Мария посмотрела на сэра Роберта; он понял, что должен начать

разговор.

– Прекрасная погода сегодня, не правда ли? – произнёс сэр Роберт. – А вчера погода была хуже… Да…

Наступила пауза. Мария вздохнула.

– А вы знаете, что это такое? – спросила она, показывая на домик с провалившейся крышей.

– Нет, мадам.

– Это бывшая канцелярия мастера Хэнкса. Слышали о нём?

– Конечно, мадам, – сэр Роберт невольно вздрогнул, посмотрев на дом.

– Некоторые до сих пор крестятся, проходя здесь. Но я забыла, что вы из протестантской семьи; для вас мастер Хэнкс, по-видимому, выдающийся государственный деятель, – проговорила Мария с внезапной горечью.

– Нет, мадам! – торопливо возразил сэр Роберт. – То есть я хочу сказать, что он, конечно, государственный деятель, но… Ведь он действовал не только против католиков, но и против протестантов. Он действовал против всех, кто… – сэр Роберт остановился.

– …Кто шёл против воли моего отца, – закончила Мария. – Вы правы, милорд. Мастер Хэнкс был страшным орудием в руках короля Генриха, – но может быть, это король Генрих был орудием в его руках.

– Мадам? – не понял сэр Роберт.

– Мастер Хэнкс ещё жив, – продолжала она. – Сэр Стивен утверждает, что мы не можем его трогать по некоторым политическим соображениям. Я не понимаю этого; женщине бывает сложно разобраться в вопросах политики.

– О, ваше величество, вы не просто женщина, вы – королева! – воскликнул сэр Роберт. Ваше правление, без сомнения…

– Не будем касаться моего правления, – прервала его Мария. – Я делаю то, что велит мне наша вера, – и пусть Господь рассудит меня!.. Давайте лучше поговорим о вас. Вы снова живёте в Лондоне: чем вы занимаетесь, обзавелись ли друзьями? Как приняли вас наши дамы?

– Мне не что жаловаться, мадам. С тех пор, как я вернулся в Лондон, у меня появились друзья, много друзей. Ничем особенным я не занимаюсь, а что касается дам, то у меня небольшой опыт. Правда, у меня была одна девушка, я с ней познакомился по настоянию родителей, но я не… Я хочу сказать, что я…

На губах Марии появилась слабая улыбка.

– Ничего, у вас всё впереди. На охоте вы говорили мне, что у вас нет дамы сердца, – а вы хотели бы иметь её?

– Ваше величество!..

– Вас спрашивает не королева, а подруга, старшая подруга. Вы хотите быть моим другом?

– Ваше величество, – пролепетал сэр Роберт, готовый провалиться сквозь землю.

– Мне нравится ваше целомудрие, милорд, – сказала Мария, – наверное, мне поэтому так легко с вами говорить. Я говорю с мужчинами лишь по делам, – но знали бы вы, как скучно всегда быть королевой! Вы будете моим другом?

– Это огромная честь для меня! – нашёлся, наконец, сэр Роберт.

– От вас ничего не потребуется, просто приходите ко мне иногда. Лучше всего как сегодня, в парк, на прогулку: во дворце ступить нельзя без соблюдения этикета и без десятков любопытных глаз. Мы будем беседовать с вами о чём придётся, просто болтать о пустяках. Вы согласны? – Мария, как и во время разговора с сэром Робертом на охоте, опять поразилась своей смелости.

– Мадам, я не мог и мечтать о подобной милости, – отвечал он.

– Тогда у меня к вам последняя просьба: одевайтесь не так броско, – ваш наряд слишком ярок для уединённых дружеских прогулок, – Мария с мягкой усмешкой оглядела синий плащ, фиолетовый камзол, чёрные с оранжевым штаны и серые чулки сэра Роберта.

– Как прикажете, мадам, – ответил он, с недоумением посмотрев на свою одежду.

– Что же, будем считать, что начало нашей дружбе положено – сказала Мария.

– Ваше величество может всецело располагать мною, – поклонился он, довольный, что отыскал такие учтивые слова.

Выехав из ворот королевского парка, сэр Роберт направил коня к ближайшему трактиру.

– Эй, бутылку вина мне! – крикнул он трактирщику, войдя в зал. – И поесть: большой кусок мяса с кровью, почки в уксусе, тушёную капусту и пирожки!.. Тысяча чертей, быть другом королевы, болтать с ней о разных пустяках, – неужели я не способен на большее? – проворчал сэр Роберт себе под нос. – И почему, чёрт возьми, ей не понравился мой наряд?…

Часть 2. Двор принцессы Елизаветы

Сэр Джон ехал в поместье, где жила теперь принцесса Елизавета. В последние дни дождей не было, ярко светило солнце, и дорога успела просохнуть; между тем, она была пуста, сколько хватало глаз, не видно было ни проезжих, ни прохожих, – так что лошадь сэра Джона всё время норовила перейти на рысь.

– Нет, Арабелла, – говорил сэр Джон, сдерживая поводья, – мы никуда не торопимся. Я понимаю, – ты застоялась в конюшне и не прочь размять ноги, но пойми, глупо будет, если мы явимся раньше положенного часа. Мне вовсе не хочется сидеть в прихожей вместе с лакеями и дожидаться, пока принцесса закончит играть в мяч, примет ванну, съест свой полдник, а уж потом выйдет ко мне. Я узнал распорядок дня, которого она неукоснительно придерживается; мы должны прибыть после полдника, – не раньше, не позже, – а сейчас едва закончился обед. Ты спросишь, а какого чёрта мы так рано выехали из Лондона? Видишь ли, вчера и позавчера, и третьего дня сэр Эндрю отмечал свои именины. Тебе, Арабелла, трудно понять, каково жить человеку в стране с двумя вероисповеданиями: по католической вере полагается праздновать именины и прославлять своего святого покровителя, но протестантская не признает святых. Что же делать? Пришлось сэру Эндрю в первый день собирать друзей-католиков и отмечать с ними свои именины; во второй день он собрал друзей-протестантов и отмечал с ними уже не именины, но день апостола Андрея, ученика Спасителя, – а на третий день пили уже просто за здоровье сэра Эндрю. Мне пришлось хуже всех, поскольку я был рождён в католической вере и не выходил из неё, – точнее сказать, забыл о ней, – но моего покойного дядю Френсиса считали столпом английского протестантизма на том основании, что старик был собутыльником короля Генриха. Исходя из этого, в первый день я отмечал именины сэра Эндрю как правоверный католик, во второй день – как племянник своего великого дяди, героя протестантского движения, а на третий день я пил за здоровье сэра Эндрю уже в качестве самого себя. После такой бурной католическо-протестантской попойки мне бы отлежаться в постели, но надо ехать к принцессе Елизавете. Если бы не большая кружка эля утром, я не смог бы взобраться даже на осла, – так что не спеши, милое животное, а то потеряешь меня по дороге.

Лошадь фыркнула, мотнула головой и поплелась шагом. Сэр Джон с удовольствием вдохнул свежий осенний воздух с запахами увядающих трав и листьев, и сладко потянулся.

– Ничего, – сказал он, – в эдакий благодатный денёк быстро приходишь в себя. Природа добра к нам – она оставляет для нас одно хорошее.

…Двор принцессы Елизаветы был беспорядочен, однако в этом не было вины принцессы. Лишившись матери в раннем детстве, она не пользовалась вниманием отца: король Генрих хотел сына, наследника престола, и когда его третья жена Джейн Сеймур родила ему мальчика, Генрих совершенно охладел к Елизавете. Она росла заброшенным ребёнком вдали от двора, хотя и пользовалась всеми благами, полагающимися королевской дочери. Каждая следующая жена Генриха в зависимости от своего характера то отдавала предпочтение Марии, сводной сестре Елизаветы, нынешней королеве, то баловала Елизавету, – а то была холодна с обеими принцессами.

К Елизавете приставили хорошего учителя, который обучил её языкам и основам наук, но не было никого, кто смог бы привить ей необходимые для женщины знания о доме и самой себе. Враги Елизаветы со злорадством отмечали неряшливость принцессы, неумение красиво одеваться и её грубоватые манеры. Говорили, что за внешним порядком жизни двора Елизаветы скрываются хаос и сумбур, что придворные ведут себя вульгарно, а она им не препятствует. Говорили также, что её двор погряз в похоти; прибавляли шепотком, что Елизавета и сама имеет склонность к пороку. Всё это было отчасти верно, однако, с другой стороны, нужно отметить, что Елизавета всеми силами стремилась обуздать распущенность двора, что придворных для неё выбирала королева Мария, а вернее, сэр Стивен, – ну, а саму Елизавету никак нельзя было назвать распущенной, тем более, порочной! Так мысленно возражал сэр Джон врагам принцессы Елизаветы, подъезжая к её имению.

Несмотря на то, что он получил полные сведения о дворе принцессы, сэр Джон с любопытством вглядывался в его жизнь. Первое впечатление было, действительно, неблагоприятное. В воротах дремали два солдата: один из них лениво приоткрыл левый глаз, бросил циклопический взгляд на сэра Джона и тут же стал дремать дальше; второй солдат даже не проснулся. В обширном дворе было грязно, повсюду валялись какие-то тряпки, в цветниках расхаживали курицы; служанка, вышедшая из дома, высыпала мусор прямо на клумбу; дворовый мальчишка справлял малую нужду перед мраморной статуей Афродиты.

Сэр Джон прошёл в центральные двери дома, и никто его не остановил. Перед лестницей он встретил, наконец, офицера охраны, который поинтересовался его именем и спросил, зачем он прибыл. Узнав, что сэр Джон приехал с разрешения королевы,

офицер потерял интерес к посетителю и скороговоркой рассказал, как пройти в покои Елизаветы.

Сэр Джон скоро заблудился в запутанных коридорах, он попал на половину фрейлин. Навстречу ему выбежали две растрёпанные девушки, чуть не сбив его с ног.

– О, какой славный джентльмен! Не молод, но ещё хоть куда! – выпалили они вместо извинения и с хохотом побежали дальше. Сэр Джон изумлённо посмотрел им вслед.

Наугад открыв какую-то дверь, он оказался в длинной анфиладе комнат. Пройдя две или три из них, он услышал странные звуки, доносившиеся из-за широкой портьеры. Сэр Джон остановился и навострил уши: сомневаться не приходилось – там занимались любовью, мужские вздохи перемежевались с женскими стонами и короткими страстными восклицаниями. Стараясь ступать бесшумно, он вернулся назад и продолжил поиски покоев принцессы.

В конце концов, он перехватил какого-то лакея, который отвёл его к Елизавете; сэр Джон пришёл вовремя – она собиралась выйти в сад, её сопровождала группа молодых дам и кавалеров.

* * *

Когда сэр Джон видел принцессу в последний раз, она была худощавым неказистым подростком; теперь её формы несколько округлились, но Елизавета была по-прежнему угловата. Ее лицо покрывал толстый слой пудры и румян (чтобы скрыть бледность, которая, видимо, с годами не уменьшилась, – решил сэр Джон). Ранее густые волосы поредели (ещё два-три года, и ей придётся носить парик, – с сожалением подумал он).

С некоторым удивлением сэр Джон посмотрел на аляповатый наряд принцессы: очень широкая, по нынешней моде, юбка ярко-бордового цвета плохо сочеталась с красно-коричневым корсетом и тёмно-вишнёвым плащом с большим меховым капюшоном – и уж совсем не к месту была розовая нижняя рубашка, выглядывающая из-под корсета. Тупоносые туфли на высоком каблуке были тоже розовыми с какими-то странными помпонами спереди. От головы до ног Елизавета была увешена драгоценностям: они были закреплены в её волосах, на корсете, юбке и даже на туфлях. На шее принцессы было тяжёлое ожерелье, на пальцах – огромные перстни.

– Ваше высочество, – склонился перед ней сэр Джон, – я прибыл, чтобы засвидетельствовать вам своё почтение и возобновить, если вы того пожелаете, наше знакомство. Когда-то

я имел честь быть представленным вам, меня зовут…

– Сэр Джон, – тут же вспомнила его Елизавета. – Как же, мы с вами провели немало весёлых часов! Вы всё ещё играете в мяч? – спросила принцесса.

– Куда мне, ваше высочество, я ведь уже старик, – ответил со вздохом сэр Джон. – Время бежит быстро, и его нельзя остановить. Зато вам оно пошло на пользу: вы так похорошели за эти годы. Я думаю, лучшие женихи из королевских домов Европы мечтают о том, чтобы пойти с вами под венец.

– Я не собираюсь замуж, милорд, – засмеялась Елизавета. – Пример моей матери не внушает оптимизма насчёт брачных отношений. И не надо мне льстить: как мне помнится, вы всегда отличались тем, что говорили правду, даже если она звучала цинично. Оставайтесь верны себе, сэр Джон, в этом ваше преимущество.

– Как прикажете, миледи. Приятно видеть, что и ваш характер не изменился, – он почтительно поцеловал ей руку.

– Я рада, что вы опять при моем дворе, – сказала Елизавета. – Надеюсь, ваши неприятности закончились?

– Неприятности? Пожалуй, их не было, миледи, – возразил сэр Джон. – Разве можно назвать неприятностью безбедное житье на лоне природы? Я был всеми забыт, а значит, меня никто не тревожил. Древние философы посчитали бы это счастьем.

– Зачем же, в таком случае, вы возвратились в шумную и беспокойную столицу? Неужели суета Лондона привлекает вас? – спросила Елизавета, поддерживая шуточный тон беседы, но её глаза остро впились в сэра Джона.

– Право, не знаю, – пожал он плечами. – Наверное, человек такое существо, которое не может жить в покое. Зачем он оставляет тихий берег и устремляется в бурное море? Ладно, если его манит прибыль, но когда её нет? Почему нас привлекают опасные путешествия и сладостно волнует смертельный риск? Я не знаю… Такими нас, видно, создал Бог.

– Опасные приключения? При моём дворе? Вы снова мне льстите, милорд, – улыбнулась Елизавета. – Это самое спокойное место во всей Англии, – тихий берег, как вы говорите. Если вы ищите приключений, вы ошиблись адресом.

– Я выражаюсь фигурально, миледи. Впрочем, мы говорили о шумной и непредсказуемой лондонской жизни. Я вернулся в Лондон, однако знакомых у меня в столице осталось мало, а при дворе её величества королевы Марии их вообще нет. Куда же мне было податься, как не к вам? Примите старика по нашему давнему знакомству и по своей безмерной доброте, ваше высочество, – склонился сэр Джон перед Елизаветой. – Её

величество королева Мария не возражает против этого, – прибавил он, распрямившись.

– Вы видели королеву? – Елизавета бросила на него всё тот же острый взгляд.

– Нет, миледи. Кто я, чтобы удостоится аудиенции её величества? За меня попросили мои приятели, которых мне удалось разыскать и которые очень уважают вас, – сэр Джон с расстановкой проговорил последнюю фразу.

Елизавета искоса глянула на свою свиту.

– Конечно, я приму вас, милорд. Воля королевы – закон для всех её подданных. К тому же, мне самой приятно видеть вас. Можете бывать у меня запросто, на правах старого друга, – сказала Елизавета. – Но пусть вас не обманывают его седины, – обратилась она к своим придворным. – Сэр Джон – известный обольститель. Бойтесь его, дамы… Надеюсь, вы не будете злоупотреблять моим доверием, – повернулась Елизавета к сэру Джону. – Я стараюсь поддерживать при своём дворе высокую нравственность.

– Я это заметил, ваше высочество, – с полной серьёзностью произнёс сэр Джон.

Елизавета усмехнулась.

– Я рада, что вы не изменились, – повторила она. – Пойдёмте с нами в сад. Заезжие лицедеи обещают показать нам пантомиму. Посмотрим вместе.

* * *

Принцесса Елизавета любила театральные представления, поэтому в её саду была оборудована постоянная площадка для них. Деревянные, крашенные под мрамор колонны стояли полукругом на широкой лужайке; перед ними был сооружён дощатый настил для сцены и насыпаны три земляных вала, один над другим, наподобие скамей в амфитеатре. Во время представлений около колонн устанавливали декорации, за которыми актёры переодевались и ждали своего выхода; придворные усаживались на устланные коврами земляные скамьи, для принцессы ставили кресло. Со всех сторон площадку окружали высокие заросли можжевельника, создавая плотную зелёную стену; вечером зажигали факелы, в их мерцающем свете игра актёров делалась особенно выразительной.

В дождливую и холодную погоду представления не устраивались. Сейчас как раз собирался дождь, небо вдруг заволокли тучи, повеяло зябким ветром, – но Елизавета решила

не откладывать зрелище: помимо любви к театру, причиной этого было желание поговорить с сэром Джоном.

– Нет, не сюда, – сказала она слугам, которые хотели поставить её кресло спереди, – поставьте сзади, наверху. И рядом кресло для сэра Джона, – я так давно его не видела, что мне хочется с ним поболтать.

– А мы не промокнем? – сэр Джон взглянул на небо. – В моём возрасте самое опасное – это простуда; остальное всё неважно. Что за погода, – когда я ехал к вам, солнце светило, как летом, ничто не предвещало дождя!

– Что толку сетовать на то, что мы не можем изменить? – заметила Елизавета. – Я прикажу подать вам горячий грог – пейте, сколько хотите. А сверху мы накинем толстенную дерюгу, получится что-то вроде шатра. Помните, как однажды вас нашли в таком шатре с одной из моих фрейлин? Её звали Рэчел.

– У вас поразительная память, ваше высочество, – закашлялся сэр Джон. – Кстати, а Рэчел всё ещё при вас?

– Нет, милорд. Всех моих старых друзей удалили от меня. Я окружена теми, кто угоден моей сестре-королеве, а точнее говоря, сэру Стивену. Но не будем об этом… Эй, скажите актёрам, чтобы они начинали! – крикнула она. – Мы не лягушки, чтобы дожидаться хорошего дождя!

Забили барабаны, тонко пискнула свирель. Из-за декораций с нарисованными на них египетскими пирамидами и верблюдами выскочил актёр, одетый шутом. Кувыркаясь, он колесом прошёлся по сцене, совершил головокружительный прыжок и встал, как вкопанный, перед зрителями. Барабаны замолчали.

– Смотрите прекраснейшую пантомиму! Исключительно для вашего удовольствия и чтобы порадовать её высочество! – закричал шут, кривляясь и гримасничая. – «Антоний и Клеопатра» – древняя история любви! Лучшее исполнение, какого вы не увидите даже при дворе короля Франции!

Он перекувырнулся через спину, захохотал и убежал за декорации: зрители похлопали ему. Мелкие капли дождя застучали по дощатому настилу сцены; на ней появилась Клеопатра в лёгком одеянии и с бумажной золотой короной на голове. Молодой актёр, исполнявший роль египетской царицы, делал вид, что ему жарко, и обмахивался веером. Сэр Джон поёжился.

– Выпейте грогу, милорд, – сказала ему Елизавета. – Я бы могла разделить с вами мой плащ, но боюсь, что это будет дурно истолковано. Давайте я накрою вас дерюгой.

– О, ваше высочество, мне до сих пор никогда не приходилось сидеть с наследницей престола под одной дерюгой! – улыбнулся

сэр Джон.

– Вы ошиблись, милорд, я не наследница, – возразила Елизавета, – и не стану ею, если моя сестра Мария родит сына или дочь.

– Учитывая её лета и то, что она не замужем, шансы невелики.

– Но они сохраняются, и до тех пор я никто: незаконнорожденная дочь, которую отец признал лишь под конец жизни и которую он поставил на последнее место в списке претендентов на корону. Принцессой меня называют исключительно из приличия, а вы говорите – наследница! Вы шутите, милорд, – с горечью произнесла Елизавета.

– Однако всё может перемениться, – многозначительно сказал сэр Джон. – Жизнь делает порой неожиданные повороты.

– Да? – Елизавета взглянула ему в лицо. – На нас смотрят, к нам прислушиваются, – вдруг шепнула она и, повысив голос, спросила: – Почему вы не пьёте, милорд? Вам не по вкусу наш грог?

– Ах, ваше высочество, он превосходен, но я слишком много пил в последние три дня, – также громко отвечал сэр Джон. – Видите ли, у моего приятеля были именины, и он, чтобы никого не обидеть, отмечал их сначала по католическому образцу, потом – по протестантскому, а затем совместно, в знак примирения обеих религий. Из-за этой проклятой веротерпимости мне пришлось столько пить, что больше в меня не лезет. Я и не знал, что толерантность приводит к пьянству.

– Ох, сэр Джон, сэр Джон! – Елизавета, смеясь, хлопнула его по руке. – Вы неисправимый вольнодумец и циник! Помню, когда я была девочкой, вы так смешно рассказывали мне про чудеса святого Игнатия, что со мною чуть не случилась маленькая неприятность… Ладно, давайте смотреть пантомиму, – актёры из кожи вон лезут, чтобы нам понравится.

На сцене Клеопатра безутешно убивалась, получив известие о гибели Цезаря. Это известие принёс ей всё тот же одетый шутом актёр, который по ходу действия играл роль судьбы и попутно объяснял происходящее на сцене. Отдав письмо пребывавшей дотоле в блаженстве Клеопатре, шут так и пояснил зрителям: «Письмо об убийстве Цезаря в Риме».

Простирая руки то к небесам, то к пирамидам, то, почему-то, к верблюдам, Клеопатра отчаянно рыдала, дергала себя за волосы, била в грудь, а закончила тем, что достала громадный пузырёк с большой, видной всем надписью «яд» и собралась опорожнить его. Однако появившийся на сцене Антоний, красавец в жестяных латах, успел предотвратить эту попытку и после

недолгой борьбы отнял пузырёк у Клеопатры. Затем он упал на колени перед царицей и принялся объясняться в любви. Шут, стоявший в дальнем углу сцены, прокричал: «Объясняется в любви» – чтобы ни у кого не оставалось сомнений.

Клеопатра стала потихоньку сдаваться, и, в конце концов, Антоний заключил её в объятия…

Между тем, пошёл сильный дождь, актёры и зрители начали мокнуть, но принцесса Елизавета весело захлопала в ладоши, придворные – вслед за ней, и представление продолжалось.

– Вот вы говорите, что у моей августейшей сестры мало шансов выйти замуж, – шептала Елизавета сэру Джону, – однако у неё были женихи, как вам, конечно, известно. В первый раз её сосватали в двухлетнем возрасте за французского дофина; потом, в шестилетнем возрасте, она была помолвлена с императором Карлом, – а когда ей исполнилось одиннадцать, наш отец Генрих снова решил выдать её замуж за французского дофина. Только после того как отец развёлся с королевой Екатериной, матерью Марии, и женился на моей матери, он перестал сватать Марию к европейским королям, надеясь на рождение наследника английского престола от собственного брака. В конце концов, отец всё-таки добился своего – его третья жена Джейн Сеймур родила ему сына Эдуарда, нашего покойного короля. Милый мальчик, я любила его всем сердцем, и он отвечал мне любовью! Богу было угодно рано забрать его к себе, – и моя сестрица теперь королева Англии… Но тем более важно для тех, кто служит ей, не допустить, чтобы я стала королевой после неё. Они понимают, что поплатятся за свои преступления, и поэтому всеми силами хотят выдать Марию замуж, а после дождаться рождения у неё детей. Вы слышали, что её сватают к Филиппу, сыну императора Карла?

– Нет, – ответил пораженный осведомлённостью принцессы сэр Джон.

– Первая жена Филиппа – Мария Португальская – умерла, и кое-кто мечтает устроить брак моей сестрицы с ним, – шёпот Елизаветы был еле слышен. – Епископ Эдмунд, глава Совета по делам церкви и преследователь наших несчастных протестантов, боится, что без помощи извне ему не удержать Англию в повиновении. Правда, лорд-канцлер сэр Стивен опасается, что женитьба Филиппа на моей сестрице сделает нашу страну чересчур зависимой от могущественной империи Карла. Сэр Стивен так любит власть, что не хотел бы делиться ей даже в самой малой степени с кем бы то ни было… Сэр Стивен и епископ Эдмунд пока не договорились между собой, однако план замужества Марии продолжает обсуждаться ими. Это такая

большая тайна, что сэр Стивен не делится ею даже с Королевским Советом. Не удивлюсь, если об этом сватовстве не знает ещё и моя сестрица, – улыбнулась Елизавета.

– У вас неплохие осведомители, миледи, – заметил сэр Джон.

– Что делать, – с детства мне приходится самой заботиться о себе, – лукаво проговорила Елизавета.

– Но я слышал, что при дворе королевы Марии появился молодой человек, к которому она весьма расположена. Это сэр Роберт Дадли, – сказал сэр Джон.

– Он был с визитом и у меня.

– Вот как? – сэр Джон был поражен. – Когда же он успел: прежняя новость ещё не остыла, а уже испеклась свежая. Прыткий юноша.

– За те дни, что вы праздновали именины вашего приятеля, много воды утекло… Этого Дадли я знала ещё в детстве, он мне ужасно не нравился тогда. Теперь он снова побывал у меня, и я опять от него не в восторге. Не знаю, что нашла в нём моя сестра, но мне он всегда казался болваном. Да, красив, но глуп безмерно, двух слов связать не может, – а по характеру он, по-моему, просто тряпка. Пусть себе Мария потешится, если он ей приятен, но я дала ему понять, что у меня ему делать нечего, – презрительно усмехнулась Елизавета.

– Более чем странно: сын и брат казнённых заговорщиков, – да каких заговорщиков! – свободно разъезжает между дворами королевы и принцессы Англии, и никто ему не мешает… Пожалуй, я выпью грога, надо прочистить мозги, – от вращения в высших сферах кружится голова, – сэр Джон налил себе полный стакан.

– Плесните и мне немного, – сказала Елизавета. – Похолодало, и дождь зарядил пуще прежнего.

Дрожащие от холода придворные смотрели, как на сцене насквозь промокший Антоний убивает себя после поражения от Октавиана. С трудом вынув из разбухших ножен деревянный меч с облупившейся серебряной краской, Антоний приставил его к груди и с неимоверными вздохами взвёл глаза к мрачному небу. Тряся головой, он будто повторял чьё-то имя: «вспоминает Клеопатру», – крикнул шут, который был тут как тут. Издав ещё несколько глухих стонов, Антоний пронзил себя; это было сделано так искусно, что меч вышел у него из-под лопатки. «Ах!» – раздались возгласы в публике.

На сцене появилась Клеопатра. Увидев пронзённого мечом Антония, она пала на его тело и зашлась в плаче. Несмотря на то, что мокрое платье мешком висело на ней, а парик стал похож на паклю, Клеопатра вызвала сочувствие в зрителях. Забыв о холоде

и дожде, они с замиранием смотрели, как Клеопатра вытащила из корзины настоящую змею. Шипящая, извивающаяся тварь была последним живым существом, которое видела несчастная царица Египта, потому что в тот же миг Клеопатра приложила гадину к шее и была ужалена. Закатив глаза, царица рухнула у ног своего возлюбленного. «Умерла!» – сообщил шут.

Выбежавшие на сцену служанки египетской царицы и римские солдаты подняли останки Антония и Клеопатры, и положили их на погребальный костёр – он был сложен из бутафорских поленьев и обрывков красного шёлка. Тут же в руках служанок затрепетали такие же красные шелка, и Антоний и Клеопатра исчезли. «Землю покинув, души влюблённых на небе покой обрели!» – заключил шут. Ударили барабаны, пропищала свирель, – представление закончилось.

Елизавета похлопала, зрители тоже выразили своё удовольствие; актёры мужественно кланялись под проливным дождём. Когда аплодисменты стихли, придворные, оглядываясь на принцессу, встали со своих мест. Елизавета дала им знак идти во дворец, а сама задержалась на минуту.

– Сэр Джон, мне доставила удовольствие беседа с вами, – сказала она. – Вы, будто добрый старый дядюшка, развлекли и развеселили меня. Оставайтесь у нас, сколько хотите, а если уедете, приезжайте опять.

– Непременно, моя принцесса, – ответил сэр Джон с глубоким поклоном. – Надеюсь, что мне удастся в будущем очень-очень-очень развеселить вас.

Часть 3. Лондонский туман

Шедшие последнюю неделю холодные дожди закончились. Пасмурная, но тёплая погода установилась в Лондоне, и его окутал густой туман. С утра до вечера и с вечера до утра на улицах горели факелы; размытые жёлтые пятна от их неверного огня разгорались и угасали в грязно-белёсой пелене, в которой мелькали призрачные тени прохожих. Всадники и повозки передвигались шагом, то и дело слышны были крики: «Дорогу! Дорогу! Эй, дорогу!». Время от времени раздавались отчаянные вопли тех, кто попал под копыта лошади или под колеса кареты. Несчастных оставляли лежать на улице, ибо опасно было останавливаться для оказания им помощи – можно было попасть под нож грабителя. В такую погоду воры и налётчики чувствовали себя в Лондоне вольготно: патрули брели по улицам ощупью, о погоне за преступниками не могло быть и речи.

Трактиры были открыты всю ночь: ещё летом был издан соответствующий указ и он не был отменён. Грубые мужские восклицания, женские хохот и визг не давали спать мирным обывателям; из тумана появлялись пьяные компании, которые с разнузданными песнями шли посреди улицы; подвыпившие забияки приставали к случайным людям по малейшему поводу и безо всякого повода. Часто можно было увидеть полураздетых женщин и мужчин, которые, прижавшись к стенам домов, занимались любовью у всех на глазах. В тумане было что-то демоническое, вызывающее дикие греховные желания: кто мог сопротивляться им, запирался в своих жилищах и молился; кто не мог, выходил в город и совершал такие поступки, которые не совершил бы при свете солнца.

Всё расплывалось, всё становилось зловещим в тумане; не случайно, пробирающийся по улицам одинокий монах, лицо которого было закрыто чёрным клобуком, казался призраком. Монах будто плыл в клубящихся туманных облаках, на мгновение появляясь в факельных просветах и снова исчезая в непроницаемой тьме. Даже отчаянные гуляки вздрагивали и крестились при виде этого монаха; на него не посмели посягнуть и грабители, хотя обычно они имели мало уважения к святости и не считали зазорным обирать священнослужителей.

Призрак медленно перемещался по Лондону, пока не достиг старого заброшенного аббатства на восточной окраине города. Оно пользовалось недоброй славой среди жителей столицы: сказывалась близость Тауэра, но пуще того их пугала легенда, связанная с разрушением этой обители. Говорили, что её

последний аббат и братия заключили договор с дьяволом; в алтаре монастырской церкви проводились сатанинские обряды, на которые собирались все лондонские ведьмы и которые заканчивались шабашем. Благодаря союзу с сатаной, монахи получили неслыханную силу; именно в этом аббатстве король Ричард III, исчадье ада, получил благословение на царствование.

Но дьявол коварен и договоры с ним ненадёжны – в решающий момент битвы при Босворте, когда решалась судьба Ричарда, нечистый отвернулся от короля. Конь Ричарда обернулся вдруг чёрной кошкой: разбрасывая искры, с жутким завыванием умчалась она с поля битвы. Напрасно Ричард пытался отыскать другого коня и предлагал за него полцарства – в считанные минуты король погиб, и душа его отправилась в преисподнюю. А в Лондоне в тот же миг сатанинское аббатство охватил адский пламень; жители столицы видели, как языки огня сложились в фигуру, напоминающую Люцифера, – такого, каким он изображён в Писании. Стены монастыря раскололись надвое, церковь обрушилась и похоронила под собой всю нечестивую братию вместе с аббатом. Но он не успокоился и продолжал появляться на монастырских руинах: аббат часто бродил здесь по ночам – и горе человеку, попавшему сюда! Никто больше не видел безумцев, осмелившихся прийти к этому монастырю после захода солнца…

Чёрный монах ощупью пробрался через нагромождение камней до бывшей трапезной, – она меньше всего пострадала от пожара. Вход в неё был завешен широким плащом, из-под которого пробивался слабый свет.

– Слышны уже трубы Иерихонские, – тихо произнёс монах.

– И первая печать отверзнута, – ответили ему.

Монах приподнял плащ и вошёл в трапезную. На груде кирпичей сидел высокий человек в одежде лондонского констебля и держал наготове шпагу.

– Вы заделались полицейским, сэр Томас? – весело спросил монах.

– Так легче сегодня пробраться по Лондону, – сказал сэр Томас, откладывая шпагу в сторону. – Туман спутал наши планы, – я сижу тут битый час, и вы всего третий, кто явился на встречу.

– Первый – это вы, а кто же второй? – поинтересовался сэр Джон.

– Сэр Эндрю, но от него, как всегда, мало толку. Он ещё не протрезвел после своих именин; вон он, спит в углу.

– Что же вы хотите, двух недель не минуло, как он начал праздновать, – усмехнулся сэр Джон. – Поразительно, что он

вообще пришёл.

– А как вы дошли, без приключений?

– Мне пришлось стать монахом и напустить жути на лондонский люд. Боюсь, что свойственная народу вера в привидения ещё более усилилась после моей сегодняшней прогулки, – сэр Джон скинул клобук, потом рясу и остался в своём обычном наряде. За поясом был заткнут пистолет, на боку висела короткая шпага, из голенища сапога виднелась рукоятка кинжала. – Как видите, привидения привидениями, но я, к тому же, неплохо вооружился и мог бы постоять за себя… Однако мне непонятно, зачем было назначать свидание в этом монастыре, когда есть наша славная «Свиная голова»? Лучшего места сейчас не найти, толпы лондонцев бродят по трактирам, мы ни у кого не вызывали бы подозрений, – он присел на обломок каменой капители напротив сэра Томаса.

– Вы правильно сказали – толпы бродят по трактирам, – кивнул сэр Томас. – В «Свиной голове» сейчас не протолкнуться, не говоря уже о том, что какие-нибудь буяны, чего доброго, затеяли бы драку. Королева Мария не мешает своему народу пить, – более того, она поощряет его к пьянству. Это показатель неправедности власти, между прочим. Праведная власть не станет спаивать народ, однако власти неправедной лучше иметь дело именно с пьяным народом, – пусть себе пьёт, лишь бы на власть не восставал.

– Ну, если судить о власти по состоянию народной трезвости, то праведную власть мы найдём лишь в Царствии Небесном! – воскликнул сэр Джон.

– Не богохульствуйте, милорд, это не повод для шуток – сурово заметил сэр Томас. – Давайте поговорим, пока никого нет, о вашем визите к принцессе Елизавете. Как вы съездили?

– Прекрасно, милорд! Принцесса вспомнила меня и была очень любезна.

– Она поняла, что вы приехали по нашему поручению?

– Я намекнул ей об этом.

– Почему вы не сказали прямо?

– Принцесса окружена шпионами, с неё не спускают глаз.

– Бедная Елизавета! Как она несчастна!

– Несчастна? Вы заблуждаетесь, милорд. Принцесса не потеряла живости характера, Елизавета бодра и весела.

– Вот что значит вера в Бога! Она придает нам силы в самых безнадёжных ситуациях, – с чувством произнёс сэр Томас.

– Скорее, вера в своё предназначение. За два дня, что я был там, я не услышал ни единого слова о Боге, – возразил сэр Джон. – О набожности принцессы можно судить только по тому,

что она молится у себя в спальне два раза в день, утром и вечером.

– Тому, кто носит Господа в сердце своём, не надо непрестанно поминать его имя и молится напоказ, – ответил сэр Томас.

– Да? Тогда я – самый что ни на есть верующий! Я не молюсь и не веду разговоров о Боге, – улыбнулся сэр Джон. – Кстати, наш сэр Эндрю, который сейчас храпит в углу, тоже очень верующий человек, если исходить из вашего определения.

– Как вам показалось, достанет ли у Елизаветы решимости в критический момент присоединиться к нам? – спросил сэр Томас, оставив эту тему.

– Если она будет полностью уверена в успехе. Принцесса умна и осторожна, – вряд ли она ввяжется в сомнительное предприятие, а тем более, в авантюру.

– В делах подобного рода трудно заранее предсказать результат, – пока он не будет ясен, сомнения останутся. В случае провала нашу попытку назовут авантюрой, но если мы добьёмся успеха, скажут, что это была блестящая политическая операция, – глухо пробормотал сэр Томас.

– Насколько я знаю Елизавету, для неё лучше подождать результата.

– Плохо, – лицо сэра Томаса помрачнело. – Если бы принцесса открыто присоединилась к нашему выступлению, к нам примкнуло бы больше людей.

– Увы, нам придётся рассчитывать исключительно на себя, – развёл руками сэр Джон.

– Ну, что же, пусть так! Выступление всё равно состоится, – решительно сказал сэр Томас.

– Я хотел сообщить вам ещё кое о чём. Ко двору принцессы приезжал на днях сэр Роберт Дадли.

– Роберт Дадли?! – сэр Томас изумлённо посмотрел на сэра Джона. – Сын казнённого лорд-канцлера? Убеждённый протестант? Мой бог, как же его допустили ко двору Елизаветы?

– Но прежде его допустили ко двору королевы Марии.

– Не может быть! Вы не ошибаетесь, ваши сведения точные?

– Так вы и этого не знаете? – в свою очередь удивился сэр Джон. – В Лондоне только об этом и говорят.

– Мы были так заняты подготовкой к выступлению, что нам было не до слухов.

– Да, хороший у нас заговор, – протянул сэр Джон.

– Роберт Дадли бывает при дворе королевы и одновременно – при дворе принцессы, – задумчиво произнёс сэр Томас, не расслышав последнего замечания. – Что же это означает?

– Без ведома лорд-канцлера визиты Роберта Дадли не состоялись бы. Сэр Стивен – хитрая лиса, его следует опасаться. Это всё, что я сейчас могу сказать.

– Но, возможно, сэр Роберт ведёт собственную игру? Возможно, он решил втереться в доверие лорд-канцлеру? А что если сэр Роберт, действуя в одиночку, преследует те же цели, что и мы – хочет возвести на престол Елизавету? – сэр Томас воссиял от своей догадки.

– Роберт Дадли?! – сэр Джон пристально поглядел на сэра Томаса, пытаясь определить, не шутит ли он. Но сэр Томас был совершенно серьёзен, и тогда сэр Джон сказал: – Господь с вами, милорд! Насколько я могу судить, Роберт Дадли не способен втереться в доверие даже к своей собаке, – а уж составить заговор для него так же невозможно, как монашке обратить на путь истинный пиратов южных морей. Впрочем, монашка способна проявить большую силу воли и ума, чем сэр Роберт. Принцесса Елизавета назвала его тряпкой и болваном, – и, по-моему, она недалека от истины.

– Может быть, может быть… – пробурчал сэр Томас. – Со временем всё откроется.

– Но нам надо быть особенно осторожными сейчас, – возразил сэр Джон. – На нашем месте, я бы не спешил связываться с Дадли.

– Мы это обдумаем… А вы продолжайте бывать у Елизаветы, пейте, ешьте, веселитесь, – и ждите нашего сигнала. Если у вас появятся какие-нибудь важные сведения, сообщите мне, – сэр Томас поднялся и вложил свою шпагу в ножны. – Больше ждать бесполезно: из-за проклятого тумана никто не придёт. Но что делать с сэром Эндрю? Удастся ли нам его растолкать?

– Оставьте сэра Эндрю мне: я как-нибудь сумею доставить его домой.

– Благодарю вас. Прощайте милорд, и да хранит вас Бог!

– Прощайте, милорд.

Когда сэр Томас удалился, сэр Джон подошёл к спящему сэру Эндрю и потряс его за плечо.

– Подымайтесь, дорогой Эндрю! Заседание заговорщиков окончено.

– О, сэр Джон, мой добрый друг! – сказал сэр Эндрю, открывая глаза. – Как я рад, что вы пришли на мои именины. Пейте, ешьте, веселитесь – и к чёрту все заботы!

– Хороший совет и, главное, я получаю его уже во второй раз, – заметил сэр Джон. – Последовать ему, что ли?… Ну же, сэр Эндрю, попытайтесь встать. Не получается? Ох, придётся мне тащить вас на себе – чего не сделаешь ради дружбы!

…От берега Темзы шли тесной гурьбой лодочники, возвращающиеся домой. Они держали вёсла на плечах, наподобие дубин, и подбадривали друг друга солёными шутками. Проходя мимо дьявольского аббатства, лодочники ускорили шаг и старались не смотреть в ту сторону. Вдруг один из них закричал, затрясшись от ужаса:

– Великий боже! Глядите!

Они увидели в руинах монастыря призрак чёрного монаха. Призрак плыл по воздуху и нёс на себе какого-то человека; через минуту оба растворились в тумане.

– Свят, свят, свят, – крестились лодочники, не в силах сдвинуться с места. – Опять он бродит по ночам и хватает честных христиан, – ещё одна погубленная душа! Нет, братцы, хоть убейте меня, но это не к добру! Неладные дела в нашем королевстве, – попомните моё слово, нас ждут большие потрясения…

* * *

По случаю тумана в королевском дворце была вдвое усилена охрана. Через каждые пятнадцать минут патрули совершали обход, на стенах гвардейцы стояли через пять шагов друг от друга. Стража проверяла даже тех, кто входил и выходил через внутренние ворота дворца. Большее смятение вызвало желание королевы прогуляться вечером по парку – решено было спрятать за кустами и деревьями, по ходу следования королевы, тайных агентов в цивильной одежде. Они должны были обеспечить безопасность её величества, не выдавая себя, ибо королева не выносила присутствия посторонних на своих прогулках.

Выйдя из дворца, Мария направилась к развалинам бывшей канцелярии мастера Хэнкса. Здесь она велела своей свите оставить её одну, что не вызвало удивления, так как королева часто это делала. Стараясь, чтобы опавшие листья не шуршали под ногами, Мария встала под кустами орешника; ей показалось, что возле развалин кто-то глухо кашлянул.

– Сэр Роберт? – негромко позвала Мария. Никто не отозвался.

Сквозь туманную пелену она пыталась разглядеть, есть ли там кто-нибудь. Развалины канцелярии были похожи на тёмную мрачную пещеру, вход в подземное царство. Марии стало жутко; краем глаза она заметила, как в нескольких шагах от неё мелькнула чья-то тень.

– Сэр Роберт?! – с тревогой вскричала Мария. Тень исчезла.

Мария бросилась к аллее, где горели огни и где ждала её

свита.

– Ваше величество! – услышала она голос сэра Роберта.

– Бог мой, милорд, я уже думала, что не дождусь вас! – с упрёком сказала Мария, когда сэр Роберт подошёл к ней. – Вы опаздываете.

– Разве? – испуганно спросил он. – Я старался прийти точно ко времени. Стража задержала меня: сейчас везде караулы, везде проверяют… Прошу меня простить, мадам.

– Вы должны понимать, что мне не так-то просто найти хотя бы полчаса для неофициального дружеского разговора: мой день во дворце расписан по минутам.

– Я понимаю, ваше величество. Ещё раз прошу простить меня, – сэр Роберт с виноватым видом поклонился королеве.

– Я прощаю вас. Славу богу, что теперь мы одни. Я хотела спросить вас… – Мария остановилась.

– О чём вам будет угодно, мадам! Я отвечу на любой ваш вопрос, – с готовностью сказал сэр Роберт.

– Вопрос будет необычный, но мне надо знать…

– Да, мадам?

– Мне стало известно, что вы посещаете мою сестру Елизавету? Это правда? – Мария взглянула на него, лицо её дрогнуло.

– Ваше величество! – вскричал сэр Роберт, почувствовав, что всё-таки совершил ошибку. – Я действительно был с визитом у Елизаветы, – с одним визитом, ваше величество! Мне сказали, что это необходимо, что это нужно из вежливости, из приличия, из этикета. Я ведь знаком с Елизаветой с детства, поэтому мне нужно было нанести ей визит. Ну, вот и всё… – смешался сэр Роберт.

– Вы дружили, когда были детьми?

– По-моему, Елизавета терпеть меня не могла, да и мне она не нравилась.

– А сейчас она вам понравилась?

– Кто?

– Моя сестра Елизавета, – терпеливо пояснила Мария.

– Ну, я не могу сказать… Не знаю, ваше величество, – отвечал сэр Роберт, ощущая спазмы в горле.

– Она некрасива, но мила, не правда ли? – продолжала допытываться Мария. – Говорят, мужчинам нравятся рыженькие, а Елизавета – рыжая.

– Ваше величество, – просипел сэр Роберт.

– И она молода, ваша ровесница. Ровесники легко находят общий язык.

– Ваше величество, я не знаю! – с отчаянием отвечал сэр

Роберт.

В развалинах опять кто-то кашлянул, а в кустах снова мелькнула чья-то тень.

– Тише, милорд, – Мария предостерегающе поднесла палец к губам. – Не надо чтобы нас слышали. Ответьте, какой вы нашли Елизавету? Опишите мне её.

– Ну, как вы и сказали, она рыжая, некрасивая, – начал, смущаясь, сэр Роберт.

– Далее.

– Много бриллиантов, очень много бриллиантов.

– Это её слабость. Незаконнорожденная дочь, мать казнена за разврат и государственное преступление – чего же вы хотите? Она постоянно должна доказывать своё превосходство, в том числе с помощью драгоценностей, – презрительно заметила Мария.

– Её голос то тонок, то груб.

– Грубый, как у возницы. Можно подумать, она закалила его криками: «Эй, поберегись! Эй, дай проехать!».

Сэр Роберт засмеялся.

– Чему вы смеётесь, милорд? – спросила Мария.

– Только что, проезжая в тумане по Лондону, я то и дело слышал такие крики.

– Если бы вас сопровождала моя сестра, путь вам был бы расчищен за милю.

От развалин донёсся звук, похожий на сдавленное мяуканье.

– Житья нет от этих кошек. Я приказываю гнать их из парка, но они всё равно прибегают, – сказала Мария. – Я не люблю кошек, в них есть что-то дикое и тупое: никогда не знаешь, чего от них ждать, ласки или когтей. Птички божие милы и непосредственны, собаки умны и преданны, но кошки просто отвратительны в своей непредсказуемой коварности. Всегда себе на уме и готовы вцепиться в тебя, – их мягкая пушистость всего лишь обман. К тому же, они глупы, даже глупее птиц. Мне кажется, что кошек любят люди, которые не уважают себя, в которых есть какой-то скрытый ущерб. Елизавета любит кошек, у неё есть кошки во дворце?

– Не видел, ваше величество.

– У неё должны быть кошки, было бы странно, если бы у неё их не имелось. Впрочем, кошки являются ещё признаком домашности, а какая домашность может быть у Елизаветы? Девочки, выросшие без матери, не умеют вести дом, – решительно заявила Мария и тут же прибавила: – А я умею – моя мать была настоящей королевой и настоящей женщиной, при ней дворец короля Генриха был подлинным королевским домом. Я тоже могла бы навести здесь, во дворце, порядок, но не хочу. Зачем

мне это? Все мои помыслы отданы Богу, мирская суета меня не интересует, – со вздохом произнесла она. – Но продолжайте, – как вам поведение Елизаветы? Я слышала, что живость характера искупает недостатки её воспитания.

– Живость характера? – удивился сэр Роберт. – Я не сказал бы этого. Её высочество приняла меня холодно, задала несколько вопросов, а потом вообще отвернулась от меня. Принцесса надменна и замкнута.

– Значит, она не удостоила вас приятной беседой? – в голосе Марии прозвучала непонятная ирония. – Значит, вы зря ездили к ней?

– Ваше величество, мне сказали, что это необходимо было сделать! – взмолился сэр Роберт. – Если вам не угодно, чтобы я бывал у её высочества, ноги моей там больше не будет, клянусь вам!

– Не думаете ли вы, что меня заботит, бываете ли вы у принцессы Елизаветы или нет? Вы забываетесь, милорд, – у королевы много других, более важных дел, – голос Марии напрягся.

– Ваше величество, – сэр Роберт опустился на колени прямо на мокрые листья. – Прикажете казнить меня, если я чем-нибудь оскорбил вас. Я не хотел, я не желал вас обидеть, – боже мой, я совсем не умею вести себя при дворе! Моё желание – преданно служить вам, но я доставляю одни неприятности. Казните, меня, ваше величество, если я того заслуживаю. Казните меня, ваше величество!

В кустах орешника громко треснула ветка.

– Это большой жирный кот, – сказала Мария, – под ним даже ветки ломаются. Пошёл отсюда, пошёл! Брысь!.. Встаньте, милорд, – обратилась она к сэру Роберту, – я не сержусь на вас. Вы наивны, как ребёнок, но это неплохо. Сохраняйте свою наивность, она мне нравится… Вы видите сны? – спросила она, когда сэр Роберт поднялся.

– Наверное, вижу, – ответил он и испуганно взглянул на королеву: не сказал ли опять невпопад.

– Почему «наверное»? – ласково проговорила Мария. – Вы не знаете точно?

– Когда я ложусь спать, то проваливаюсь, словно в яму; а когда просыпаюсь, не помню, видел ли что-нибудь во сне.

– А я постоянно вижу сны; они бывают настолько яркими и связными, что мне кажется, я живу двумя жизнями – одной наяву, а другой во сне – и вторая насыщеннее первой… Я вам расскажу сон, который я видела вчера. Это очень личное, но вы – мой друг, и вам я могу довериться. Ведь вы мне – друг?

– Мадам! – горячо вскричал сэр Роберт, приложив руку к сердцу.

– Тише, милорд, не надо кричать, а то нас услышит кто-нибудь… Вот мой сон. Мне снилось, что я еду по большой дороге, проложенной над крышами Лондона. Вверху непроницаемая тьма, внизу туман, как сейчас, ничего не видно, но зато отчётливо слышны все звуки. Там кто-то поёт, кто-то ругается, а кто-то объясняется в любви. Эти звуки невыносимы, они будто раздаются в замкнутом пространстве, что-то вроде громадного медного таза, которым накрыт и Лондон, и дорога, по которой я еду, и вообще весь мир.

Я погоняю лошадь, но она не повинуется и продолжает еле-еле плестись. Моя голова нестерпимо болит, мне не хватает воздуха, я задыхаюсь. В довершение всего, сквозь булыжники дороги проступает какая-то жидкость; её становится всё больше, и я чувствую запах крови. Я хочу кричать, но не могу, из горла вырываются лишь слабые стоны, – и тут ещё лошадь поворачивает ко мне морду и жутко скалится; её шея вытягивается, как у дракона, зубы превращаются в клыки, и эта адская тварь начинает грызть мне колени и руки.

Я понимаю, что умираю, что умру через мгновение, – но в этот последний миг появляется рыцарь в золотых доспехах. Он подхватывает меня, сажает на своего коня, и мы взлетаем в небо. Тьма рассеивается, в тёмно-синем воздухе загораются звёзды, справа нам светит солнце, а слева – луна.

Ах, как приятно было лететь в небесной синеве! Эфир так лёгок, он был тёплым и нежным, как кожа ребёнка; он был наполнен запахами лаванды и фиалок. Мой рыцарь читал мне прекраснейшие стихи, их строфы разносились с тонким звоном по небесам, – и где-то звучали арфы, источая чудесную, радостную и трогательную мелодию…

Внезапно всё кончилось. Я снова еду по дороге, но уже в самом Лондоне через наши отвратительные грязные предместья. Улица за улицей, переулок за переулком я проезжаю их и не могу добраться до своего дворца. Меня сопровождает свита, я слышу пустые разговоры и пошлые шутки. Возле меня едет человек и бормочет любезности, каждое слово которых фальшиво. Моё сердце ноет от тоски; мне ясно, что мне никогда не добраться до моего дворца, – не говоря уже о сияющем небе, которое закрыто для меня навечно…

Вот такой сон. Что вы на это скажете?

– Ну, мадам, я, ей-богу, не знаю, что сказать! – потёр переносицу сэр Роберт. – Вам бы лучше обратиться к придворному магу, а я не мастер разгадывать сны.

– Но вы хотели бы стать рыцарем, спасающим меня от адских видений?

– Мадам, только прикажите! – пылко воскликнул сэр Роберт.

– Разве рыцарю надо приказывать спасать свою даму?

– О, нет, конечно, нет! Я не то хотел… Я не об этом… Бог мой, я непроходимый идиот! – с отчаянием заключил сэр Роберт.

– Будем надеяться, что это пройдёт, – улыбнулась Мария. – Но мне пора идти. Мои придворные заждались меня.

– Прощайте, мадам, – поклонился сэр Роберт. – Я благодарен вам за аудиенцию и за беседу.

Мария стояла недвижно.

– Поцелуйте же руку своей королеве, – наконец, сказала она.

– Да, разумеется! Это такое счастье! – сэр Роберт приложился к её руке.

Пальцы Марии затрепетали, по телу прошла дрожь.

– Милорд, – выдохнула королева. Затем, отняв руку и не глядя на него, проговорила: – Прощайте! – и быстро пошла к аллее, где её ждала свита.

– Прощайте, – повторил сэр Роберт. Он провожал Марию взглядом до тех, пока она не скрылась в тумане, а потом пошёл к воротам парка.

Из кустов орешника и от развалин канцелярии вылезли два тайных агента.

– Ты всё слышал? – спросил один другого.

– Всё.

– И что нам теперь делать?

– Доложить епископу Эдмунду.

– Но не будет ли это разглашением секретов её величества? Как бы нам не поплатиться за то, что мы слышали личный разговор королевы.

– А если не доложим, нас обвинят, чего доброго, в утаивании важных сведений. В конце концов, мы выполняем свою работу – и точка! Доложим его преосвященству – а там пусть сам разбирается! Наше дело сторона.

– Ох, нелегка государственная служба, будь она неладна! – покачал головой первый агент.

* * *

Сэр Стивен был в отличных отношениях с Богом: они не мешали друг другу, каждый занимался своим делом. Сэру Стивену никогда в голову не приходило влезать в планы Всевышнего или пытаться постичь его замыслы – это было, по

меньшей мере, невежливо; Бог, со своей стороны, тоже не препятствовал сэру Стивену в его работе, предоставив ему полную свободу действий. Такие отношения были легки, необременительны и не вызывали конфликтов – в итоге, дела сэра Стивена шли превосходно и он всем сердцем желал, чтобы они были столь же хороши у Бога.

Сэр Стивен не ставил перед собой недостижимых целей, не шёл против течения и поэтому получал всё что хотел. Важным обстоятельством, способствующим его жизненным успехам, было также умение вовремя остановиться, – а это трудно, особенно когда удача следует за удачей, а жизненные блага сыплются, словно из рога изобилия.

К людям сэр Стивен относился ровно и спокойно: в годы правления короля Генриха он прекрасно ладил с сэром Томасом Мором, непримиримым противником реформ, и с сэром Томасом Кромвелем, убеждённым их сторонником, и с кардиналом Вулси, не помышлявшим об отделении английской церкви от Рима, и с архиепископом Кранмером, добивавшемся этого отделения. Помимо этого, у сэра Стивена значились в приятелях многие другие видные католики и протестанты, – а также он водился с купцами-сарацинами, евреями-ростовщиками, и, наконец, с одним учёным индусом, вывезенным португальцами с Цейлона и после долгих мытарств попавшим в Англию.

Сэр Стивен был подобен умелому садовнику, который находит надлежащее место каждому растению, имеющемуся в его распоряжении – и плодовым деревьям, и декоративным кустарникам, и экзотическим цветам, и простой траве. При правильном использовании всё это может приносить пользу или радовать глаз, – и лишь в крайних случаях, когда растения начинают мешать развитию сада, приходится прибегать к прополке.

Хорошо возделанный сад – сам по себе награда для садовника, а если садовое хозяйство ещё и приносит неплохой доход, то большего и желать нельзя. Государственный сад, возделываемый сэром Стивеном, находился в образцовом состоянии и приносил ему замечательный доход; если бы не сорняки, время от времени пытающиеся завоевать себе место под солнцем, всё было бы великолепно. Для прополки сорняков, однако, можно было позвать помощника, не гнушающегося грязной работой: таким помощником для сэра Стивена был епископ Эдмунд. Он относился к распространённому в Англии типу людей, которые хотят больше, чем могут, и которых мучает изжога от вида чужих успехов. Епископ был твёрдым приверженцем католичества, но не от того, что отличался

благочестием и ревностью к вере, а из-за неспособности найти другое надёжное пристанище в своей жизни. Католичество было его цитаделью и одновременно осадной башней: оно помогало ему отбиваться от врагов, посягающих на его жизненное пространство, и, в свою очередь, нападать на них. В Англии после реформ короля Генриха оказалось большее количество тех, кто потерявшись в новых жизненных условиях, заперлись в католической цитадели и совершали оттуда отчаянные вылазки на врагов, – а врагами они считали всех непохожих на себя, а уж тем более, возвышающихся над ними. Епископ Эдмунд мог бы стать вождём этих испуганных и озлобленных королевских подданных, но ему не хватало ума и смелости, – зато при лорд-канцлере сэре Стивене он почувствовал свою значимость, пусть и на второй роли. Пропалывать государственный сад от сорняков, бросать плевела и не приносящие доброго плода деревья в огонь, стать оплотом многострадальной веры и верующих, – такая высокая миссия стоила каких угодно жертв. Епископа огорчало лишь то, что сэр Стивен всё время сдерживал его и не давал развернуться, как следует…

В тумане, проникшем в королевский дворец и заполнившем все помещения зябкой мглой, епископ Эдмунд важно шествовал на встречу с сэром Стивеном. Епископа сопровождали четверо вооруженных телохранителей – двое спереди и двое сзади – ибо он боялся покушений. Придворные почтительно расступались перед кортежем епископа, низко кланялись его преосвященству, но за его спиной перемигивались и строили смешные рожи. Епископ с холодным высокомерием не замечал эти низкие выходки, – что значили для него, хранителя устоев Англии, гримасы неблагодарной толпы?

В комнате заседаний Королевского Совета, под Плутоном, похищающим Прозерпину, епископа Эдмунда ждал сэр Стивен. Туман в этой комнате был такой густой, что дым от горящих в камине поленьев не уходил вверх, а расстилался по полу; огромные толстые свечи в массивных канделябрах нещадно трещали и вот-вот готовы были погаснуть, а свечи на люстрах светили будто из-за облаков.

Епископу пришлось подойти к сэру Стивену почти вплотную, чтобы разглядеть его.

– Это я, ваше преосвященство, – сказал лорд-канцлер. – Какой туман, а? Не видно ни зги. Вот кресло, – присаживайтесь, прошу вас.

– Не открыть ли окна? Здесь сильно пахнет дымом – как бы не угореть, – проворчал епископ.

– Все окна открыты, но что толку? Мы лишь напустили

тумана с улицы, – он идёт сюда и не выходит обратно. Он настолько плотный, что в нём гаснут даже звуки: перед самым вашим приходом трубач королевской стражи протрубил смену караула, и впервые за много лет я едва услышал его. Беда с этим трубачом – я сто раз просил его не трубить под нашими окнами, но ему мои слова как об стенку горох! Я требовал именем королевы, я заклинал божьим именем – результат тот же. Знаете, ваше преосвященство, есть вещи, над которыми не властны не только земные правители, но сам господь Бог: казалось бы, я обладаю немалой властью в Англии; казалось бы, её величество обладает властью ещё большей, – ну уж, а Господе я и не говорю, – но ни я, ни королева, ни Господь Бог не можем заставить этого проклятого трубача не трубить под окнами! Как вам это нравится? – улыбнулся сэр Стивен.

– Да, туман нынче сильный, – отвечал епископ Эдмунд, не принимая шуточного тона лорд-канцлера. – Я помню, что такой же туман был в тот проклятый день, когда парламент принял решение просить его святейшество папу о разводе короля Генриха с королевой Екатериной. Тогда-то и начались все беды нашей страны. А вы, ведь, тоже выступили за развод? Не с того ли дня началось ваше возвышение? – епископ угрюмо поглядел на сэра Стивена.

– Что поделаешь, мой дорогой епископ, – развел руками сэр Стивен, – такие были времена! Вы, если не ошибаюсь, также приняли некоторое участие в бракоразводном процессе короля Генриха и даже ездили в Рим в составе посольства, призванного просить папу о разводе.

– Я вынужден был это сделать! – резко отозвался епископ Эдмунд. – Нам, убеждённым и стойким католикам, надо было спасать истинную веру ценой притворства и предательства. Да, такое было время!

– Однако времена меняются, и мы меняемся вместе с ними, – заметил сэр Стивен с примирительной улыбкой. – Можете поздравить меня: я утвердил в парламенте вердикт о незаконности развода Генриха с Екатериной, – следовательно, их брак считается не расторгнутым. Наша королева Мария имеет, таким образом, неоспоримые права на престол.

– А как же остальные браки короля Генриха? – спросил епископ.

– А их попросту не было! Были лишь любовные увлечения короля, не более того, – с готовностью пояснил сэр Стивен.

– Но король Эдуард, сын Генриха? Он же правил Англией – получается, что это было незаконно?

– Совершенно верно, – кивнул сэр Стивен, – но не будем же

мы судить покойного?

– Однако завещание Генриха? – продолжал допытываться епископ. – В нём наследницей после Эдуарда названа Мария – не ставит ли это под сомнение права её величества, если само завещание становится сомнительным?

– Ничуть. Завещание ни играет теперь большой роли, – даже если найдутся умники, которые примутся изучать это завещание через увеличительное стекло, они ничего не добьются. Законность и нерасторжимость брака короля Генриха и королевы Екатерины делают законной и неприкосновенной власть их единственной дочери королевы Марии, – торжествующе проговорил сэр Стивен.

– Ловко! – епископ Эдмунд посмотрел на лорд-канцлера уже с восхищением. – Однако вы забыли ещё об одном персонаже этого процесса, – прибавил он и сделал многозначительную паузу.

– Вы имеете в виду Елизавету? – тут же догадался сэр Стивен. – О, она всего лишь второстепенный персонаж и никогда не выйдет в первые! Брак её матери Анны Болейн с королём Генрихом был расторгнут самим Генрихом, и Анна Болейн была обезглавлена. С таким прошлым Елизавете ни за что не стать королевой; правда, она упомянута в завещании Генриха на третьем месте после Эдуарда и Марии, но, как я уже сказал, это завещание не играет теперь большой роли. Тем не менее, мы обязаны на всякий случай предпринять кое-какие меры, – для этого я вас сегодня и позвал, это первый вопрос из двух, которые я хотел с вами обсудить.

– Вы согласны, наконец, склонить Марию к браку с Филиппом Испанским? – епископ недоверчиво покосился на лорд-канцлера.

– Дался вам этот Филипп! – в сердцах воскликнул сэр Стивен. – Только и слышишь от вас – Филипп, Филипп!

– Что плохого в Филиппе? – возразил епископ. – Он ревностный католик. Кроме того, нельзя забывать, что за ним стоит мощь Священной Римской империи, а это, не считая Вест-Индии, десять королевств, объединённых под властью Карла, отца Филиппа.

– А будет одиннадцать, если включить в их число пока ещё не подчинённую империи маленькую Англию, – заметил сэр Стивен, покачивая головой.

– Пусть лучше Англия войдёт в состав империи Карла, чем погрязнет в протестантской ереси, – решительно сказал епископ. – Вам бы мои заботы, милорд, вы бы поняли, каких трудов мне стоит удержать страну в повиновении. Ересь подобна застарелой экземе, – сколько не лечи, не вылечишь, появляются всё новые и новые пятна.

– По-вашему, лучше убить больного, чем лечить его? –

хмыкнул сэр Стивен. – Старайтесь, всё-таки, лечить, ваше преосвященство. В ваших руках такой инструмент, которому позавидует любой хирург, и такие средства терапии, которыми не обладает ни один лекарь, – восстановленная у нас в стране церковь являет собой мощную силу для оздоровления людей. Вы должны признать, что мы ничего не жалеем для церкви: вам вернули отнятые при Генрихе монастыри и храмы, вам возвращают земли, вам дают немалые деньги, – так помогите власти земной, опираясь на власть небесную! Кто, как не вы, можете внушить верующим уважение и почтение к правительству, освятить повиновение ему божественной волей и нашими славными христианскими традициями?

– Меня не надо этому учить, – перебил его епископ. – Мы постоянно это делаем. Однако дьявольские семена отрицания живучи, – они прорастают даже сквозь каменистую почву.

– Вот, сеющих их и надо преследовать! Беспощадно преследовать.

– Мы делаем и это, как вы знаете.

– Знаю и ценю ваше усердие. Можете и впредь опираться в своих карательных мерах на нашу полную поддержку… Однако, мы начали говорить о браке нашей королевы. Мне пришла в голову идея: а не возобновить ли нам контакты с французским двором? Марию когда-то хотели выдать замуж за французского короля Франциска.

– Но Франциск давно умер, – возразил епископ.

– …А потом за дофина, его сына, тоже Франциска.

– Но и он умер.

– Да, однако теперь во Франции есть другой дофин, опять-таки Франциск, внук Франциска Первого. Может быть, Марии больше повезёт с третьем по счёту Франциском в её жизни?

– Вы шутите, милорд? – епископ Эдмунд изумлённо уставился на лорд-канцлера. – Этот третий Франциск моложе нашей королевы почти на тридцать лет.

– Ну и что? Зрелые женщины часто любят мужчин значительно моложе себя, – беспечно сказал сэр Стивен. – Между прочим, ваш Филипп моложе Марии на одиннадцать лет.

– Но Филипп – мужчина в расцвете сил, а французский дофин ещё ребёнок: ему нет и десяти, кажется.

– Ничего, вырастет, – махнул рукой сэр Стивен. – При французском дворе мальчики уже в тринадцать лет обзаводятся любовницами.

– Мария никогда не согласится на брак с этим ребёнком, – убеждённо проговорил епископ Эдмунд.

– Мой дорогой епископ, должен вам заметить, что нет такой

женщины, которая будучи одинокой и несчастной, не согласилась бы выйти замуж за кого угодно, лишь бы он имел мужские черты, – даже за дьявола в мужском обличии.

– Господи помилуй! – перекрестился епископ.

– Ладно, оставим пока это, – сэр Стивен закашлялся и приложил платок к носу. – Действительно, здесь недолго угореть… Второй вопрос, который я хотел с вами обсудить, более простой. Мой подопечный, сэр Роберт Дадли, – что с ним? Вы наблюдаете за этим молодым человеком?

– Он не оправдал наших надежд. При дворе Елизаветы ему был оказан холодный приём, зато при дворе её величества – чересчур тёплый.

– Что такое? Поясните.

– Королева проявила определённую симпатию к сэру Роберту. Ему было назначено тайное свидание.

– Вот как? Бог мой, что же она в нём нашла! – усмехнулся сэр Стивен. – Свидание было интимным?

– Что вы, милорд! Её величество всегда держится в рамках дозволенного.

– Вы полагаете, что близость между мужчиной и женщиной – недозволенная вещь?

– Милорд!

– Хорошо, не буду… Итак, сэр Роберт стал духовным другом королевы. Итальянец Марсилио Фичино, известный своим толкованием трактатов Платона, назвал такие отношения «платонической любовью». Не знаю, как в остальном, но для особ королевской крови эта любовь в одном отношении лучше любви эротической, – сэр Стивен показал на одержимых страстью Плутона и Прозерпину, – от платонической любви не бывает потомства… Ну и пусть себе её величество забавляется; я ведь говорил, что её душевное спокойствие тоже имеет для нас немаловажное значение.

– Это, безусловно, важно, но как быть с интересами государственной безопасности? Мы собирались использовать сэра Роберта Дадли как приманку для заговорщиков, в этом была наша главная цель.

– Я не забыл, но кто сказал, что эта цель отпала? Об отношениях сэра Роберта и королевы скоро начнут болтать в Лондоне, – значит, у заговорщиков появится больше причин искать встречи с Дадли. Друг королевы, – это же прекрасно для заговора! А холодный приём у Елизаветы – ерунда: сегодня так, а завтра эдак! В конце концов, её холодное отношение к сэру Роберту – замечательное прикрытие, ибо снимает подозрения с Дадли в попытке возвести Елизавету на престол… Нет, ваше

преосвященство, наша главная цель по-прежнему существует и с Дадли глаз спускать нельзя. С вашего позволения, я тоже предприму некоторые меры.

– А что если заговорщики догадываются о нашей затее?

– И что с того? Мышь тоже догадывается, наверное, что такое мышеловка, но очень хочет сыра, который там лежит. «Я ловкая и быстрая, я сумею убежать, думает мышь. Я хитрая, меня не поймают». Пусть догадываются, – против запаха сыра им не устоять.

– Хорошо, милорд, я прикажу усилить наблюдение за Робертом Дадли, – встал с кресла епископ. – Если это всё на сегодня, я пойду. У меня щиплет в глазах и першит в горле от этого чёртового дыма – прости Боже!

– Государственная служба – вредное занятие, – сказал сэр Стивен, прощаясь с ним.

Часть 4. Последние приготовления

При дворе принцессы Елизаветы готовились к танцевальному балу – это был новый вид праздника, пришедший из Франции. Раньше придворные танцы отличались незатейливостью: дамы и кавалеры просто вставали в шеренгу и шли по залу мелкими шажками, то приближаясь, то удаляясь друг от друга и постоянно кланяясь. Затем в моду вошли более сложные танцы: при короле Генрихе популярностью пользовался кантри-данс, заимствованный у крестьян и поэтому названный деревенским танцем. В нём танцующие пары образовывали круг или две противоположные линии, а движения стали более разнообразными, вплоть до небольших подпрыгиваний.

На новую высоту был поднят реверанс, особое значение в котором приобрело искусство кавалеров. Прежде всего, кавалер должен был с поклоном почтительно снять шляпу перед своей дамой, затем помахать шляпой в воздухе слева направо, водрузить её обратно на голову, положить руку на эфес шпаги, откинуть плащ, наброшенный на левое плечо, и подать даме руку, приглашая на танец. Некоторые уверяли, впрочем, что шляпой следует махать не слева направо, но справа налево, и этот вопрос вызывал такие ожесточённые споры, что несколько человек были убиты на дуэлях.

Большое значение придавалось также положению корпуса во время танца; допускалось сгибание колена, стопы, легкий отрыв ноги от пола. Можно было делать нерезкие повороты и полуповороты, допускался также простой и двойной шаг, а также «лёгкое переступание», то есть шаг с покачиванием корпуса. Стопы ног должны были располагаться по прямой линии параллельно друг другу.

Дама обязана была танцевать скромно, легко, нежно, опустив глаза. Смотреть на своего партнёра во время танца она могла лишь мельком, а говорить с ним было верхом неприличия.

Перед тем как распрощаться с дамой, кавалер снова должен был сделать реверанс, помахать шляпой, положить правую руку на плечо партнёрши, левую, держащую шляпу, – на её талию и поцеловать даму в щечку. Вначале такое необычное окончание танца вызвало потрясение при дворе и осуждение со стороны церкви; потом к этому привыкли.

Вскоре после смерти Генриха в Англии распространились слухи о невиданных ранее праздниках, которые устраивала при своём дворе Екатерина Медичи, жена французского короля Генриха II. Она называла их «балами» – от латинского «ballare»,

что означает «прыгать». В танцах, принятых при французском дворе, прыжки, действительно, стали важнейшей фигурой: дело дошло до того, что кавалер проворно и резко поворачивал в воздухе танцующую с ним даму, и этот подъем делался очень высоко. Он требовал от кавалера большой силы и ловкости, а от дамы – смелости, поскольку случалось, что кавалер не удерживал её на весу, и она падала на пол. Тем не менее, балы широко распространились по Франции и даже привели к перемене моды: дамские платья укоротились и их стали шить из более лёгких, обрисовывавших тело материалов.

В Англии говорили, что Екатерина Медичи, будучи итальянкой, (а итальянцы – легкомысленная и ветреная нация, как всем известно) вообще внесла много распущенности во французские нравы. Она устраивала многочисленные пиры, балы и маскарады, на одном из которых присутствовали женщины, переодетые в мужские костюмы, а на другом прислуживали полуобнаженные дамы, изображающие нимф. Что же касается пьес, которые там ставились, и стихов, которые там читались, то об этом лучше умолчать.

Однако принцессе Елизавете многие выдумки Екатерины Медичи пришлись по вкусу – особенно обычай показывать ноги в танцевальных прыжках. Раньше это было не только постыдно, но и некрасиво, потому что полотняные чулки не могли плотно обрисовать формы ноги. Екатерина Медичи, приехав во Францию, привезла с собой секрет вязания чулок из ниток. Шёлковые чулки, которые она как бы невзначай показала на своих ножках на балу, имели невероятный успех у французских дам; вскоре все они обзавелись такими чулками. Теперь сами дамы, желая похвастаться изяществом своих ножек, охотно шли навстречу смелым танцевальным фигурам, благодаря чему была видна обтянутая чулком нога.

Преимущество новых чулок было очевидно, они быстро распространились и по Англии. Принцесса Елизавета, обладавшая очень красивыми ногами, немедленно приобрела пару дюжин шёлковых чулок, а при своём дворе начала разучивать танцы с прыжками, – не настолько вызывающие, как при французском дворе, но всё же такие, что в ходе их дама должна была подпрыгивать, опираясь на плечо кавалера, а юбки, взметнувшись, оголяли её лодыжки.

Первый бал с подобными танцами как раз и готовился теперь при дворе Елизаветы, и принцесса была полностью поглощена им.

– Раз, два, три – и четыре! Раз, два, три – и четыре! Раз, два, три – и четыре! Боже милосердный, это так просто! Три четверти такта – три четверти, именно так следует танцевать! – громким

низким голосом восклицала разгорячённая Елизавета, обучавшая своих фрейлин и придворных кавалеров новому танцу. – Прошу вас, забудьте про две четверти – мы танцуем в три четверти. В три четверти, – повторила Елизавета по слогам для большей убедительности. – Я с вами с ума сойду. Боже мой, ну это же проще простого!.. И пожалуйста, дамы, не делайте таких отчаянных лиц, когда кавалеры поддерживают вас в прыжке, – вы же не в пучину морскую бросаетесь. А вы, господа, будьте нежнее с дамами, – не хватайте их, будто мешки с песком, которые поднимают на ярмарке, чтобы похвастаться силой. Танец должен быть красивым, изящным и приятным для всех, – ну-ка, ещё раз, все вместе, все дружно, не сбиваясь с такта, грациозно, как говорят французы! Прошу вас, постарайтесь для меня! Раз, да, три – и четыре! Раз, два, три – и четыре! Боже правый, внимательнее! И не надо мрачных лиц, – не надо, говорю я вам!..

Елизавета вскочила с кресла и сама прошлась в танце, одной рукой опираясь на руку одного из джентльменов, а другой размахивая в такт. При этом принцесса с улыбкой выполняла все движения и подпрыгивала легко и непринуждённо.

– Фу! – выдохнула Елизавета, снова опускаясь в кресло и обмахиваясь веером. – Как я устала с вами!.. Хорошо, сделаем перерыв. Принесите мне холодного имбирного пива и дайте платок с душистой водой, чтобы освежиться… А, милорд, вы приехали! – сказала она, заметив вошедшего в зал сэра Джона. – Вот прекрасный повод для вашего остроумия: битый час бьюсь со своими сатирами и нимфами, и не могу выучить их даже первому танцевальному движению. В рощах Аполлона над нами уже смеются.

– Что поделать, ваше высочество, – отвечал сэр Джон, кланяясь принцессе. – Мы, англичане, мало приспособлены к изяществу. Мы народ крепкий и основательный, мы твёрдо стоим на земле, – мы не летаем в воздухе, подобно стрекозам, и не прыгаем, как кузнечики.

– Но говорят, что танцы при дворе моего отца были очень искусными, – возразила Елизавета. – Увы, я ни разу не видела, как танцевал король Генрих: когда мне впервые разрешили присутствовать на праздниках, мой отец был уже чудовищно грузен и страдал от болей в ноге, однако я слышала, что раньше он мог блеснуть своим умением.

– Это правда, миледи, – кивнул сэр Джон. – Король Генрих любил пройтись в кантри-дансе, несмотря на свою полноту. Мне довелось видеть его на одном из придворных праздников ещё до вашего рождения, когда он танцевал вместе с вашей будущей матушкой, с леди Анна Болейн. Они были отличной парой, ими

все восхищались.

– Вот видите! Значит, мы не безнадежны! – Елизавета хлопнула в ладоши от удовольствия. – Не хотите ли пива? Я скажу, чтобы вам принесли.

– С вашего позволения, бренди. Вы так добры к старику, ваше высочество.

– Бренди для сэра Джона! Самого дорогого, того, что стоит шесть пенсов за бутылку. Но не открывайте новую бутылку, – в старой ещё должно было остаться на пару стаканов… Мне приходится считать каждый пенни, милорд, моя сестра-королева не слишком щедра ко мне, – прибавила Елизавета, вдруг помрачнев.

– О, ваше высочество, я вас понимаю! Бедность – такая неприятная штука! – сочувственно произнёс сэр Джон.

– Я еле-еле наскребла на новые чулки. Вся Европа давно ходит в шелковых, а я должна была носить полотняные, – пожаловалась Елизавета. – А как можно танцевать в полотняных чулках, если они сползают с ноги и сбиваются в складки? Вместо изящного танца выходит сплошное безобразие.

– В танцах дамы теперь показывают ноги? – удивился сэр Джон. – Вот это новость, в моё время такого не было.

– Ах, милорд, прогресс не остановишь! Надеюсь, вы не ретроград?

– Я?! Помилуйте, миледи, я всегда был за прогресс! – возмутился сэр Джон. – Что касается женских ножек, обтянутых шёлковыми чулками, я не только что не против, я всей душой за это! В самом деле, какая глупость, – прятать хорошенькие ноги под тяжёлыми длинными юбками и терять при этом немалую долю привлекательности. О, я предвижу, что амурные дела в Англии отныне пойдут полным ходом! Вы не представляете, какую притягательную силу имеет для мужчины вид стройных женских ножек.

– Я бы хотела ненадолго стать мужчиной и взглянуть на себя со стороны, – заметила Елизавета. – Это, наверное, было бы смешно.

– Что вы, моя принцесса, – вы достойны восхищения, а не смеха, – возразил сэр Джон. – Клянусь своей головой, придёт пора, когда вся Англия будет восхищаться вами.

– Ладно, оставим это. Расскажите мне лучше что-нибудь: ваши рассказы всегда так забавны.

– Охотно, миледи. Я получил письмо от моего племянника из Франции, – представьте себе, он как раз описывает в нём французский бал. Если позволите, я вам прочитаю это письмо, – по счастливой случайности, я взял его с собой.

– Ах, сэр Джон, вы опасный человек, вы всё знаете наперёд и умеете подольститься к женскому полу, – погрозила ему пальцем Елизавета. – Не удивительно, что мои фрейлины не могут устоять пред вами.

– Вы опять преувеличиваете мои недостатки, ваше высочество. Всего одна ваша фрейлина оказала мне внимание, да и та из любопытства: ей хотелось узнать, какими были кавалеры при короле Генрихе, – скромно отвечал сэр Джон.

– Не морочьте меня, милорд, – рассмеялась принцесса. – Прочтите лучше, что написал ваш племянник.

– Слушаюсь. «Начался бал. На нём были исполнены три танца: «Жестокая участь» «Купидон» и «Венера и Завр». Королём бала был, без сомнения, маршал Морей, изысканный щеголь с красивым лицом, весь в белом, с откидными рукавами на розовой подкладке, с алмазами на белых туфлях. Одобрительный шёпот пробегал в толпе, когда во время танца «Жестокая участь», роняя, как будто нечаянно, а на самом деле нарочно, туфлю с ноги или накидку с плеча, он продолжал скользить и кружиться по зале с той скучающею небрежностью, которая в Париже считается признаком высшего изящества.

Вслед за «Жестокой участью» начали танцевать «Купидона», во время которого кавалеры и дамы проходили вереницею под «аркою верных любовников». Человек, изображавший Гения Любви, с длинною трубою, находился на вершине арки; у подножия стояли судьи. Когда приближались «верные любовники», Гений приветствовал их нежной музыкой, судьи принимали с радостью. «Неверные» же тщетно старались пройти сквозь волшебную арку: труба оглушала их страшными звуками, судьи встречали бурею конфетти, и несчастные под градом насмешек должны были обратиться в бегство.

В танце «Венера и Завр» дамы с любезной улыбкой водили своих кавалеров на золотых цепях, как узников, и, когда они с томными вздохами падали ниц, ставили им ногу на спину, как победительницы.

После полуночи, когда празднество шло к концу, начался так называемый «танец факела и шляпы», который в Париже исполняется в заключение праздников, когда кавалеры и дамы по своей прихоти поочередно выбирают друг друга».

– Да, – сказала Елизавета со вздохом, когда сэр Джон замолчал, – вы меня несколько расстроили. Такое ощущение, что мы живём в глухой провинции. Вот это праздник, а мы не можем освоить один-единственный танец с прыжками… Так, перерыв закончен! – крикнула она своим придворным. – Повторим всё с начала… Милорд, – обратилась она к сэру Джону, – надеюсь, вы

останетесь у меня? Я приглашаю вас на мой бал, если вы обещаете быть не слишком строгим судьей.

– Благодарю вас, моя принцесса. Насчёт строгого судьи можете не беспокоиться: я понимаю в балах не больше кошки, – ответил сэр Джон. – Но есть одно обстоятельство, которое меня смущает.

– Да? И что же это?

– Видите ли, моя принцесса, только за последнюю неделю благодаря стараниям епископа Эдмунда сожжено и повешено более двух тысяч человек. Их подозревали в покушении на католичество и в неуважительном отношении к святейшему папе. Не станет ли ваш бал, в таком случае, – простите меня за дерзость, – пиром во время чумы?

– Это очень печально, милорд, – но что мы можем поделать? Я помолюсь за несчастных страдальцев. Но если мы оденемся в траур и будем проводить свои дни в печали и унынии, то не означает ли это, что мы сами уподобимся мертвецам? Епископ тогда сможет торжествовать вдвойне – ему удалось убить и нас. Нет, милорд, я думаю, что смехом и весельем мы бросим ему вызов: пусть видит, что он не одолел нас; пусть знает, что сколько бы он не свирепствовал, придёт конец и его власти! – в глазах Елизаветы сверкнула молния.

– Вы правы, ваше высочество! – взволнованно воскликнул сэр Джон. – Пусть костлявая убирается прочь со своей холодной добычей! Пока в жилах у нас кипит кровь, смерть нам не страшна.

* * *

Бал принцессы Елизаветы начался строго в назначенное время, ибо она не любила опозданий и никогда не откладывала того, что было намечено. Из-за крайней спешки платья придворных дам не были готовы; портным пришлось прибегнуть к разным ухищрениям, чтобы скрыть недоделки – например, не пошитые к сроку пышные воланы на рукавах были заменены кисеёй с жемчугами, а оборки на юбках, схваченные на живую нить, закрыты по швам широкими лентами с цветами. Фасон получился необычным, пёстрым, но нарядным, – а когда в большом зале дворца зажгли факелы, и на платьях придворных дам засияли драгоценности, то общество решило, что спешка иной раз может породить новую моду, и весьма неплохую!

Елизавета вышла в багровом платье на алом чехле, видным в прорезях рукавов и юбки, и, как всегда, с большим количеством украшений. Всё это было привычно, удивление вызвало другое:

платье принцессы было спереди поддёрнуто рюшами, так что туфли виднелись полностью и даже была видна полоска белых шёлковых чулок по краю. Дамы тайком принялись приподнимать свои юбки, чтобы посмотреть, как это выглядит, – и решили, что укороченный размер, несомненно, лучше.

Музыканты с лютнями, гобоями, корнетами и флейтами заняли места на небольшой, слегка приподнятой ложе, и все приготовились к танцам. Зазвучали первые аккорды, распорядитель прокричал: «Павана! Павана!», но придворные и сами уже поняли, что бал начинается со знакомого старого танца. Он был несложен, главную роль в нём играли дамы: они должны были величаво, подобно павам, идти по залу друг за другом, кланяясь кавалерам, которые так же гуськом шли рядом. Темп музыки был медленным, а такт привычным, двудольным.

Елизавета не пожелала участвовать в «паване»: она уселась в приготовленное для неё кресло на возвышении напротив ложи музыкантов и, обмахиваясь роскошным веером, посматривала на танцующих.

Но вот «павана» закончилась; музыканты, сделав паузу, заиграли «гальярду» – это был тот самый танец, который Елизавета разучивала со своими придворными. Принцесса встала с кресла и прошла в середину зала; к ней немедленно подскочил джентльмен, который был заранее выбран Елизаветой в партнёры по причине более-менее успешного исполнения танцевальных фигур. Придворные расступились, образуя широкий круг; принцесса положила свою руку на руку кавалера – и танец начался.

Елизавета танцевала великолепно: потратив на обучение «гальярде» не больше часов, чем остальные дамы, она не сделала сейчас ни одной ошибки. Более того, принцесса танцевала так живо и весело, с таким искусством выполняла резкие повороты и прыжки, что по залу пронёсся восторженный гул. А когда Елизавета в заключительном пассаже подпрыгнула и одновременно повернулась воздухе, а затем плавно опустилась на пол, будто не касаясь руки партнёра, придворные не выдержали и захлопали.

– Теперь ваш черёд! – крикнула Елизавета, запыхавшаяся, но очень довольная. – Надеюсь, вы меня не опозорите.

Музыканты вновь заиграли «гальярду»; принцесса встала у стены, чтобы не мешать танцующим, но всё видеть. Дамы и кавалеры, взявшись за руки, прошлись в первом выходе.

– Отлично, – сказала Елизавета.

Далее последовало несколько движений особым «журавлиным» шагом, сопровождаемы короткими поклонами.

– Неплохо, – сказала Елизавета. – Чуть-чуть поизящнее, и было бы замечательно!

Следующими были короткие прыжки с выставлением ноги назад, называемые «ляганием коровы».

– Ай-ай-ай, – сказала Елизавета, когда одна из дам упала, а вместе с ней упал и кавалер. – А ведь это ещё не настоящий прыжок.

Наконец, дошло и до «прыжков лягушки». Половина танцующих сбились с такта, но зрители, кажется, этого не заметили, потому что вид вздымающихся в воздух дамских юбок и обтянутых шёлковыми чулками ног заставил забыть про огрехи исполнения.

– Боже, – сказала Елизавета, – а сейчас будет целый каскад прыжков!

Упали три дамы, которых не смогли удержать кавалеры, – но самое неприятное, что одна из танцующих подпрыгнула слишком высоко и задела рукавом факел на стене. Её платье затлелось, дама с пронзительным криком заметалась по залу.

– Полейте её! Полейте её чем-нибудь, а не то она устроит пожар! – закричала Елизавета.

Когда даму спасли, Елизавета хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание.

– Мы ещё только учимся и нам ещё многому надо научиться, – сказала она. – Но мы обязательно научимся всему, чему надо. Не будем отчаиваться, повторим всё сначала.

Она сделала знак распорядителю бала, он – музыкантам, и они в третий раз заиграли «гальярду». Елизавета подхватила своего партнёра и вышла в круг.

– Ну-ка, все за мной! – приказала она.

Придворные разбились на пары, однако некоторые из дам и кавалеров, из числа приглашенных на бал, стояли в нерешительности.

– Вы – тоже! – сказала им Елизавета. – Не бойтесь ошибиться, бойтесь ничего не делать.

Десятки пар задвигались в танце. Из-за тесноты они наталкивались друг на друга, падали и выбывали из строя, но принцесса, несмотря ни на что, продолжала «гальярду». В итоге лишь она со своим кавалером да пять или шесть других пар дошли до конца, – и опять, как в первый раз, Елизавета подпрыгнула и повернулась воздухе в заключительном движении, а затем плавно опустилась на пол, будто не касаясь руки партнёра.

Перекрывая восхищённые возгласы, принцесса прокричала распорядителю бала:

– А сейчас что-нибудь поспокойнее. «Кантри-данс», пожалуйста. Здесь мы будем на высоте.

Заиграли «кантри-данс». Его вышли танцевать почти все, не дожидаясь приказа принцессы. Но Елизавета танцевать не стала; она села в своё кресло, взяла у слуги вазочку с фруктовым льдом и принялась кушать. Вокруг столпились придворные, не участвующие в танце; они говорили принцессе комплименты, восхищаясь её умением танцевать. Елизавета рассеянно кивала им; вдруг её лицо оживилось, она увидела сэра Джона.

– Дамы! Джентльмены! Прошу вас отойти в сторону, я не вижу танцующих, – сказала Елизавета. – А вы, сэр Джон, встаньте возле меня, мне интересно ваше мнение…

– Вы тоже считаете, что я хорошо танцевала? – спросила Елизавета, когда они остались вдвоём.

– Бесподобно, моя принцесса, – ответил сэр Джон, улыбаясь в бороду, ибо понял, что Елизавета хочет ещё раз услышать похвалу. – Уверен, восторг ваших придворных искренний: если среди них нет, как вы говорите, ваших друзей, то и врагов сегодня поубавилось. Кто может веселиться, как ребёнок, а поступать, как зрелый человек, – тот вызывает уважение. В отличие от того, кто веселится, как зрелый человек, а поступает, как ребёнок… Из вас получится отличная королева. Королева, которую будут уважать её подданные.

– Вы опять о своём! Сделаем вид, что этих слов не было… А почему вы не танцуете, сэр Джон?

– Помилуйте, миледи, вы, наверное, издеваетесь над стариком. Танцы в моём возрасте? Только людей смешить! – и сэр Джон от души рассмеялся.

– Вы постоянно прибедняетесь, милорд. «Старик, старик!» – передразнила его Елизавета. – Ну, какой вы старик, – вы ещё крепкий мужчина. Вы могли бы жениться, если бы захотели… А правда, почему вы не женитесь? Хотите мы найдём для вас подходящую невесту?

– Жениться? Мне?! – с ужасом воскликнул сэр Джон. – Увольте, ваше высочество, лучше я пойду на каторгу. По моему мнению, супружеская жизнь стоит где-то между четвертованием и сожжением заживо.

– А знаете, в этом я с вами согласна, – неожиданно сказала Елизавета, и глаза её как-то странно блеснули. – Вспомнить, хотя бы, мою мать – для неё супружество закончилось топором палача. Я никогда не выйду замуж.

– Со всем почтением к вам, позвольте мне усомниться в этом, моя принцесса, – сэр Джон покачал головой. – Особы королевской крови не вольны в своих чувствах, они обязаны думать о

династических интересах.

– Пусть моя сестра Мария думает о них, – перебила его Елизавета. – Кроме того, разве у нас мало родни?

– Но если вы полюбите кого-нибудь? – мягко заметил сэр Джон.

– Не обязательно выходить замуж, чтобы любить, – отрезала она.

– Вот как? А впрочем, вы правы. Я знаю много примеров большой любви вне брака и совсем мало примеров любви в браке. Хотя следует заметить, что большая любовь ещё не означает счастливая.

– Вот как? – в свою очередь спросила Елизавета. – Расскажите мне о чём-нибудь подобном, милорд… Глядите, они опять подслушивают, – шепнула она, показывая глазами на придворных, что стояли поодаль от её кресла. – Доносчики, соглядатаи, – всюду им мерещатся заговоры… Так, расскажите же мне, милорд, о большой любви, – повысила голос Елизавета, повернувшись к сэру Джону.

– Пожалуйста, моя принцесса. История из времён моей молодости, если вы пожелаете.

– Рассказывайте.

– Жили тогда два друга, два поэта, – Томас и Генри, если вам интересны их имена. Они были неразлучны, как Орест и Пилад, – дружили, не разлей вода. Оба увлекались поэзией Петрарки, которая был в большом ходу при дворе вашего батюшки, короля Генриха. Я плохо разбираюсь в поэзии, – не то что мой дядюшка Френсис, считавшийся её признанным знатоком, – но сведущие люди мне говорили, что Томас и Генри сумели приспособить итальянский сонет к нашей английской манере; вот только его размер был для них то ли слишком мал, то ли слишком велик.

Не надо, думаю, объяснять, что и Томас, и Генри искали свою Лауру по образцу возлюбленной Петрарки, – а если человек чего-то очень хочет, то он это накличет на собственную голову. Пожалуйте, – каждый из них нашёл себе Лауру и принялся страдать от любви к ней. Точнее сказать, у Томаса было две Лауры, – имя второй нам неизвестно, зато первую мы знаем: с вашего позволения, это была ваша матушка, моя принцесса.

– Он любил леди Анна Болейн? – переспросила Елизавета. – Вот это да! Мне об этом ничего не известно.

– Томас полюбил её задолго до того, как она стала женой вашего отца, – а когда леди Анна вышла замуж, уехал в Италию. Там он нашёл другую Лауру, которую полюбил также страстно и безнадёжно. Как же иначе, ведь он был настоящий поэт, несчастливая любовь для которого всё равно что цветок для

пчелы – оттуда он черпает нектар своего вдохновения. Послушайте, что Томас написал своей итальянской возлюбленной на прощание:

Прощай, любовь с законами своими!
Твои крючки меня уж не манят —
Сенека и Платон зовут меня,
Я к совершенству устремляюсь с ними.

Я дорожил ошибками слепыми,
Но твой отказ, терзая и казня,
Мне дал урок бежать, себя храня,
Свободы нерастраченной во имя.

Итак, прощай! Иные души рви,
А власти надо мной пришел конец.
Будь госпожою молодых сердец,
Кидай в них стрелы ломкие свои.

Так долго время тратил я с тобой —
Мне надоело лезть на сук гнилой.

Последние строчки, признаться, несколько грубоваты – «надоело!», «сук гнилой!», «долго время тратил!» – но в целом сонет вполне в духе Петрарки.

– Напрасно вы сказали, что не разбираетесь в поэзии, – смеясь, заметила Елизавета. – Опять прибедняетесь, сэр Джон! Я вижу, что вы знаток не хуже вашего дяди.

– Как вам угодно, моя принцесса, – поклонился сэр Джон. – Я просто болтаю, что в голову взбредёт… На чём мы остановились? Ах, да, теперь о Генри! Его Лаура была землячкой настоящей Лауры – она тоже жила во Флоренции. Её имя было Джеральдина, но Генри уверял, что она была ирландской крови. Во имя любви к этой Джеральдине он решил сделаться странствующим рыцарем, дабы совершать подвиги в её честь. Закончилось всё тем, что он совсем свихнулся, и его родственникам пришлось срочно везти его назад в Англию. На родине он написал прощальные стихи своей Джеральдине:

В краю, где солнце опаляет травы
Иль растопить никак не может лед;
Где жар его – умеренного нрава;
Где люд умен, печален или горд;

В обличьи низком иль в высоком сане;
В ночи бескрайней иль коротком дне;
В погоде ясной иль в густом тумане;
В расцвете юном или в седине;

В аду, иль на земле, иль в кущах рая;
В горах, в долине или в пенном море;
На воле, в рабстве, – где б ни обитал я;
Больным, здоровым, в славе иль в позоре:

Я – твой навек, и это лишь одно
Утешит, если счастья не дано.

– В конце концов, он погиб на плахе, ввязавшись в какой-то заговор, – закончил сэр Джон.

– Да, действительно, несчастная любовь, несчастная судьба, – задумчиво произнесла Елизавета. – А какой заговор, вы не знаете?

– Нет, не знаю, – сколько воды с тех пор утекло!

– От заговоров надо держаться подальше, – назидательно сказала Елизавета и громко повторила: – От заговоров надобно держаться подальше!

– Вы правы, ваше высочество, – упаси нас Бог от заговоров, – столь же громко проговорил сэр Джон.

Елизавета бросил на него тот свой быстрый, пронзительный взгляд, который мог очень многое значить, и встала с кресла:

– Ага, наконец-то следующий танец! Я пошла, милорд, меня ждут.

– Я безмерно восхищён вами, моя принцесса! – поклонился ей сэр Джон.

* * *

Королева Мария плакала на кровати в своей спальне. Ей приснились отец и мать. Они сидели в домашних одеждах, друг подле друга, и мирно беседовали. Мария, маленькая девочка, подошла к ним и спросила о чём-то. Мать засмеялась и ласково поцеловала её в лоб, а отец посадил на колени и крепко обнял.

Дальше они все вместе пошли по длинным-длинным коридорам дворца. Им навстречу попадалось много людей, которые были приветливы и радостны. Открылись большие двери, и Мария с отцом и матерью очутилась в огромном освещённом

зале, стены которого терялись вдали, а потолок находился в невообразимой высоте. Зазвучала музыка, которая была так хороша, что вызывала душевное трепетание. Отец взял Марию за руки и повёл её в танце; мать весело улыбалась им. Мария танцевала отлично, у неё сами собой получались танцевальные фигуры. Вокруг слышались одобрительные возгласы; по лицу отца она видела, что он гордится ею.

Потом отец танцевал с матерью, они были очень красивой парой. Марии хотелось прыгать от восторга и хлопать в ладоши. «Это мои папа и мама, это мои папа и мама!», – восклицала она. Отец шутливо погрозил ей пальцем, а мать, по-прежнему улыбаясь, сделала знак, чтобы она вела себя прилично.

Затем они втроём оказались на бескрайнем лугу, покрытом изумрудной травой и пышными цветами. В воздухе порхали бабочки, издалека доносилось прекраснейшее пение птиц. Марии не хотелось уходить отсюда; отец уговаривал её, объясняя, что им пора возвращаться. Откуда-то появились три лошади – белая, вороная и каурая. Каурая была меньше других, и отец хотел, чтобы Мария влезла на неё.

Мария боялась: тогда отец подхватил Марию и посадил на лошадь. Его руки были сильными и надёжными, а слова – полны любви и нежности. Мария вцепилась в пышную гриву лошади и понеслась вскачь, сама удивляясь своей ловкости. Отец и мать помчались за ней. «Постой, подожди! Мы тебя догоним!» – смеясь, кричали они.

После Мария опять сидела на коленях у отца. Он рассказывал ей сказку, и Мария засыпала, счастливая, ощущая себя в безопасности в отцовских руках…

Проснувшись в своей спальне, Мария продолжала улыбаться, – а потом поняла, что это был сон и расплакалась. Отослав служанок и фрейлин, она продолжала растравливать себя воспоминаниями: на смену детским пришли более поздние, девические; сладкая тоска по детству сменилась обидой и отчаянием. Мария вспомнила, как уезжала её мать, когда отец решил жениться на Анне Болейн. Она помнила нервные торопливые движения матери, её воспалённые красные глаза и высохшее лицо. Одновременно Мария словно воочию видела, как отец смеётся и нежничает с леди Болейн.

Щёки Марии вспыхнули от возмущения и стыда, кулаки крепко сжались, слёзы высохли. Она бормотала слова ненависти и презрения, казнила в своём воображении Анну Болейн и осыпала упрёками отца.

Далее пошли воспоминания о долгих годах одиночества; как-то мельком пронеслись смерть отца и короткое правление брата

Эдуарда, заговор Дженни Грэй и окончательное утверждение на престоле самой Марии. Уныло прошли перед глазами придворные церемонии и праздники, – и лишь вспомнив Роберта Дадли, королева улыбнулась.

Посидев ещё немного в задумчивости, Мария позвала челядь, чтобы одеться. Заканчивая свой туалет, она спросила как бы невзначай:

– Какая погода сегодня?

– Отличная, ваше величество, – ответили ей. – Туман рассеялся, облака ушли. Небо ясное, – правда, немного холодновато.

– Хорошая погода в это время года – редкость, – заметила Мария. – Что у нас намечено на сегодняшний день?

– Научный диспут, ваше величество. Итальянские богословы из Падуи вступят в учёный спор с нашими профессорами из Оксфорда. Будет обсуждаться вопрос об источниках спасения человеческой души. Наши профессора считают, что большинство источников спасения находятся внутри человеческой природы, – например, способность противостоять греху и обратиться к праведности. Однако итальянские богословы утверждают, что источники спасения души находятся исключительно вне человеческой природы; даже способность противостоять греху и обратиться к праведности возникает благодаря божественным действиям, а не человеческим усилиям.

Спор обещает быть жарким, ваше величество. Поддержать богословов из Падуи придут их земляки из числа пребывающих у нас итальянцев; в свою очередь, наши студенты придут, дабы оказать поддержку профессорам из Оксфорда. Но опасаться нечего, ваше величество: все меры приняты, чтобы диспут не перерос в массовую драку, – как это было в прошлый раз, когда обсуждалась философская проблема об универсалиях, то есть общих понятиях.

– Господи Иисусе, – вздохнула Мария, – подумать только, мы спорим об универсалиях! Этот вопрос уже лет сто, как решен в Европе, а мы всё спорим о нём. Нет, всё-таки правы те, кто называет нас провинциалами, – мы действительно живём будто в глухой провинции Европы: одеваемся, как провинциалы, ведём себя, как провинциалы, думаем, как провинциалы… Знаете, мне не хочется присутствовать на этом диспуте. Пусть господа учёные мужи спорят сколько им угодно, – но без меня.

– Разрешите напомнить, что вы обещали, ваше величество.

– Извинитесь за меня. Скажите, что врачи предписали королеве прогулки на свежем воздухе, – а так оно и есть, мы не возьмём на душу грех обмана. Сегодня такая погода, что самое

время для прогулки, – распорядитесь, чтобы всё было приготовлено для выезда. Я хочу погулять в верховьях Темзы.

– Но, ваше величество, мы не успеем собрать всю вашу свиту! А припасы – вы, ведь, захотите отдохнуть и поесть на природе? Для того чтобы запастись всем необходимым тоже нужно определённое время. Кроме того, надо известить его преосвященство епископа Эдмунда. Он примет меры для обеспечения вашей безопасности.

– Припасов не надо никаких, – мы пообедаем после во дворце; для охраны привлеките конных гвардейцев, – они всегда наготове; вся свита мне не нужна, – это не официальный выезд, а частная прогулка, – возразила Мария. – Что касается епископа, то даже во имя моей безопасности я не обязана оповещать его о своих действиях. Я хочу сейчас поехать на прогулку, и я поеду. Я королева!

– Конечно, ваше величество. Как прикажете, ваше величество.

– Да, и пригласите этого молодого джентльмена, которого недавно представил нам сэр Стивен. Его имя Роберт, кажется…

– А, сэр Роберт Дадли! Конечно, ваше величество, как вам угодно.

– Поторопитесь же! Вдруг небо опять затянется облаками.

* * *

Конная процессия королевы медленно ехала по берегу реки. В воздухе чувствовалась морозная прохлада, от лошадей валил пар, их храпение далеко разносилось по округе. День был очень тихим: так тиха бывает природа, когда она ждёт больших и близких перемен. Вода в реке была почти недвижна, лишь еле слышное журчание у берега выдавало её течение; пожухлая трава сникла и прижалась к земле в ожидании скорого снега; растерявшие листья деревья застыли в своей дикой красоте. Одни вороны и галки носились с беспокойными криками над деревней у леса, да полёвки изредка перебегали дорогу.

– Позовите сэра Роберта Дадли, – сказала королева. – Вам нравится предзимье? – спросил она, когда сэр Роберт приблизился к ней.

– Печальная пора, – неопределённо ответил сэр Роберт.

– В этом и заключается особое очарование, понять которое могут лишь утончённые натуры. Увядание вызывает более глубокие переживания, чем цветение, – не так ли?

– Да, так, ваше величество, – с готовностью согласился сэр Роберт.

Мария искоса взглянула на него. Некоторое время они ехали молча.

– Вы плакали когда-нибудь? – продолжила разговор королева.

– Конечно, ваше величество. В детстве.

– В детстве, – повторила Мария. – А во взрослой жизни?

– Нет, ваше величество.

– Нет, – повторила Мария. – Значит, вы не любили, любви не бывает без слёз. А когда ваш отец и брат… когда их… когда они погибли, – разве вам не было грустно?

– О, да, ваше величество! Мне было грустно, очень грустно, – сэр Роберт насторожился, не понимая, к чему она клонит.

– Вы любили своего отца?

– Как вам сказать, ваше величество… – замялся сэр Роберт.

– Отвечайте прямо, я не держу зла на ваше семейство: это всё в прошлом. Впрочем, я и тогда не держала зла, – мне пришлось подписать указ о казни ваших родственников после той истории с Джейн Грэй. Долг королевы обязывал меня к этому, но я не хотела их смерти. Долг королевы обязывает меня делать многое, чего я не хочу, – будто оправдывалась Мария.

– Мы все в вашей власти, ваше величество, – напыщенно произнёс сэр Роберт.

Мария кивнула:

– Вы добрый и верный подданный, милорд. Но вы не ответили: вы любили своего отца?

– В определённом смысле, ваше величество.

– Я не понимаю вас.

– Видите ли, мой отец, сколько я его помню, всегда был занят важными государственными делами. Мне он казался недосягаемым: очень умным и очень строгим. А когда я достиг отроческого возраста, он давал мне указания таким тоном, что я чувствовал себя провинившимся солдатом перед взыскательным офицером, – выпалил сэр Роберт, решившись говорить правду. – Любил ли я его? Да, наверное, но больше побаивался.

– Отец совсем не занимался вами в детстве? Не играл, не баловал, не дарил игрушки, не сажал на колени? – Мария с сочувствием посмотрела на сэра Роберта.

– Нет, мадам, ничего этого не было.

– Бедный сэр Роберт, – вздохнула Мария. – Ну, а ваша мама? Она была с вами ласкова?

Сэр Роберт тоже вздохнул:

– Нет, мадам, она была ещё строже, чем отец.

– Бедный сэр Роберт, – повторила Мария и коснулась его руки.

Сэр Роберт вздрогнул; его лошадь испугалась и рванулась

вперёд.

– Стой! – вскрикнул сэр Роберт. – Молодой жеребец, пугливый, – сказал он, успокоив коня.

– А мой отец и моя мать любили меня, у меня было счастливое детство, – Мария слабо улыбнулась. – Кто бы мог подумать, что потом всё *так* обернётся…

– Но вы королева, мадам, – возразил сэр Роберт.

– Несчастная королева, – сказала Мария, с особенным выражением взглянула на сэра Роберта и замолчала.

Он смутился.

– Мадам, я, право, не знаю… Мне сложно понять… Я новичок при дворе, и этикет… А с женщинами у меня вообще нет опыта! – сбивчиво пробормотал он.

– Я это заметила, – Мария погрустнела и отвернулась от него.

Сэр Роберт пытался заглянуть ей в лицо, но она смотрела в сторону.

– Я прогневал ваше величество? – спросил забеспокоившийся сэр Роберт. – Мне уехать?

Мария молчала.

– Мне уехать? – повторил сэр Роберт.

Мария молчала.

– Прощайте, ваше величество! Извините меня за то, что доставил вам огорчение. Я уезжаю и больше никогда не появлюсь при дворе! Это не для меня, – отчаянно воскликнул сэр Роберт и дернул лошадь за поводья, чтобы умчаться прочь.

– Погодите, – остановила его Мария. – Господи, как ребёнок… – проговорила она про себя. – Мы с вами стоим друг друга, – сказала она вслух с невесёлой усмешкой.

– Ваше величество?…

– Поклянитесь, что вы будете мне верны и никогда не предадите, – жёстко проговорила Мария. – Я ненавижу предательство, меня достаточно предавали в жизни.

– Ваше величество! – возмущённо вскричал сэр Роберт. – Как вы можете подумать, что я… Что мне… Я клянусь, ваше величество!

– Тише, тише, я вам верю, – сказала Мария, оглядываясь на свиту. – Однако что же мы едем шагом? – прибавила она. – Давайте покажем, как мы умеем ездить верхом. Ну-ка, в галоп! – королева хлестнула стеком своего коня. – Попробуйте догнать меня, милорд!.. А вы не отставайте, живо за нами! – крикнула она через плечо придворным.

* * *

– Как могло случиться, – спрашивал сэр Томас сидящих перед ним заговорщиков, – как могло случиться, что мы только теперь узнали о поездке королевы Марии за город? Вы понимаете, какой шанс мы упустили? Марию сопровождали всего несколько конных гвардейцев, с которыми мы легко справились бы, – о её придворных я не говорю, они разбежались бы при первых признаках опасности. Мы были в полушаге от победы и не взяли то, что само шло нам в руки: сейчас мы уже объявили бы о низложении Марии, и королевой стала бы Елизавета. Всё было бы уже позади, а теперь перед нами снова неясное будущее. Бог не любит ленивых и нерасторопных, он помогает деятельным и трудолюбивым – он отвернётся от нас, если мы и дальше будем столь же беспечны. Кто знает, предоставит ли Господь нам ещё одну возможность, не истощено ли его терпение нашим бездействием, не найдёт ли он другие пути к благой цели? Кто знает… Нельзя забывать также о том, что каждый день промедления увеличивает для нас опасность быть раскрытыми – заговоры не могут длится долго.

– Я предлагаю взорвать Уайт-холл, – сверкнув глазами, сказал худощавый джентльмен. – Вы правы – ждать нечего, надо действовать немедленно. Заложим бочки с порохом под королевский дворец и взорвём его.

– Вы с ума сошли! – с ужасом вскричал джентльмен полного телосложения. – Какое неслыханное злодейство! От нас отвернутся все порядочные граждане, мы навеки запятнаем себя позором, – не говорю уже о священной королевской крови, которой мы замараем наши руки.

– Мои руки она не замарает, – желчно заметил худощавый джентльмен. – Монарх должен править по законам божеским и на благо своего народа. Если монарх нарушает это правило, он теряет святость, он делается обычным человеком, – более того, преступником! – и его должна постигнуть жестокая кара. В Писании сказано, что неправедному царю нет места на земле; кто убьёт его, совершит богоугодное дело.

– Нет, нет, нет! Ничего не желаю слушать! – полный джентльмен зажал уши. – То, что вы предлагаете, чудовищно. Такие способы борьбы не для нас: наши руки должны оставаться чистыми.

– А я согласен – надо взорвать Уайт-холл! – закричал сэр Эндрю. – Если мы ввязались в эту историю, нужно идти до конца. И к чёрту чистые руки – важен результат!

– Тише, милорд! Вы пьяны, как всегда, и несёте бог весть что, – раздражённо проговорил полный джентльмен.

– Вам не нравятся моё поведение и мои слова? – сэр Эндрю

подбоченился и поправил шпагу. – Уж не хотите ли вы преподать мне урок вежливости? Мы можем хоть сейчас выйти во двор, чтобы потолковать о хороших манерах.

– Джентльмены, успокойтесь! Не забывайте, что у нас есть высокая цель: борьба за истинную веру, за правду и справедливость, – внушительно сказал сэр Томас. – Мы не будем взрывать королевский дворец…

– Правильно, – не удержавшись, перебил его полный джентльмен.

– …И не потому, что боимся замарать руки, – продолжал сэр Томас. – Коли мы занялись политикой и заговорами, о чистоте рук надо забыть.

– Ага, значит, я прав! – вставил худощавый джентльмен.

– Нет, не правы, – возразил сэр Томас. – Я уверен, что взрыв Уайт-холла – даже если можно было бы его осуществить – и убийство королевы Марии не принесут нашей многострадальной стране облегчения: сторонники Марии немедленно обвинят в убийстве Елизавету – её назовут узурпатором и злодеем, а Марию объявят мученицей. Тёмный народ поверит в это, и Елизавете придётся бороться со своим народом… Я уверен, что мы должны действовать по намеченному плану: мы должны захватить Марию и заставить её отречься в пользу Елизаветы – это единственный путь спасения Англии.

– Вы в этом уверены… – пробурчал сэр Эндрю. – А нам-то что до вашей уверенности?

– Да, я уверен, – твёрдо повторил сэр Томас, – и я объяснил вам, на чём основана моя уверенность… Давайте не допускать больше оплошностей; давайте усилим наблюдение за дворцом и каждую минуту будем готовы выступить. Я, со своей стороны, сделаю ещё кое-что для осуществления нашего плана, – но об этом после… Джентльмены, прошу вас сейчас разойтись, и не забывайте о бдительности. До свиданья, господа.

– Разговоры, разговоры – одни разговоры, – проворчал сэр Эндрю, вставая из-за стола. – Как тут не запить от тоски.

Джентльмен полного телосложения презрительно покосился на него; худощавый джентльмен хотел что-то сказать, но сдержался и промолчал.

Сэр Томас подождал, пока затихнут их шаги в коридоре, потом встал, подошёл к двери и спросил человека, стоящего на страже:

– Он не приходил?

– Нет, милорд.

Сэр Томас прислушался.

– Что-то сегодня тихо в «Свиной голове». Нет посетителей?

– Почти никого, милорд.

– Плохо. В такой день мы здесь на виду.

В тот же миг раздался громкий хохот и мужской голос затянул весёлую песню.

– Узнаю сэра Эндрю, – сказал сэр Томас. – Хоть какая-то польза от этого джентльмена: кто заподозрит, что он заговорщик?

Вернувшись к столу, сэр Томас сел, отодвинул свечу и прикрыл ладонью глаза. В последнее время он мало спал, его глаза слезились от бессонницы и с трудом выносили яркий свет.

* * *

Ждать пришлось долго, сэр Томас отчаянно боролся с дремотой. Наконец, скрипнула дверь, и в комнату вошёл сэр Джон.

– Вот и я, милорд! Заждались?

– Признаться, да. Присаживайтесь, – сэр Томас указал ему на табурет.

– Благодарю вас. У меня есть уважительная причина для опоздания – принцесса Елизавета затеяла игру в мяч по новым правилам, это было так увлекательно, что даже я, старый дуралей, гонялся за мячом наряду с молодёжью, – улыбнулся сэр Джон.

– Вот как? Значит, настроение Елизаветы по-прежнему бодрое? – устало спросил сэр Томас, потирая веки.

– По-прежнему, милорд.

– Но вы посвятили её, наконец, в наши планы?

– Я говорил вам при прошлой нашей встрече, что принцесса умна и осторожна, поэтому мне не надо подробно рассказывать о наших планах, достаточно намёков.

– То есть вы так ничего ей и не сказали? – сэр Томас с крайним неудовольствием посмотрел на сэра Джона.

– Напротив, я сказал Елизавете всё, но о заговоре не было упомянуто.

– Как это возможно?

– Вы удивляете меня, милорд, – усмехнулся сэр Джон. – Разве слова выражают наши тайные мысли и намерения? Вам лучше меня должно быть известно, что слова, наоборот, скрывают их. Использовать слова для сокрытия своих тайн умеют все, однако глупцы выдают себя случайными оговорками, интонацией, жестами, выражением лица, а умные пользуются подобными приемами осознанно – таким образом, можно вести секретный разговор, не называя вещи своими именами. Даже если этот

разговор будет подслушан, шпиону не удастся понять его смысл: согласитесь, что всего один упущенный многозначительный жест делает такой разговор непонятным для постороннего.

– Спасибо вам за разъяснение, милорд, но, право же, я слишком устал для софических рассуждений, – резко произнёс сэр Томас. – Ответьте просто: Елизавета знает, что в ближайшее время от неё потребуются быстрота и решительность?

– Уж не знаю, как вам и ответить, милорд. Боюсь, что вы опять рассердитесь, поэтому для простого ответа я подниму и опущу брови, – и сэр Джон произвёл это движение.

Сэр Томас глядел ему в глаза и молчал; сэр Джон тоже молчал и глядел в глаза сэру Томасу. Прошло несколько мгновений; сэр Томас отвёл взгляд, снова потёр веки и со вздохом произнёс:

– Извините меня, милорд, если я вас обидел. Неудачи преследуют нас: вчера мы упустили шанс захватить Марию. Она выезжала из Лондона с небольшой свитой, но мы слишком поздно узнали об этом – ничего уже нельзя было предпринять. Проклятый епископ Эдмунд, – он так усилил охрану дворца, что мы не успеваем вовремя получать сведения оттуда! – сказал сэр Томас с тихим отчаянием. – Однако и епископ совершает ошибки, – чему пример вчерашний выезд королевы без должных мер безопасности. В этой ситуации я вижу единственный выход: привлечь на нашу сторону Роберта Дадли. Мария доверяет ему, он почти неотлучно находится при ней.

– Ни в коем случае! – горячо возразил сэр Джон. – Я думал, что этот вопрос закрыт. Вы согласились со мной, что сэр Роберт – не тот человек, который способен на участие в заговоре.

– У нас нет другого выхода, – повторил сэр Томас. – Я попробую поговорить с Робертом Дадли… Не возражайте! Это единственный выход… Я вас пригласил вот зачем: если со мной что-нибудь случится, если наше дело провалится, – постарайтесь, чтобы Елизавета не пострадала. Я знаю, вы сумеете отвести от неё подозрения. Заклинаю вас, сберегите Елизавету! Сберегите её для Англии!

– Вряд ли мне удастся отвести от неё подозрения в том, что она хочет стать королевой, – покачал головой сэр Джон, – для этого мне пришлось бы переубедить всю Англию, да ещё и Европу в придачу. Однако обещаю вам сделать всё возможное, чтобы эти подозрения не превратились в уверенность.

– Благодарю вас, милорд, – сэр Томас опустил голову на руки и закрыл глаза.

Сэр Джон поднялся из-за стола.

– Чей это голос раздаётся в общем зале? – сказал он. – Никак,

это сэр Эндрю? Пойду к нему – отчего бы мне не выпить в компании старого друга?

– Прощайте, сэр Джон.

– Надеюсь, что Господь, которому вы столь преданно служите, спасёт вас, сэр Томас.

Часть 5. Провал заговора

Во дворце королевы Марии готовились к церемонии вручения наград. Слухи об избранных счастливцах давно будоражили столицу, но до последнего момента никто ничего точно не знал. Любопытство ещё больше подогревалось тем, что во дворец были приглашены многие джентльмены, достойные милости королевы – и втайне каждый из них верил, что именно он будет отмечен её величеством. Вместе с ними приехали их жены и дочери, которые с нетерпением ждали начала церемонии.

В Тронном зале было так тесно, что нельзя было пройти, а люди всё прибывали и прибывали. Окна, наглухо закрытые по случаю холодной погоды, запотели; воздух в зале был душным и спёртым, дамы обмахивались веерами, мужчины утирались платками; хуже всех приходилось пожилым господам, которые едва стояли на ногах.

Минул означенный час церемонии, прошло ещё четверть часа, полчаса, три четверти часа, – королева не появлялась. Двум старикам сделалось плохо, слуги вывели их в переднюю, где было прохладнее; разговоры, вначале приглушенные, становились всё громче, порой слышался смех. Через час с четвертью стала нарастать тревога: собравшиеся вопросительно посматривали на недвижных гвардейцев у дверей и на окаменевшего церемониймейстера. Уж не случилось ли чего-нибудь? Может быть, начались волнения в народе? Или из-за границы поступили дурные вести? А может быть, упаси Боже, случилось что-нибудь с её величеством?

Некоторые джентльмены, протискиваясь через толпу, как бы невзначай приближались к церемониймейстеру и вели между собой беседу, в которой задавали сами себе вопросы о состоянии королевы и выражали надежду, что с ней всё в порядке. Однако церемониймейстер не поддавался на такие уловки и продолжал стоять, как истукан.

Через полтора часа ожидание сделалось невыносимым; разговоры прекратились, и лишь тяжелые вздохи раздавались со всех сторон. Королева не появлялась…

А Мария всё это время примеряла платья. Обычно она не любила долго одеваться, заранее зная, в каком наряде выйдет на люди, но сегодня это было не так. Не подлежало сомнению, что при вручении наград королева должна быть в пышном парадном платье, однако нельзя было надевать платье из числа тех, в которых она выходила на важные государственные церемонии, – вручение наград было знаком монаршей милости, но не

праздником государственного значения.

Лучше всего в данном случае подошло бы платье, годное для посещения парламента или для встречи с представителями благородного сословия, – ибо посещая парламент или встречаясь с благородным сословием, королева тоже изъявляла милость по отношению к своим подданным, – однако такое платье было скучным, хоть и дорогим. Марии же не хотелось сегодня выглядеть скучной, – наоборот, она хотела, чтобы её вид был вызывающим.

Она задумала сделать на церемонии вручения наград нечто такое, во что не посвятила даже лорд-канцлера; это могло вызвать бурю в Лондоне, и Марию, поэтому, обуял авантюрный дух. Фрейлины и горничные не узнавали свою королеву: она была в приподнятом, нервическом настроении, – от неё будто искры сыпались…

Опоздав на два часа к началу церемонии, Мария всё-таки выбрала себе подходящий наряд. Он состоял их двух частей: нижнее атласное платье светло-зелёного цвета было сплошь вытканно крупным золотым, растительным узором; верхнее, бархатное платье также было зелёным, но чуть темнее и с большим вырезом, расширяющимся от пояса к ногам и показывающим нижнее платье. Меньший вырез шёл от груди к плечам и заканчивался большим стоячим воротником из накрахмаленных кружев. Рукава верхнего платья доходили до локтей, а дальше спускались рукава нижнего с манжетами из тех же кружев, что воротник.

На грудь Мария повесила брошь с изумрудом, голову закрыла коротким бархатным чепцом с кружевными краями и на него тоже приколола брошь с изумрудом, но меньшего размера. Перчатки зелёного бархата, под платье, были прошиты золотой нитью; на пальцы были надеты шесть изумрудных перстней восточной работы.

Совершенно поразила королева своих камеристок, когда приказала густо напудрить и напомадить своё лицо, – до нынешнего дня Мария не увлекалась гримом. Новшеством стало и применение духов – королева питала к ним какое-то странное предубеждение, пользуясь только гвоздикой, – но сейчас в ход пошли лаванда, жасмин, цитрус и амбра с мускусом.

Постояв перед зеркалом ещё пару минут, Мария сказала:

– Я готова.

* * *

Когда двери в королевские покои распахнулись, когда два трубача в красных одеждах вышли из них, вскинули серебряные горны и протрубили сигнал, когда они опустили горны, а церемониймейстер, выждав мгновение, стукнул тростью об пол и провозгласил выход её величества, – зал сначала замер, а затем все собравшиеся с облегчённым вздохом опустились на колени.

Мария заняла своё место на троне, у подножья его встал лорд-канцлер; церемониймейстер второй раз стукнул тростью об пол, подавая знак подняться с колен. Сэр Стивен взглянул на королеву, она кивнула ему, чтобы он начинал.

– Во имя Господа нашего Иисуса Христа, во имя Святой Живоначальной Троицы, во имя апостолической Церкви Христовой – её величество королева Мария правит Англией с набожностью и кротостью, подобно тому, как благочестивый Соломон, сын Давида, правил царством Иерусалимским во имя Бога-Вседержителя, – торжественно произнёс сэр Стивен. – Находя надёжную опору в подданных, её величество королева Мария с великой радостью отмечает их заслуги и не оставляет своих верных слуг милостивым вниманием… Бог, Англия и королева! – крикнул сэр Стивен.

– Бог, Англия и королева! – дружно подхватил зал.

– По повелению её величества награждаются… – сэр Стивен не спеша достал свиток бумаги, скреплённый государственной печатью, развернул его и сделал долгую паузу. По залу пронёсся нетерпеливый стон.

– Награждаются… – повторил сэр Стивен и снова замолк.

– Ах! – раздался пронзительный вскрик и одна из дам упала в обморок.

– Награждаются, во-первых… – сэр Стивен замолчал, как будто вчитываясь в бумагу. Послышалось падение ещё одного тела.

– Во-первых, награждаются десятью фунтами каждый и благодарственным письмом королевы… – сэр Стивен сделал паузу: – Джентльмены из нижней палаты парламента, которые способствуют утверждению законного основания власти её величества, пресекают преступные поползновения на власть и наносят с помощью законов тяжелые, но справедливые удары по злоумышленникам. А именно награждаются… – и сэр Стивен перечислил несколько фамилий.

Названные им джентльмены, пунцовые от удовольствия, подошли к трону и встали на колени перед королевой.

– Я рада, – сказала Мария.

Джентльмены из парламента получили свои награды, поднялись и проговорили нестройным хором:

– Мы счастливы, ваше величество. Наша жизнь принадлежит вам. Бог, Англия и королева!

Низко поклонившись, они отошли в сторону.

– Во-вторых, награждаются джентльмены из полиции, которые доблестно охраняли и продолжают охранять порядок на улицах наших городов. Как солдаты на поле боя, эти джентльмены принимают на себя первые удары врагов её величества, а также борются с теми, кто не желает честным путём добывать свой хлеб и вносить свою долю в благосостояние нашего государства. Десятью фунтами и грамотой от королевы награждаются… – сэр Стивен зачитал фамилии.

Джентльмены из полиции встали перед королевой на колени.

– Я рада, – сказала Мария.

– Бог, Англия и королева! – воскликнули они, получили награды и вернулись на свои места.

– В-третьих, награждаются священнослужители из Совета по делам церкви, руководимого его преосвященством епископом Эдмундом, – продолжал сэр Стивен и посмотрел на епископа, стоявшего возле трона. Епископ скромно потупился. – В смутные времена, которые пережила Англия, апостолическая церковь сильно пострадала, а вера пошатнулась, – опустив бумагу, говорил сэр Стивен. – Её величество королева Мария с благословения святейшего папы восстановила Церковь Христову в нашей стране: вновь мы видим божьи твердыни монастырей, слышим благостное пение монахов, ощущаем небесную благодать в храмах, очищенных от скверны. Воистину, королева вернула нам жизнь христианскую и возродила надежду на вечное спасение! В милости своей её величество оценила и труды священнослужителей из Совета по делам церкви в этом богоугодном деле… – сэр Стивен заглянул в бумагу и зачитал их имена и должности. – Каждый из них получит по двадцать фунтов вознаграждения и благодарственную грамоту от королевы.

Священнослужители склонились перед королевой.

– Я очень рада, – сказала Мария.

– Бог, Англия и королева, – проговорили они и встали поблизости от трона.

– В-четвёртых, её величество королева Мария особым рескриптом и денежным вознаграждением в сто фунтов отмечает многолетний несравненный труд на благо королевства старейшины парламента сэра Гуго…

Среди собравшихся послышался изумлённый шёпот:

– Сэр Гуго? Так он ещё жив? Бог мой, – вот уж, действительно, живая легенда!

– Сэр Гуго впервые пришел в парламент, когда Англией

правил его величество Генрих Седьмой, дедушка нашей королевы, – сэр Стивен поклонился Марии. – Сэр Гуго заседал в парламенте при его величестве Генрихе Восьмом, отце нашей королевы, – сэр Стивен снова поклонился Марии. – Сэр Гуго решал парламентские дела при его величестве Эдуарде Шестом, брате нашей королевы, – сэр Стивен ещё раз поклонился Марии. – Сэр Гуго продолжает заседать в парламенте и сейчас, при её величестве королеве Марии Первой – сэр Стивен в четвёртый раз поклонился Марии. – Пятьдесят лет парламентской деятельности, верность престолу и Англии, незапятнанная репутация политического деятеля – вот что снискало сэру Гуго милость королевы и заслуженную славу! Сэр Гуго, прошу вас выйти вперёд.

Люди в зале переглядывались, разыскивая сэра Гуго. Его не было видно, зато какой-то молодой человек подошёл к сэру Стивен и шепнул ему что-то и передал письмо.

– Прошу прощения, ваше величество, прошу прощения, дамы и господа, но мне сообщили, что сэр Гуго в силу своего преклонного возраста и болезней не смог сегодня прибыть во дворец, – сказал сэр Стивен. – Что же, мы отправим к нему домой группу наиболее уважаемых джентльменов для вручения награды, – сэр Стивен вопросительно посмотрел на королеву.

– Я очень рада, – ответила она.

– Однако сэр Гуго, будто предвидя высочайшую милость, направил её величеству письмо, – прибавил сэр Стивен. – Если ваше величество позволит, я перескажу его.

Мария кивнула. Сэр Стивен бегло прочитал про себя, что было написано в письме, а потом проговорил во всеуслышание:

– Сэр Гуго нижайше благодарит её величество за оказанную честь; впрочем, он считает, что её величество слишком добра к нему и милует не по его скромным заслугам… Он молит Бога о здравии королевы, а также о здравии и благополучии всех членов августейшей фамилии. Он готов до последнего вздоха служить Англии… Да, вот образец преданности Богу, Англии и королеве, – проговорил сэр Гуго с большим чувством.

Зал захлопал.

– Господин лорд-канцлер, – сказала Мария, – подготовьте указ о посвящении сэра Гуго в рыцари Ордена Подвязки. Мы желаем видеть его среди достойнейших из достойных.

– О, ваше величество, – склонился сэр Стивен перед королевой, а по залу прошёл завистливый гул.

– Засим церемония… – хотел было произнести сэр Стивен заключительные слова, но Мария перебила его:

– Мы хотели отметить заслуги перед нами ещё одного

джентльмена… Сэр Роберт Дадли, подойдите ко мне!

– Ох! – выдохнул зал.

Смущаясь и краснея, к трону пробрался сэр Роберт.

– Мы решили наградить этого джентльмена в знак нашей признательности за верность нам, – повысила голос Мария. – Он показал её, отрёкшись от заблуждений своей семьи и придя к нам на службу… Сэр Роберт, вы награждаетесь изображением королевы, заключённым в золотую оправу, – Мария вытащила маленький овальный портрет на цепочке и передала сэру Стивену. – Господин лорд-канцлер, вручите награду.

Сэр Стивен, уже оправившийся от растерянности, с широкой улыбкой принял портрет и передал его сэру Роберту.

– Милость её величества безгранична, – громко произнёс сэр Стивен, – и всякий, кто верно служит ей, не останется без внимания.

– Бог, Англия и королева, – едва смог вымолвить сэр Роберт, а королева подставила ему руку для поцелуя.

Зал затрепетал. Сэр Роберт поцеловал руку королевы, и бочком втиснулся в толпу.

– Засим церемония награждения закончена, – как ни в чём не бывало сказал сэр Стивен. – Дамы и господа, возблагодарим королеву!

– Да хранит Господь её величество! – хором проговорили все, кто были в зале.

* * *

После церемонии награждения состоялся обед для узкого круга лиц. Богато сервированный, украшенный лентами и цветами обеденный стол был заставлен огромными блюдами с мясом, дичью, рыбой, с фруктами и сладостями. Высокие кувшины с вином стояли на отдельном столе; по знаку гостей виночерпии наполняли им чаши.

Рассаживал гостей за столом церемониймейстер: на дальних концах – джентльменов из полиции и парламента с их дамами, ближе к середине – священнослужителей из церковного Совета, а по центру, рядом с королевой, лорд-канцлера – с правой стороны, и епископа Эдмунда – с левой. Оставалось найти место для неожиданно приглашенного сэра Роберта Дадли; поразмыслив, церемониймейстер решил поместить его в торце стола, на стульчике около джентльменов из парламента – это было хорошее место для молодого человека, начинающего карьеру при дворе.

Однако королева сразу же нарушила этот естественный

порядок.

– Позовите ко мне сэра Роберта Дадли и поставьте кресло для него, – приказала она.

Сэр Роберт поднялся, как приговорённый на казнь; дамы, находящиеся в зале, многозначительно переглянулись, а церемониймейстеру стало дурно – ему пришлось ухватиться за край стола, чтобы удержаться на ногах.

– Ваше величество, – пролепетал он, – но это же нарушение всех обычаев. Этикет, ваше величество, не позволяет нам…

– Королева имеет право на всё, – перебил его сэр Стивен. – Делайте, как велит королева, – и он сам отодвинул своё кресло, освободив место для сэра Роберта.

– Ну вот, вас оттёрли в сторону, – успел шепнуть епископ Эдмунд. – Этот мальчишка сядет на место лорд-канцлера.

– Ничего, – беззвучно произнёс сэр Стивен. – Задержитесь после обеда, есть новости…

Вопреки обыкновению, на обеде гостей веселили шуты, жонглёры и акробаты: Мария не любила шутовские представления с дерзкими выходками, но сегодня было сделано исключение.

На середину зала выбежали два шута. У одного была в руках флейта, другой держал свирель; к коленям с внутренней стороны были привязаны литавры, так что сдвинув ноги, можно было произвести оглушительный звон.

– Ваше величество, достопочтенные господа, с вашего позволения позвольте представиться! – закричал первый из них, ударив в литавры и просвистев на флейте. – Мы два дурака, мы двое плутов: вот это – Пит! – он показал на своего товарища.

– А это – Бенни! – товарищ показал на него.

– Ослы – ученые мужы по сравнению с нами! – продолжал кричать первый шут.

– Жулики, воры и проходимцы – честнейшие люди, если поставить нас на одну доску! – подхватил второй.

– Таких дураков и плутов ещё не видел белый свет!

– Мы готовы пуститься во все тяжкие!

– Да только ничего у нас нет…

– Потому что мы – дураки! – крикнули оба и сыграли свою нехитрую музыку.

Королева сделала вид, что хлопает им, тогда похлопали и её гости.

– А теперь мы вам споём песенку о наших приключениях, – объявил шут, – и вы сами поймёте, какие мы дураки и плуты!

Первый куплет они пропели хором:

– Мы два шута, мы два шута:
Вот это – Пит, а это – Бенни.
И мы не стоим ни черта,
В карманах нет у нас и пенни!

Дальше запел первый шут:

– Жениться как-то я решил,
Невесту я себе нашёл.
До свадьбы с нею согрешил,
И тут же от неё ушёл!

– Вот плут! – закричал второй шут. – Где вы ещё видели такого развратника? Кто же бросает обесчещенную невесту?!

– Мы два шута, мы два шута:
Вот это – Пит, а это – Бенни.
И мы не стоим ни черта,
В карманах нет у нас и пенни!

– пропели затем оба шута, сопровождая пение литаврами, флейтой и свирелью.

Следующий куплет исполнил второй шут:

– Вот я наследство получил:
Работал дядя мой, как вол.
А я в неделю всё пропил,
И снова стал и нищ, и гол!

– Вот это дурак! – крикнул первый шут. – Виданное ли дело, промотать наследство? Нет другого такого дурака!
И оба они пропели:

– Мы два шута, мы два шута:
Вот это – Пит, а это – Бенни.
И мы не стоим ни черта,
В карманах нет у нас и пенни!

– Но вы послушайте, что я сделал! – воскликнул первый шут:

– Меня хозяин поучал,
Считал он каждый грош.
А я казну его взломал,
Приставив к горлу нож!

– Тебе место на виселице! – прокричал второй шут. – Позарился на чужие денежки! Что за негодяй!

– Мы два шута, мы два шута:
Вот это – Пит, а это – Бенни.
И мы не стоим ни черта,
В карманах нет у нас и пенни!

– прокричали оба шута.

– И еще раз про меня! – выступил второй шут. – Вы ещё не знаете всех моих пороков:

– От бедности солдатом стал,
Сержант кричит: «Вперёд! Ура!».
Но я обратно побежал,
Решив, что мне домой пора!

– Каков мерзавец! Да он просто трус! – вскричал первый шут.

– Мы два шута, мы два шута:
Вот это – Пит, а это – Бенни.
И мы не стоим ни черта,
В карманах нет у нас и пенни!

Литавры, свирель и флейта повторили последний куплет, затем литавры ужасающе прозвенели напоследок, – и шуты низко склонились перед королевой, ожидая одобрения или порицания.

Мария беззвучно похлопала в ладоши; дамы и джентльмены за столом захлопали во всю силу.

– Да, вот это дураки! Плуты отчаянные! Их бы, в самом деле, на виселицу! – смеясь, кричали гости.

Шуты ушли, выступление продолжили акробаты со своими номерами. Сэр Роберт, успевший выпить два кубка крепкого вина, тоже смеялся.

– Вам весело? – спросила его Мария.

Сэр Роберт поперхнулся и робко глянул на неё:

– Да, ваше величество.

– Я знала, что вам понравится. Веселитесь, милорд, не стесняйтесь, сегодня у нас праздник, – ласково проговорила Мария. – Выпейте за здоровье своей королевы.

– За здоровье вашего величества, – поднял кубок сэр Роберт.

– Предложен тост за здоровье её величества! – провозгласил церемониймейстер.

– За здоровье её величества! – подхватили, вставая, гости.

Мария поблагодарила их улыбкой и пригубила из своей чаши.

– А мой подарок вам понравился? – спросила она сэра Роберта, когда все уселись на свои места.

– Ваше величество, у меня нет слов, – сказал сэр Роберт, с ужасом чувствуя, что его язык начинает заплетаться. – Это выше всего, что может быть… И вы на этом портрете такая красивая…

– Красивее, чем в жизни? – уколола его Мария.

– Нет, нет, ни в коем случае! В жизни вы гораздо красивее, – сэр Роберт возмущённо замахал руками. – То есть я хочу сказать, что вы красивая и на портрете, и в жизни. Вы везде красивая, ваше величество!

– Благодарю вас, милорд. Носите же этот портрет на груди, пусть ваша королева всегда будет с вами, – сказала Мария, наклонившись к уху сэра Роберта. Её нежное дыхание щекотало его; он поёжился и засмеялся.

Епископ Эдмунд, с огромным неудовольствием наблюдавший эту сцену, выразительно посмотрел на сэра Стивена. Тот пожал плечами и беззвучно повторил: «Ничего страшного». Епископ хмыкнул и покачал головой.

– Ваше величество, я не знаю, как выразить свою признательность, – сэр Роберт едва смог выговорить последнее слово. – Моя жизнь принадлежит вам. Делайте со мной, что хотите: я весь в вашей власти!

– Тише, милорд, – Мария коснулась его руки. – Через два дня, вечером, после смены караула, приходите в парк на наше место. Мы поговорим о том, что вы ещё можете сделать для меня. Во дворце будет мало людей – у нас будет день отдыха.

– Ваше величество, я приду, даже если буду умирать, – так громко прошептал в ответ сэр Роберт, что его услышали не только сэр Стивен и епископ Эдмунд, но и церемониймейстер.

– Тише милорд, на нас смотрят, – шепнула Мария и громко сказала: – Прекрасное выступление, эти акробаты изрядно нас позабавили. Господин церемониймейстер, кто у вас следующий?…

Больше королева не шепталась с сэром Робертом, а он так

усердно отдавал дань вину, что лакеям пришлось дважды выводить его освежиться, – впрочем, он не был исключением из числа других джентльменов, присутствовавших на обеде.

* * *

– Я не понимаю, почему вы так беспечны, – говорил епископ Эдмунд, когда он и лорд-канцлер заперлись по окончании обеда в комнате Королевского Совета. – Мария ясно дала понять, что она сделала свой выбор: Дадли занял место возле неё на обеде, и боюсь, что он же скоро займёт первое место в государстве.

– Этого не случится, – возразил сэр Стивен, вытянувшись в кресле и блаженно щурясь на огонь в камине. – Неужели вы до сих пор не поняли, что сэр Роберт Дадли никогда не займёт ни первое, ни второе, ни даже третье место в государстве. Такому актёру, как он, вообще не место на политической сцене, – в лучшем случае, он годится на роль статиста, но и она, пожалуй, слишком сложна для него.

– Оставьте ваши шуточки, милорд, – раздражённо сказал епископ. – Вы забываете, что главный действующий персонаж у нас – женщина, а значит, можно ожидать самых невероятных выходок, особенно когда дело касается любовных чувств.

– Вот именно потому, что главный персонаж у нас женщина, и дело касается любовных чувств, мы в точности можем угадать дальнейший ход пьесы. Если бы главным персонажем был мужчина, то возможны были бы какие угодно неожиданности – кто знает, что у мужчины в голове? – сэр Стивен взглянул на епископа и будто подмигнул ему. Епископ вздрогнул.

– Вы же понимаете, мой дорогой епископ, что в мужской голове могут возникнуть такие мысли, от которых сам сатана пришел бы в изумление, – а может быть, сам Господь Бог, – продолжал сэр Стивен. – А прибавьте к этому честолюбие и амбиции, – и вы получаете непредсказуемую игру со сплошными неожиданностями. У женщины – не то; ею движет желание простое, как ячменное зернышко, – любить и быть любимой. Стоит лишь мелькнуть огоньку любви, и женщина мчится на его свет, как мотылёк; стоит огню любви погаснуть, и женщина, подобно летучей мыши, мечется в ночной тьме. Однако бывает и так, что огонь любви оказывается ложным. Если вы когда-нибудь плавали по морям, то видели, конечно, обманные огни, которые зажигают разбойники на берегу, чтобы завлечь корабль в ловушку и поживиться добычей. Много таких ложных маяков горит и в нашей жизни, а женщинам особенно следует их остерегаться,

учитывая непреодолимое женское стремление к огню… Однако мало что может сравниться с яростью обманутой женщиной: ярость львицы, говорят, столь страшна, что никто из живущих на земле не устоит перед ней, – но ярость обманутой женщины страшнее во сто крат… Вы понимаете, о чём я толкую, ваше преосвященство? Ход нашей пьесы нетрудно предугадать: главный персонаж – женщина; она стремится к любви, но будет обманута. Что она сделает, по-вашему?

– Придёт в ярость? – догадался заметно повеселевший епископ.

– Вы говорите о её чувствах, а я спрашиваю о действиях. Она растерзает своего обидчика, а точнее, своих обидчиков, – вот что она сделает, не так ли? – заключил сэр Стивен с победной интонацией в голосе. – Другого просто не дано, – это вечная история, которая вновь и вновь повторяется в жизни.

– Я вас понял, милорд. Но как вы убедите королеву, что она попала на свет ложного маяка?

– Мы с вами умные люди, ваше преосвященство. Мы не зря поставили на Роберта Дадли – это тёмная лошадка, но тем она и хороша: никому неизвестно, чего от неё ждать, – а вдруг она придёт первой? Мы с вами сорвали неплохой куш, ваше преосвященство, – через тёмную лошадку мы вышли на заговорщиков. Сегодня они пытались связаться с сэром Робертом, – быстро произнёс сэр Стивен, приблизившись к епископу и глядя прямо ему в глаза.

– Что?! Как? Не может быть! – растерялся епископ Эдмунд. – Но почему мои люди мне не доложили?

– Человек, искавший встречи с Робертом Дадли, был очень осторожен, – вот ваши люди и не доглядели. Но мои не упустили его; слежка дала отличный результат – теперь мы знаем имена тех, кто участвует в заговоре, и даже планы злоумышленников нам известны.

– Боже мой, но откуда?… Как вам это удалось? Неужели ваши люди лучше моих? – разволновался епископ. – У вас, что, есть своя тайная полиция?

– Конечно, есть, – легко признался сэр Стивен. – Я лорд-канцлер, мне положено раньше других узнавать важные новости. Ну, ну, ну, не расстраивайтесь так, мой дорогой епископ, – в конце концов, мы с вами в одной упряжке и вместе тащим воз государственного управления!

– Но почему вы скрывали от меня? Почему никогда не говорили о своей личной тайной полиции?

– А зачем? Какое это имеет отношение к нашим делам? – бесхитростно заметил сэр Стивен. – К тому же, я говорил, –

возможно, не напрямую, но говорил, – вы просто не обращали внимание… Оставим это, ваше преосвященство, – поговорим о том, что делать дальше… Итак, заговор существует. Заговорщики хотят захватить её величество, когда она выедет из дворца, и заставить её отречься в пользу принцессы Елизаветы. Предупредить о выезде королевы, согласно их замыслам, должен Роберт Дадли, – понимаете, какая интересная пьеса получается? У меня есть свидетель, который сам участвует в заговоре и дал соответствующие показания.

– Свидетель? Господи, когда вы успели? – пробормотал окончательно расстроенный епископ.

– Я знал этого человека и раньше. Когда мне сказали, что видели этого человека среди заговорщиков, я сразу же приказал, чтобы его доставили ко мне, – усмехнулся сэр Стивен. – Наша беседа была короткой, но содержательной, и в итоге он во всём признался… Есть и второе доказательство: записка главаря заговорщиков – того самого, что так настойчиво искал встречи с Робертом Дадли. Видите, как удачно всё складывается? – сэр Стивен довольно потёр руки.

– Понимаю, – сказал епископ, – мы раскрываем заговор, одним из главных участников является Роберт Дадли, – стало быть, он предатель, который подло воспользовался привязанностью её величества. Прекрасно! Это даёт нам возможность расправиться со всеми недовольными в стране, ведь семья Дадли имела большие связи не только с протестантами, но со всеми, кто выступал против политики её величества. Сразу же проведём обыски, аресты, запретим все собрания, даже частные, – ну, и конечно, необходимы показательные казни! Мы истребим заразу, мы вырвем эти поганые сорняки вместе с корнями!

– Мы истребим заразу, – кивнул сэр Стивен, – но трогать сэра Роберта мы не станем.

– Как же без него? – удивился епископ. – Такая прочная нить у нас получается. Не забывайте о королеве: лишившись Роберта Дадли, возненавидев его, королева согласится, рано или поздно, на брак с Филиппом Испанским.

– Опять вы о Филиппе!.. – в сердцах воскликнул сэр Стивен. – Да что вы так взъелись на сэра Роберта: он, если мы будем откровенны, ни сном, ни духом не знает о заговоре. Не скажу, что этот джентльмен дорог мне, но каждый должен получать исключительно по заслугам.

– Но вы же сами использовали его как приманку, – возразил епископ.

– Так что же? Где вы видели охотника, который уничтожает свою приманку? – рассмеялся сэр Стивен.

– Вы опять со своими шутками, – мрачно сказал епископ. – Не могу понять, зачем вам нужен этот Дадли.

– Мало ли… Удобный человек всегда может пригодиться, – ответил сэр Стивен. – Пока же достаточно будет удалить его от королевы.

Епископ Эдмунд подождал, не скажет ли он ещё чего-нибудь, но лорд-канцлер молчал, продолжая улыбаться.

– Хорошо, – сдался тогда епископ, – каков же ваш план?

– Он очень простой, состоит из двух пунктов. Первое, я поговорю с Робертом Дадли и заберу у него записку от заговорщиков. Уверен, что сэр Роберт, когда придёт в себя после обильных возлияний, будет крутить эту записку и так, и эдак, не зная, что с ней делать. Он с радостью отдаст её мне, можете не сомневаться, – и она станет поводом для удалению сэра Роберта от королевы… Второй пункт плана. Заговорщики узнают, что королева с небольшой охраной совершит выезд из дворца. Это я тоже беру на себя, а вы должны создать видимость того, что королева действительно выезжает. Понимаете?

– Понимаю, – просиял епископ. – Они попадут в мышеловку.

– Конечно! Нападение на королеву – это, согласитесь, преступление поважнее, чем какой-то там неосуществленный заговор.

– И сразу аресты! – вскричал епископ. – Обыски и аресты!

– Обыски и аресты, – кивнул сэр Стивен.

– Отлично! – епископ даже хлопнул в ладоши от удовольствия. – Мы, всё-таки, очистим Англию от смутьянов и еретиков!.. А принцесса Елизавета? – спросил он с хищным выражением на лице. – Её мы также арестуем?

– Не помешало бы изолировать её хотя бы на время, но пусть решает королева. Мы не можем посягать на особ королевской крови, – мы же не заговорщики, – и сэр Стивен посмотрел отчего-то на висящую на стене картину с Прозерпиной и Плутоном.

* * *

Сэру Роберту было плохо. Вчера, вернувшись из дворца, он чувствовал себя превосходно, если не считать того, что его ноги подкашивались, а язык заплетался. Поцеловав в лоб изумлённого слугу, никогда не видевшего своего хозяина в таком состоянии, сэр Роберт потребовал ещё вина и пил до тех пор, пока не заснул одетым на большой медвежьей шкуре на полу.

Проснувшись до рассвета, он никак не мог понять, почему ему так худо и почему его бросили на пол рядом с медведем,

который, к счастью, спит непробудным сном. Допив остатки вина из кувшина, сэр Роберт снова провалился в небытие и проснулся от настойчивого голоса слуги:

– Сэр Роберт, вставайте! Сэр Роберт! Вставайте, к вам пришли!

– К чёрту! – отвечал сэр Роберт, прячась под медвежью шкуру. – Я сегодня не поеду на охоту. Живой медведь лучше мертвого.

– Сэр Роберт! Прошу вас!

– Тише, зверя разбудишь, – прошипел сэр Роберт.

– Сэр Роберт! – слуга осторожно потянул за медвежью шкуру. – К вам пришли! Посланник от господина лорд-канцлера.

– Мне с медведем лучше, – пробормотал сквозь сон сэр Роберт. – К дьяволу лорд-канцлера!

– Сэр Роберт, вас ждут! – слуга в отчаянии потянул за шкуру. – Прошу вас, вставайте!

– Боже, это ужасно, нигде нет покоя, – с тяжким вздохом проговорил сэр Роберт. – Прости, друг, – он похлопал медведя по голове и с трудом сел на полу: – Ох, как болит голова! Я сейчас умру. Дайте мне выпить чего-нибудь, а то моя голова треснет. Несите одеваться и скажите посланнику лорд-канцлера, что я сейчас выйду к нему.

Посланник лорд-канцлера, важный, одетый в расшитый золотом кафтан, с достоинством поклонился сэру Роберту и сообщил:

– Его милость господин лорд-канцлер прибудет к вам через час или около того. Его милость просил вас никуда не отлучаться из дома.

– Это всё? – спросил сэр Роберт.

– Всё, милорд.

– Бог мой, стоило из-за этого меня будить! – страдальчески воскликнул сэр Роберт. – Я мог бы спать ещё целый час.

– Я передал вам то, что мне велено было передать, – невозмутимо произнёс посланник, раскланялся и покинул дом.

– Боже мой, боже, – сэр Роберт сжал виски. – Принесите мне холодное мокрое полотенце, – он бессильно опустился в кресло.

Слуга принёс полотенце, которое сэр Роберт немедленно намотал на голову. Затем слуга подал ему поднос с бумагами.

– Опять письма? – поморщился сэр Роберт. Он взял наугад три письма и прочёл, перескакивая через фразы: «Милорд! Зная Вашу доброту и христианское милосердие и состоя с Вами в дальнем родстве…». Состоя… – задумчиво произнёс он. – Что это за слово – «состоя», и на какой слог делать ударение? Мне кажется, это что-то неприличное?

– Не могу знать, милорд, – ответил невозмутимый слуга.

– Ладно… «Состоя с Вами в дальнем родстве, решился обратиться к Вам… Тяжелое материальное положение… Злая судьба, людские козни… Болезни, немощь… Не смею просить о многом, буду рад любой сумме… Подпись: разорённый отец многодетного семейства…». Понятно… Следующее письмо: «Милорд! Вы можете наказать меня презрением за то, что я к Вам пишу. Я женщина и должна помнить о скромности, но я была вынуждена обратиться к Вам… Верю, что Вы меня поймёте… Истинный благородный джентльмен… Проявите сострадание к несчастной жертве роковой любви… Пикантные обстоятельства, проклята родными… На грани отчаяния, готова совершить непоправимое… Холодные воды Темзы сомкнутся надо мною… Всего один фунт может спасти мою душу… Припадаю к Вашим ногам… Подпись». Если бы все несчастные жертвы любви, которые ко мне обращаются, выполняли свои обещания, Темза вышла бы из берегов, – сэр Роберт посмотрел на слугу.

– Как прикажете, милорд, – отвечал он.

– Следующее: «Зная Ваш интерес к деловым начинаниям, позвольте предложить чрезвычайно интересный проект… Пятьсот процентов прибыли на вложенные Вами деньги… Никакого риска, если вы следуете нашим советам… Много желающих, спешите, если хотите успеть… В числе наших компаньонов находятся…» Ого, вот это фамилии! Неужели, правда?… – сэр Роберт зевнул. – Бросьте все письма в камин, – сказал он слуге, – я не буду их читать.

– Слушаюсь, милорд, – сказал слуга, не двигаясь с места.

– Что такое? – спросил сэр Роберт. – У вас есть ещё что-то?

– Да, милорд, – слуга протянул сложенный в несколько раз листок бумаги.

– Что это?

– Письмо, милорд. Его оставил вам один высокий джентльмен, закутанный в плащ. Сказал, что это очень важно.

– Он представился?

– Нет, милорд, он тут же ушёл.

– Давайте, – сэр Роберт взял письмо, развернул его и, морщась от головной боли, прочитал: «Милорд! Простите, что обращаюсь к Вам…». Господи, и это называется очень важно? Просто очередная просьба о помощи, – сэр Роберт с укором взглянул на слугу.

– Не могу знать, милорд, – ответил слуга.

– «Простите, что обращаюсь к Вам запросто после того, как наше знакомство было прервано…», – продолжал читать сэр Роберт. – Опять какой-то дальний родственник, – вздохнул он. –

Все они разом забыли про меня, когда я находился в немилости у королевы, и сразу же вспомнили, когда я оказался в почёте у неё… «У меня есть к вам важное, не терпящее отлагательства дело…». Очередное предложение, сулящее золотые горы: можно подумать, что без меня теперь не может обойтись ни одно выгодное предприятие в Англии… «Подробности при личной встрече… Прошу назначить как можно скорее время и сообщить мне…» Однако этот джентльмен не стесняется, – какая требовательность! «Подпись…», – сэр Роберт вдруг запнулся. – Не может быть, – прошептал он. – Он жив и на свободе? А я думал, что его давно…

Не веря своим глазам, сэр Роберт ещё раз посмотрел на подпись; потом он снял полотенце со лба, отёр лицо и покосился на слугу.

– Налейте мне виски, – ну, этого напитка, что контрабандой привозят к нам из Шотландии… Идите, – сказал он слуге, взяв стакан, – вы мне пока не нужны.

Сделав порядочный глоток, сэр Роберт снова прочёл записку. Сложив её, он задумался. «Что делать, как мне следует поступить? Господи, только бы не совершить ошибку!.. Сжечь это письмо, немедленно сжечь… Хотя нет, жечь нельзя, – а вдруг меня спросят, зачем я его сжёг? Не было ли здесь какого-нибудь умысла, не хотел ли я замести следы?… Что же делать, что делать, что делать?…», – он крутил записку в руках.

– А что бы я сделал, если бы был лорд-канцлером, – спросил он себя. – Да, лорд-канцлером… Боже, какая ответственность, какая страшная ответственность!.. Кстати, не показать ли письмо сэру Стивену? – вдруг осенило его. – Так, между прочим. Сказать, что вот, мол, я получил это письмо, – мне много чего присылают, – видите, какие послания порой приходят… Знал ли я этого человека раньше? Да, знал, но это было так давно, – да он и сам об этом пишет… Так что мне делать, – принять его или нет? Как вы посоветуете, сэр Стивен?… Отличная идея! – оживился сэр Роберт. – И как удачно, что лорд-канцлер сам приедет ко мне сегодня! На ловца и зверь бежит.

Позвав слугу, он сказал ему:

– Накройте стол для завтрака – пусть подадут лучшее, что есть на кухне. Всё должно быть готово к приезду господина лорд-канцлера. Как только он подъедет к крыльцу, тут же доложите мне. Он не должен ждать ни одной минуты – я выйду ему навстречу…

* * *

– Как вы себя чувствуете после вчерашнего? – весело поинтересовался сэр Стивен, отвечая на приветствие сэра Роберта. – Мне кажется, вчера вы хватили лишнего на обеде у королевы?… О, не оправдывайтесь, – такие события не часто случаются в жизни! Благодарность её величества, знаки её милости, – разве это не то, к чему мы все стремимся? Вы далеко пойдёте, мой молодой друг, – когда-нибудь мы будем гордиться знакомством с вами.

– Её величество слишком добра ко мне, – возразил сэр Роберт. – Я не понимаю, чем я заслужил такое обращение, но, поверьте, я понимаю, что без вас ничего не было бы, милорд. У меня нет слов, чтобы выразить свою признательность.

– Не преувеличивайте. Я всего лишь представил вас королеве, остальное – ваша заслуга. Способный человек сам пробьёт себе дорогу, надо только помочь ему сделать первый шаг, – продолжая широко улыбаться, заметил сэр Стивен.

– Я счастлив, что вы приехали ко мне. Не хотите ли выпить и закусить? – показал сэр Роберт на накрытый стол, когда они вошли в столовую.

– Не стоило беспокоиться, я ненадолго. Впрочем, я охотно разделю с вами трапезу. А, шотландское виски! – сэр Стивен взял бутылку, открыл её и понюхал.

– Не понимаю, как оно ко мне попало, – пробормотал смущённый сэр Роберт. – Видимо, слуги где-то раздобыли… И зачем его поставили на стол, – я не просил об этом.

– Сколько мы не боремся с контрабандой, количество виски в Англии не становится меньше. Пора уже отменить запрет на его ввоз и обложить продажу налогами. Раз уж виски пьёт полстраны, бороться бесполезно, лучше извлечь выгоду для казны, – сказал сэр Стивен – Я не буду пить виски, прикажите налить мне немного вина, – а сами не стесняйтесь, вы хозяин в этом доме, и, стало быть, можете выпить, когда захочется и что захочется.

– Без вас у меня ничего не было бы, милорд, – повторил сэр Роберт. – Я так вам признателен.

– Вы уже говорили, – кивнул сэр Стивен. – Оставим это, давайте завтракать, – у вас отличные повара, как я вижу… Какие тяжелые времена настали, сколько всяких забот! – жаловался он за едой, – При покойном короле Генрихе жилось легче. Возьмём, к примеру, заговоры, – при Генрихе их почти не было: ну, сэр Томас Мор не захотел признать главенство короля над церковью; ну, некоторые монахи восстали против этого; ну, леди Болейн совершила государственную измену; ну, леди Говард последовала её примеру – вот и всё, остальное – мелочи. Да и кто из этих изменников мог добиться успеха? Пожалуй, лишь сэр Томас, если

бы всерьёз взялся за организацию мятежа… Нынче совсем не то: заговоры следуют один за другим. Недовольные готовы любыми способами добиваться своего, – это закоренелые злодеи, которых не страшит тюрьма, не страшат пытки и казни. Обидно, что сии негодяи ловят в свои сети хороших людей, многие из которых могли бы принести пользу королеве и Англии. О, вы не знаете, как хитры и коварны злоумышленники, сколько у них в запасе всяческих ловушек, чтобы поймать честного человека! Бывает, что приманкой становятся женщины, бывает – деньги, но чаще всего людей ловят на неосторожности и тщеславии. Попросят, скажем, человека о какой-нибудь незначительной услуге, а после припрут его к стенке: помог один раз, помогай и дальше, – теперь ты наш и деваться тебе некуда. Или приходят к какому-нибудь честолюбцу и говорят ему: «Дело наше верное, у нас такие силы, что можно не сомневаться – власть будет в наших руках. Смотри, чтобы не опоздать, – если ты не поддержишь нас сегодня, то завтра останешься в дураках». Он клюёт на эту приманку и оказывается на крючке, с которого не сорваться… Да, в нынешние времена надо быть очень, очень осторожным!

– М-да, надо быть очень осторожным – согласился сэр Роберт и закашлялся.

– А сколько сейчас передают тайных посланий, писем, записок, – продолжал сэр Стивен. – Казалось бы, совершенно невинных, но они тоже являются, по сути, приманкой. Любая тайна от государства – это преступление. Если человек скрыл что-нибудь от государства, он содеял зло против него. Честному человеку нечего скрывать, он всегда на свету, а во тьме прячутся только злодеи.

– М-да, – просипел сэр Роберт, который никак не мог откашляться. Он выпил виски и сказал – Тут вот что… Мне бы хотелось услышать ваш совет, милорд.

– Я всегда рад вам помочь, мой молодой друг, – с готовностью отозвался сэр Стивен. – Вы мне как сын, – вы позволите мне заменить вам отца?

– Милорд, у меня нет слов… Я счастлив, милорд… – забормотал сэр Роберт. – Вы уже и так столько для меня сделали… Моя признательность…

– Пустое, – какие могут быть счёты между своими? – ласково перебил его сэр Стивен. – Так, о чём вы хотели со мной посоветоваться?

– Я получил письмо от одного человека…

– Как, и вы тоже? – поразился сэр Стивен. – Вы подумайте, минуту назад я толковал вам о тайных письмах и как в точку попал!

– Оно не тайное, милорд, – торопливо принялся объяснять сэр Роберт. – Это даже и не письмо, а всего лишь записка. В ней нет ничего особенного, – я получаю десятки, сотни посланий, где меня просят о помощи, хотят встретиться со мной, поговорить. В этой записке нет ничего особенного, но человек, который её написал… Я не знаю, опасен ли он для Англии и королевы, – может, и не опасен… В общем, я хотел просить вашего совета, милорд.

– Вы позволите мне прочесть эту записку, чтобы я мог дать вам дельный совет?

– Да, пожалуйста, милорд. Вот она, – сэр Роберт протянул сэру Стивену сложенный листок.

– Посмотрим… «Простите, что обращаюсь к Вам запросто после того, как наше знакомство было прервано на много лет… У меня есть к вам важное, не терпящее отлагательства дело… Подробности при личной встрече… Прошу назначить как можно скорее время и сообщить мне… Подпись…». Как, разве он на свободе? – спросил сэр Стивен.

– Я сам удивлён. Я думал, что его… Однако, нет… И вот он оставляет мне записку, требует назначить встречу… Что мне делать, милорд? – сэр Роберт посмотрел на лорд-канцлера.

– К сожалению, я не могу вам ответить сразу. С этим делом нужно разобраться, – покачал головой сэр Стивен. – А давайте поступим так: вы пока не встречайтесь с этим человеком. Напишите ему, что заняты: завтра королева со своими фрейлинами поедет на молебен в монастырь Жён Мироносиц. В её свиту включены несколько джентльменов, в том числе и вы.

– Королева едет завтра на молебен? А я об этом не знал, – растерянно произнёс сэр Роберт.

– Её величество приняла это решение сегодня утром, – пояснил сэр Стивен. – Видите, в каком почёте вы у королевы? Вы вошли в узкий круг избранных.

– Милорд, право же, я не знаю, как вас отблагодарить! Конечно, это вы постарались. Милорд, моя жизнь принадлежит вам! – воскликнул сэр Роберт.

– Замечательно! Это бесценный дар, я постараюсь распорядиться им, как подобает, – улыбнулся сэр Стивен. – Так напишете же тому человеку всё что я вам сказал – и тотчас передайте ему своё послание. А я беру на себя роль вашего защитника и покровителя. Записка останется у меня, если позволите.

– Ради бога, забирайте! – замахал руками сэр Стивен. – Не понимаю, зачем этот человек ко мне приходил, зачем просил о личной встрече? Я его знал раньше, но это было так давно. У

меня нет с ним никаких дел.

– Очень хорошо, – именно так вы и скажете, если вас кто-нибудь станет расспрашивать о записке этого человека.

– Кто будет расспрашивать?

– Вы скажите, что отказались встретиться с ним, потому что должны были сопровождать её величество в монастырь Жён Мироносиц, – не услышав вопроса сэра Роберта, продолжал сэр Стивен, – а написали ему об этом, чтобы он вас больше не тревожил.

– Но кто меня будет расспрашивать? – недоумённо повторил сэр Роберт.

– Мало ли у нас любопытных, – а если вы приближены к её величеству, к вам особое внимание, – в голосе сэра Стивен прозвучали то ли насмешка, то ли сожаление. – Ну, мне пора ехать… Да, а зачем же я к вам приезжал? – спохватился он. – Старею, старею… О, конечно, – на правах друга поздравить вас с монаршей милостью, а по долгу службы вручить вам официальное уведомление о награде. Вот оно, получите, – сэр Стивен протянул сэру Роберту большую бумагу с золотым тиснением и печатью.

– Вы оказали мне большую честь, господин лорд-канцлер, – вставая и кланяясь, ответил сэр Роберт.

– «Боже, храни королеву!» – подсказал сэр Стивен.

– Боже, храни королеву! – повторил сэр Роберт.

* * *

Утро было холодным и пасмурным, мокрый снег сменялся ледяным дождём, мостовая была покрыта грязной слякотью, в которой быстро промокали даже хорошие, добротно сшитые сапоги. Гвардейцы, несущие стражу возле Уайт-холла, переминались с ноги на ногу, кутались в плащи и прятали носы в высокие воротники, выступающие над нагрудными панцирями.

Площадь перед дворцом была пуста: поставщики двора её величества – мясники, бакалейщики, булочники, зеленщики и прочие – сегодня почему-то не явились, и гвардейцы с тревогой думали о том, удастся ли после дежурства перекусить на королевской кухне и согреться добрым стаканом вина. Вдобавок ко всему, с рассвета по дворцу сновали люди епископа Эдмунда, а это не предвещало ничего хорошего – было очевидно, что во дворце что-то готовится, и дежурство, стало быть, пройдёт неспокойно.

Поскольку из королевской конюшни привели лошадей, а из

часовни королевы доставили хоругви с ликами святых и вышитые воздуси, гвардейцы решили, что намечается поездка на богомолье, – но неясно было, почему тихо в покоях её величества. Неужто королева не поедет на молебен? Это было не похоже на неё… К тому же, не видно было конных гвардейцев – гвардейцы из пешей стражи не любили их за высокомерие и заносчивость, но, надо отдать должное, конные гвардейцы лихим чёртом неслись на своих великолепных конях, сопровождая выезд её величества, и смотреть на них было любо-дорого! Что же это за странный выезд, если конных гвардейцев не видать? Странно, странно…

Вовсе удивительно, что как только рассвело, люди епископа Эдмунда, – сотни три, не меньше, – тайком, пряча оружие под плащами, – от наметанного глаза такое не скроешь, – рассеялись по всем улицам и переулкам, выходившим к Уайт-холлу, и исчезли, будто их и не было. Зато начальник стражи уже трижды за утро обошёл караулы, а после встал у ворот, вместо того чтобы пойти, по своему обыкновению, в отведённую для него комнату во дворце, где всегда были приличные запасы еды и выпивки. Если уж он в эдакую погоду торчит на холоде, злой, как дьявол, – значит, намечается что-то нешуточное, ухо надо держать востро…

Гвардейцы насторожились, когда на площадь выехали четверо джентльменов. Однако начальник стражи принял, напротив, самый беспечный вид и даже принялся насвистывать какую-то весёленькую песенку. Странно…

– Странно, что охрана не увеличена по случаю выезда королевы, – сказал худощавый джентльмен, обращаясь к сэру Томасу.

– Ничего странного, – нервно ответил сэр Томас, – они стремятся сохранить в тайне эту поездку, зачем же привлекать внимание?

– Но, черт возьми, вы уверены, что Мария скоро выедет? – спросил сэр Эндрю, поёживаясь и зевая.

– Можете не сомневаться. Мои сведения надежные, они получены от человека, который не мог ошибиться или обмануть меня, – сказал сэр Томас.

– А, ну тогда хорошо, – кивнул сэр Эндрю. Он так сладко потянулся, что под ним заскрипело кожаное седло, а конь испуганно оглянулся на своего хозяина. – Выпить бы сейчас бренди, согреться, – мечтательно произнёс сэр Эндрю.

– Да, вы, кажется, уже успели согреться. Господи, даже в такой день не можете удержаться! – раздражённо проговорил полный джентльмен.

– А что особенного в сегодняшнем дне? – удивился сэр

Эндрю. – Пока моя глотка способна пропускать бренди, а желудок готов его принимать, я буду пить, дьявол меня забери! А вы, сэр, просто скучный зануда, – вот и всё!

– А вы – пьяница и задира, – пробурчал себе под нос полный джентльмен. – Ну, ничего, скоро вы получите своё.

– Что, что? – переспросил сэр Эндрю, подбоченись и с вызовом глядя на полного джентльмена. – Я заметил, что вы вечно недовольны моим поведением. Пора бы нам уже выяснить этот вопрос, как подобает благородным господам.

– Джентльмены, хватит! – прервал их сэр Томас. – Нашли время и место… Где же наши товарищи? Они должны были прибыть сюда поодиночке, однако почему-то никого нет. Странно…

В это время к начальнику дворцовой стражи, упорно продолжающему насвистывать веселую песню, подошёл сутулый человек в одежде гвардейца, которая была ему слишком велика.

– Где они? – шепнул он.

Начальник показал на четырёх джентльменов на площади и принялся свистеть ещё громче.

– Что? Их только четверо? – удивился сутулый.

– Фьи-иу-у! – кивнул начальник стражи.

– Странно, – сказал сутулый. – Пойду, доложу его преосвященству…

– Странно, что никто из наших не прибыл, – повторил сэр Томас. – Так мы можем опять опоздать. Судя по всему, Мария вот-вот выедет из дворца, – смотрите, там какое-то шевеление, люди ходят, а вон тот здоровяк у ворот – не иначе, как начальник караула. Если он вышел, значит, королева появится с минуты на минуту. Где же наши товарищи?

– Да бог с ними! – вскричал сэр Эндрю. – Неужели мы вчетвером не перебьём малохольных свитских королевы?! Я берусь один расправиться с пятерыми-семерыми из них! Пусть попробуют помешать нам!

– Я разделяю вашу уверенность, милорд, и тоже готов взять на себя сколько-то человек из свиты Марии, но подкрепление нам было бы кстати, – возразил худощавый джентльмен. – И мне не нравится, что мы стоим на площади у всех на виду. Глядите, гвардейцы из охраны наблюдают за нами.

– Если бы мы поехали через город большой компанией, мы вызывали бы ещё больше подозрений, – сказал сэр Томас. – Наш план как раз и заключался в том, чтобы прибыть к дворцу по отдельности или маленькими группами. Главное – точность во времени, а её-то, как видно, и не хватает нашим друзьям. Да где же они, помилуй господи? Как странно…

Сутулый человек вновь подошёл к начальнику стражи.

– Очень странно, что их только четверо, – сказал сутулый, – но его преосвященство всё равно приказал начинать. Возможно, их сообщники прячутся неподалёку, а эти специально отвлекают наше внимание. Но ничего – все наши люди оповещены, и никому из злоумышленников не удастся улизнуть. Начинайте!

Начальник стражи вывел заливистую руладу и подмигнул кому-то за воротами. В тот же миг раздался звук трубы, и ворота со скрипом отворились.

– Королева! – воскликнул сэр Томас. – Вот её карета! Ждать больше нельзя; вперёд, джентльмены! Наше дело правое, с нами Господь наш Иисус!

– Ждать больше нельзя! Вперёд! – подхватил внезапно расхрабрившийся полный джентльмен. – Вперёд, вперёд, захватим королеву!

– Эх, наконец-то настоящее дело! – закричал сэр Эндрю, выхватил шпагу и пришпорил коня.

– С нами Иисус! – воскликнул худощавый джентльмен, изготовив пистолет и направляясь вслед за товарищами.

Увидев их атаку, гвардейцы у дворца вскинули пищали и запалили фитили.

– Отставить! Отставить! – истошно закричал начальник стражи. – Стоять на месте! Не стрелять! Их возьмут без вас!

– Ну, да, попробуйте! – крикнул в ответ услышавший его приказ сэр Эндрю. – Сейчас мы поглядим, кто кого возьмёт!

Он направил коня прямо к королевской карете, разбрасывая тех, кто пытался ему помешать. Сэр Томас сражался бок о бок с ним, в то время как худощавый джентльмен немного отстал, а полный куда-то затерялся.

Наконец, сэр Эндрю и сэр Томас пробились к карете и спешились; сэр Томас рванул дверь и на одном дыхании проговорил:

– Ваше величество, вы низложены! Отныне королева Англии – Елизавета!

Из кареты вывалилось соломенное чучело, одетое в королевское платье.

– Ба-а-а, вот так королева, – изумлённо протянул сэр Эндрю.

Сэр Томас зачем-то ткнул чучело шпагой, посмотрел на сэра Эндрю и беззвучно прошептал:

– Провал…

– Ловушка, – согласился сэр Эндрю и бросил шпагу на землю, – Все бы отдал сейчас за стакан бренди. Как хочется выпить… Напоследок…

Со всех сторон на площадь бежали люди в одинаковых

суконных плащах.

– Измена! – отчаянно воскликнул худощавый джентльмен. К нему уже подскочили, чтобы схватить его; тогда он приставил пистолет к своей груди: – Господи, прости меня! – и выстрелил.

Сэр Томас скривился, как от боли, сэр Эндрю хмыкнул и покачал головой.

– Ваши шпаги, господа! – сказали люди в суконных плащах, окружив сэра Томаса и сэра Эндрю плотным кольцом. Сэр Томас протянул им шпагу, а сэр Эндрю показал на свою, валявшуюся на земле:

– Возьмите, коли она вам так нужна, – и прибавил: – Не забудьте позаботиться о моём коне: мне он больше не понадобится, а вы сможете выручить за него хорошие деньги, если он будет сыт и здоров.

Часть 6. Следствие

Сэр Стивен с сафьяновой папкой в руках шел по дворцу к покоям королевы, по пути любезно отвечая на приветствия придворных; он даже шутил с некоторыми джентльменами, а дамам отпускал изящные комплименты. Лорд-канцлер выглядел таким довольным, а улыбка его была такой лучезарной, что слухи о покушении на её величество, с утра взбудоражившие дворец, казались полной чепухой. Отмена поездки на молебен в монастырь Жён Мироносиц объяснялась, конечно же, какими-то другими причинами, а не этим мифическим покушением.

У дверей королевы сэр Стивен задержался и прислушался: там была полная тишина.

– Её величество одна? – спросил он у фрейлин.

– Да, милорд, она пожелала остаться одна, – отвечали ему.

– И просила её не беспокоить?

– Нет, милорд, не просила.

– А как настроение её величества?

– Прекрасное! За завтраком она позволила выступить шутам и улыбалась.

– Ах, вот как? Ну, что же, замечательно, – на лице лорд-канцлера вдруг промелькнуло странное выражение: злорадство и сожаление одновременно.

Фрейлины смутились; в тот же миг лицо сэра Стивена приняло прежнее выражение, любезное и приветливое.

– Я пройду к королеве, – сказал он церемониймейстеру.

Тот величаво кивнул и дал знак гвардейцам, стоявшим у дверей, чтобы те пропустили лорд-канцлера.

– Добрый день, ваше величество, – войдя в покои, проговорил сэр Стивен негромко, дабы не потревожить королеву.

Мария, однако, вздрогнула. Она перечитывала «Роман о Розе» и увлеклась им настолько, что будто наяву видела его героев. Она видела прекрасного юношу, одолеваемого в саду Веселья любовным томлением к чудесной алой Розе, – и видела Розу, которая была нежной милой девушкой и одновременно символом, обладающим всем очарованием тайны. В саду Веселья вообще было мало земного, а больше небесного, идеального. Он был защищен от окружающей низкой действительности непроницаемой стеной, за которой остались Ненависть, Вероломство, Зависть, Жадность, Алчность и Бедность.

Мария видела Амура и Венеру – наставников и помощников юноши. У Амура была шляпа из роз, над которой порхали птицы, и цветочное платье, усыпанное розовыми лепестками. Мария

видела, как Амур гонится за юношей по саду и настигает его над источником Нарцисса, раня его своими стрелами, каждая из которых несла достоинства девы Розы: Красоту, Простоту, Искренность, Дружбу и Обаяние.

Обаяние, венчающее всё, окончательно превратило юношу в покорного слугу Амура, который прочитал ему наставление, предписывающего влюбленному полную покорность, преклонение перед дамой, исполнение всех ее желаний, вплоть до самопожертвования. Этот эпизод романа особенно умилял Марию.

На помощь Амуру пришла Венера, которая являлась воплощением чувственной страсти (Мария стыдливо улыбалась, читая, как на ложе любви ревнивый Вулкан застал Венеру в объятьях доблестного Марса). По просьбе амура Венера разрушила одним ударом стены и бойницы, возведенные стражами любви для защиты Розы, – и вот уже ответная любовь ждёт юношу.

Откровение этой любви не было выражено словами или, тем более, прикосновениями, но было заключено во взгляде, и отныне этот Нежный Взгляд всегда будет сопровождать счастливого влюбленного. Но юношу мучила жажда поцелуя, которого он и добивается. Поцелуй Розы становится его первым любовным действием и одновременно его преступлением, за которое он изгоняется из рая-сада. Разлука с возлюбленной открыла для юноши муки любви, читая о которых Мария смахнула с глаз невольные слёзы.

Утешает юношу дама Разум. Она противостоит земной действительности с кипением её страстей и пороков и пытается вернуть героя к понятиям высшего добра и справедливости. Символом зыбкой земной жизни выступает в речи Разума ветреная богиня Фортуна, искушающая смертных и всегда обрекающая их на поражение (Мария подчеркнула это место в романе).

Но пылкому юноше не по душе посулы дамы Разум. Когда она предлагает ему стать его подругой, он отталкивает царственную даму и даже пытается уличить её в непонимании тонких чувств. Уход дамы Разум, оставившей героя наедине с его любовным безумием, воплощал свершившийся выбор между рассудком и страстью (Мария подчеркнула и это место).

Далее шли неприятные для Мария рассуждения Друга юноши, который, чтобы утешить его, ругает всех женщин подряд, приводя примеры женской низости, коварства, продажности и природного распутства. Мария бегло прочитала этот кусок, также как и следующие за ним речи Старухи, обличающей, в свою

очередь, подлость и неблагодарность мужчин.

В финале романа появляется Природа, служанка Бога, его любимое детище. Она сетует на человека, само неудачное и непокорное её создание, постоянно нарушающее её волю («Как это верно!» – написала Мария на полях книги). Но поскольку Природе надлежит заботиться, чтобы не прерывалась жизнь на земле и за одним поколением следовало другое, она через своего помощника Гения помогает юноше штурмом взять сад, где скрыта прекрасная Роза. Добившись своего, юноша благодарит всех, кто способствовал его любовной победе, отрекаясь лишь от дамы Разум. Путь, предначертанный ею, не совпал с заветами Природы, которые он в конце концов победоносно исполнил.

«Предавшись страсти, забудь о рассудке», – написала Мария резюме на полях и глубоко задумалась. Её раздумье прервал сэр Стивен.

– Добрый день, ваше величество, – повторил лорд-канцлер.

– Я рада вас видеть, милорд, – ответила Мария, подставляя руку для поцелуя.

– Я не потревожил вас? Мне сказали, что к вам можно, – спросил сэр Стивен.

– Нет, вы не потревожили меня. Я читала… Впрочем, это не важно, – Мария отложила книгу в сторону.

– Прошу прощения, если я всё-таки потревожил вас, – виновато поклонился сэр Стивен. – Дело, по которому я пришёл, в сущности пустяковое, но необходимо, чтобы решение по нему было одобрено вами.

– Я вас слушаю, милорд.

– Сегодня утром нам удалось схватить заговорщиков, имевших целью свергнуть ваше величество и нанести удар по католической вере.

– Очередной заговор. Какой он у нас по счёту? – безучастно спросила Мария.

– Да, конечно, очередной заговор, ничего страшного, но есть некоторые обстоятельства… – сэр Стивен замолчал.

– Я вас слушаю, – повторила Мария.

– Следствие ещё не началось, но по некоторым данным, заговорщики пытались возбудить против вас народ и для этого распускали гнусные слухи о вашем величестве, – сэр Стивен посмотрел на королеву.

Она молчала, рассеянно глядя в окно; было непонятно, слышит ли она лорд-канцлера.

– …Распускали гнусные слухи о вашем величестве, – повысил он голос. – В частности, что ваша жестокость не знает границ, что вы лично убиваете своих врагов, пытаете и поджариваете на

медленном огне всех, кто нелоялен к вашей власти; что вы, – простите меня, ваше величество, я лишь пересказываю слова заговорщиков, – что вы пьёте кровь своих жертв, подмешивая её в крепкое вино.

Мария поморщилась:

– Зачем вы мне это рассказываете? Я знаю, что чернь не любит меня.

– Но, ваше величество…

– Мой народ не любит меня, – продолжала Мария, не слушая возражений лорд-канцлера. – Я дала ему свободно вздохнуть после страшного тиранического правления моего отца, я отменила кровавые законы короля Генриха, я выпустила из тюрем невинно осуждённых людей, я вернула нашу исконную веру, я возвращаю крестьянам землю, отнятую у них при моём отце, я перестала душить народ налогами, – но мой народ не любит меня. А моего отца народ боготворит, называет его настоящим королём и считает, что при нём в государстве был порядок. Так зачем же вы пересказываете мне все эти чудовищные измышления, которые родятся в головах народа? Я презираю глупую чернь и не интересуюсь, что она болтает про меня.

– Да, вашего отца народ боготворит, – подлил масла в огонь сэр Стивен. – Люди постоянно вспоминают «славного короля Генриха» и сравнивают его правление с вашим. «При Генрихе всё было бы по-другому, при Генрихе не было того и этого», – болтают в народе.

– Вот видите, – сказала Мария. – Зачем же вы оскорбляете мой слух всякой мерзостью?

– Ваше величество, я осмелился доложить вам об этом только в связи с заговором. Я хотел показать вам, до какой низости дошли эти негодяи, за одно это они заслуживают смерти. С вашего позволения, я бы приказал казнить их немедленно, однако мы должны найти все нити заговора. Боюсь, что в нём замешаны лица, слишком известные вам, – сэр Стивен сделал многозначительную паузу.

– Слишком известные мне? Кого вы имеете в виду? – насторожилась Мария.

– Мне тяжело об этом говорить, но есть сведения, что её высочество принцесса Елизавета знала об этом заговоре и, возможно, была готова возглавить его, – сэр Стивен понизил голос и почти прошептал последние слова.

Мария дрогнула и отвела глаза.

– Эти сведения точные? – спросила она.

– Как я вам доложил, следствие ещё не началось, – неопределённо ответил сэр Стивен.

– Она рвётся к престолу с такой же наглостью, как её мать, – желчно заметила Мария. – Нам хорошо известно, как сильно Елизавета желает нашей смерти, – но её нетерпение, оказывается, столь велико, что она готова пойти на преступление. А чего ещё ожидать от дочери преступницы – как мы понимаем, преступные наклонности передались Елизавете с молоком матери.

Мария замолчала.

– Что же нам с ней делать? – нерешительно спросила она затем. – Нельзя забывать, что она дочь короля Генриха и наша сестра… Что нам с ней делать, милорд?

– Если позволите, ваше величество, я не стал бы торопиться с окончательным решением: мы ведь не знаем в точности степень вины её высочества. Следствие покажет, насколько принцесса Елизавета замешана в этом заговоре, а пока её можно поместить в Тауэр, чтобы в любую минуту мы могли задать ей необходимые вопросы.

– В Тауэр? Арестовать? – с сомнением произнесла Мария.

– Почему же – арестовать? В Тауэре есть превосходные комнаты, достойные для проживания высокопоставленных персон, – возразил сэр Стивен. – К тому же, пребывание в Тауэре благоприятно влияет на людей: они быстро избавляются от дурных помыслов.

– Хорошо, пусть будет так, – сказала Мария. – Поместите Елизавету в Тауэр; в любом случае это будет неплохая острастка для неё. Заготовьте указ, поставьте на нём печать, а я подпишу.

– Слушаюсь, ваше величество, указ уже заготовлен – сэр Стивен потряс своей папкой и продолжал стоять перед королевой.

– Это не всё? – со вздохом спросила Мария. – Чем вы ещё хотите меня порадовать?

– Боюсь, что радовать нечем, ваше величество, – тоже со вздохом проговорил сэр Стивен.

– Господи, боже мой, у меня было такое хорошее настроение с утра, а вы будто специально решили его испортить, – в голосе Марии прозвучала обида.

– Ваше величество, будь моя воля, я бы приносил вам одни приятные вести, но что делать, если наш мир несовершенен, а люди слабы и грешны. Ни в ком нельзя быть уверенным, даже те, кто близки к нам, порой доставляют неприятности, – с горечью и сожалением произнёс сэр Стивен.

– «Те, кто близки»… – повторила Мария и напряглась. – Говорите яснее, милорд.

– Сэр Роберт Дадли, – сказал сэр Стивен, и опять на его лице промелькнули злорадство и сожаление одновременно. – Сэр Роберт Дадли также замешан в заговоре.

Мария сжалась, как от удара, и бросила отчаянный взгляд на лорд-канцлера.

– Этого не может быть. Сэр Роберт Дадли всей душой предан нам, – отрезала она. – Не вы ли сами представили его к нашему двору, милорд?

– Увы, ваше величество, я ошибся в этом человеке, – покаянно склонился перед королевой сэр Стивен. – Единственным оправданием для меня служит то, что сэр Роберт не представлял, в какое дело его втянули. Маловероятно, чтобы он входил в число активных заговорщиков, – скорее всего, он имеет лишь косвенное отношение к заговору.

– Что значит «косвенное»? Я не понимаю! – воскликнула Мария. Её лицо покрылось красными пятнами, глаза лихорадочно блестели.

– Снова должен повторить, что следствие не началось, поэтому я, к сожалению, не могу дать вам точный ответ. Но у меня имеется вот это, – сэр Стивен протянул королеве сложенный в несколько раз листок бумаги.

Мария развернула его и прочитала: «…У меня есть к вам важное, не терпящее отлагательства дело… Подробности при личной встрече… Прошу назначить как можно скорее время и сообщить мне… Подпись…».

– Как, разве он на свободе? – спросила она.

– Уже нет, ваше величество. Он в тюрьме, это главарь заговора.

– Я не сомневалась, что рано или поздно он выступит против меня. Но сэр Роберт? Он встречался с ним? Неужели Дадли предал меня? – Мария в сердцах бросила записку на пол.

Сэр Стивен нагнулся, поднял записку, аккуратно расправил её и спрятал в папку.

– Я говорил, что вина сэра Роберта Дадли в заговоре, безусловно, есть, – но, скорее всего, косвенная. Мы не имеем никаких свидетельств, что он знал о планах заговорщиков; мы не имеем никаких свидетельств, что сэр Роберт собирался низложить ваше величество и возвести на престол Елизавету. Повторяю, на данный момент мы не имеем таких свидетельств; возможно, они появятся в ходе следствия, но пока их нет.

– «Полная покорность, преклонение перед дамой, исполнение всех ее желаний, вплоть до самопожертвования», – горько проговорила Мария.

– Что, ваше величество? – не расслышал сэр Стивен.

– Начинайте следствие, милорд, начинайте его немедленно, – я хочу знать всю правду об этом заговоре, – громко сказала Мария.

– Слушаюсь. Не сомневайтесь, мы выявим и примерно накажем всех злодеев, имевших отношение к покушению на ваше величество… А сэр Роберт Дадли? Что делать с ним?

– В Тауэр его. Если глупость приводит к предательству и обману, она должна быть наказана, – жёстко отчеканила королева.

– Как прикажете, ваше величество.

– Однако… – запнулась она.

– Что, ваше величество?

– Однако не обращайтесь с сэром Робертом чересчур строго, – не держите его в каком-нибудь сыром подземелье и, упаси Боже, не применяйте к нему пытки. Он слишком красив, чтобы быть изуродованным в тюрьме. В конце концов, вы сами считаете, что прямой вины сэра Роберта нет.

– Конечно, ваше величество, – поклонился сэр Стивен, скрывая ю улыбку.

* * *

В одной из башен Тауэра была оборудована камера пыток. Здесь были собраны разнообразные орудия, помогающие развязать язык подследственному – от устрашающих до причиняющих страшные увечья. Порядок их применения определял тот, кто вёл следствие, – при королеве Марии этим человеком был епископ Эдмунд.

Сейчас он раздумывал, как ему поступить с сэром Эндрю. Он допрашивал его уже третий час, но безрезультатно: сэр Эндрю, сразу же признав свою вину в попытке похитить и низложить королеву, не желал назвать имена своих сообщников и даже на очевидный вопрос об участии в заговоре сэра Томаса отвечал: «Не знаю. Спросите самого сэра Томаса».

– Вы выводите меня из терпения, – с угрозой сказал епископ, в упор глядя на сэра Эндрю. – Наш палач ждёт, и я передам вас ему, если вы не ответите на мои вопросы.

– На какие ещё вопросы я должен ответить? – дерзко возразил сэр Эндрю. – Я ответил на всё, о чём вы меня спрашивали. Вы спросили, хотел ли я похитить королеву Марию, чтобы заставить её отречься от престола, дабы потом возвести на трон Елизавету? Да, хотел. Могу повторить: я хотел похитить королеву Марию, чтобы заставить её отречься от престола и потом возвести на трон Елизавету. Я понимаю, что коли это не удалось, меня ждёт смерть, и мне плевать на ваши угрозы. Вы собираетесь пытать меня, – ха, бесполезная затея! Даже если ваш палач вывернет

наизнанку моё тело, вы и тогда не узнаете ничего нового, потому что я не знаю ничего сверх того, о чём вам рассказал. Вы спрашивали о моих сообщниках, – один из них застрелился, другой находится у вас. Я видел ещё нескольких джентльменов на наших собраниях, но, ей-богу, не знаю, как их зовут, потому что никаких имён там не называли.

– Не поминайте Господа! – строго сказал епископ. – Вы лжете.

– А вот видит Бог, не лгу! – перекрестился сэр Эндрю. – На Библии готов присягнуть, что мне неизвестны имена тех, кто сидел возле меня на наших собраниях.

– Ну, ладно, предположим, что это правда. Но вы не могли не знать о принцессе Елизавете, об её участии в заговоре! – вскричал епископ.

– Поскольку вы всё равно отсечёте мне голову, то я не могу дать голову на отсечение, что Елизавета не участвовала в заговоре! – захохотал сэр Эндрю. – Если пожелаете, могу поклясться вашей головой, – принцесса в заговоре не участвовала.

– Прекратите! Вы государственный преступник, злодей, враг нашей королевы, попросту негодяй, – а позволяете себе шутить, будто вы в трактире! – закричал епископ. – Не забывайте, где вы находитесь и кто сидит перед вами!

– Вот уж что я знаю очень хорошо, так это кто сидит передо мной, – с усмешкой сказал сэр Эндрю. – А если вы ещё раз попробуете оскорбить меня, я вцеплюсь вам в горло, невзирая на ваш сан. Я дворянин и не позволю никому оскорблять себя.

Епископ поперхнулся.

– Ладно, продолжим, – проворчал он после паузы. – Итак, вы утверждаете, что принцесса Елизавета не участвовала в заговоре?

– Утверждаю.

– Но вы не посмеете отрицать, что ваш заговор был многочисленным и разветвлённым? В него были вовлечены люди разного положения, в том числе занимающие определенное место при дворе. Сэр Роберт Дадли, например, – епископ Эдмунд пристально посмотрел на сэра Эндрю.

– Роберт Дадли участвовал в заговоре? Да вы с ума сошли, ваше преосвященство! – сэр Эндрю захохотал ещё громче. – Всем известно, что Роберт Дадли не способен на серьёзное дело. Богом клянусь, что Дадли в заговоре не участвовал.

– Ладно, пусть так, – с неохотой согласился епископ. – Но был ещё один человек, который знал о ваших планах. Вы направили его к принцессе Елизавете, чтобы он подготовил её к захвату власти. Вы понимаете, о ком я говорю? Этот ваш старый приятель – сэр Джон.

– Сэр Джон?! – сэр Эндрю округлил глаза. – Ваше

преосвященство, вы опять попали пальцем в небо! Сэр Джон никогда не занимался политикой, а уж тем более заговорами. Он больше всего на свете любит вино и женщин, а собственные удовольствия ценит так высоко, что не променяет их ни на что другое. Он же когда-то был председателем в нашем клубе «Диоген», в клубе Циников, – вы знаете, кто такие циники? Эх, и веселились мы тогда, – а сколько было выпито! Да, славные были времена, – сэр Эндрю мечтательно улыбнулся.

– Но вы-то ввязались в заговор, хоть и были циником, – возразил епископ.

– Я – другое дело, а сэр Джон остался верен себе, – ответил сэр Эндрю.

– А вот мы сейчас самого его спросим, – сказал епископ. – Сейчас вы увидите своего старого друга. Позвать сюда сэра Джона! – крикнул епископ.

Через несколько минут в камеру вошёл сэр Джон. Он был при шпаге, и сэр Эндрю облегчённо вздохнул.

– Сэр Джон, рад вас видеть! – воскликнул он. – Как любезно с вашей стороны, что вы навестили меня.

– Сэр Эндрю? Никак не ожидал встретить вас в Тауэре, – в тон ему ответил сэр Джон.

– Где же, как не в Тауэре, быть государственному преступнику? – вставил епископ Эдмунд.

– Это вы о ком говорите? – не понял сэр Джон.

– Покамест о вашем друге. Он дерзнул выступить против её величества королевы Марии. Его вина несомненна.

– Сэр Эндрю дерзнул выступить против королевы?! – поразился сэр Джон. – Да вы, верно, шутите, ваше преосвященство.

– Нет, он не шутит. Это правда, я был арестован как раз тогда, когда мы пытались захватить Марию. Глупо было бы отрицать это, – сообщил сэр Эндрю.

– Как видите, ваш друг во всём признался, и я надеюсь, что вы последуете его примеру. Милость её величества безгранична, раскаявшиеся преступники всегда могут рассчитывать на снисхождение королевы, – вкрадчиво произнёс епископ.

– А в чём мне признаваться? А с чего вы взяли, что я раскаиваюсь? – одновременно проговорили сэр Джон и сэр Эндрю.

– Помолчите, сэр! – сказал епископ сэру Эндрю. – Признайтесь, милорд, – сказал он сэру Джону, – зачем заговорщики направили вас к принцессе Елизавете?

– Как, ваше преосвященство, вы причисляете к заговорщикам себя и господина лорд-канцлера? – пуще прежнего удивился сэр

Джон. – Ведь это вы допустили меня ко двору принцессы.

– Вот это номер! – воскликнул сэр Эндрю. – Вот кто главные заговорщики, оказывается!

– Помолчите! – почти взмолился епископ. – А вы, милорд, объясните толком, почему мы с господином лорд-канцлером допустили вас ко двору принцессы Елизаветы.

– Почему вы с господином лорд-канцлером допустили меня ко двору принцессы Елизаветы? Господи, да откуда же я знаю! – развел руками сэр Джон. – Спросите самого себя об этом.

– Вот, вот, спросите самого себя! – повторил сэр Эндрю.

– Да замочите же! – закричал епископ. – Пресвятая Дева Мария дай мне терпения и кротости!.. Так, сэр Джон, ответьте мне просто и ясно, почему вы решили, что это мы с господином лорд-канцлером отправили вас ко двору принцессы Елизаветы.

– Отвечаю просто и ясно. Список лиц, допущенных ко двору принцессы, утверждает господин лорд-канцлер, – значит, без его одобрения меня не внесли бы в этот список. Но все в Лондоне знают, – вы уж простите, ваше преосвященство, – что вы также просматриваете список и без вашего согласия попасть ко двору тоже невозможно. Стало быть, это вы и господин лорд-канцлер допустили меня ко двору Елизаветы.

– Всё так, – пробормотал епископ, – столько всяких дел приходится решать каждый день, столько бумаг просматривать, – иногда что-нибудь и пропустишь… Итак, вы ничего не знали о заговоре и заговорщики не направляли вас к принцессе Елизавете? – спросил он сэра Джона.

– О чём я вам и толкую! – сказал сэр Эндрю.

– Помолчите, – с отчаянием проговорил епископ. – Ладно, пусть так, – обратился он к сэру Джону, – но постоянно бывая у Елизаветы, не заметили ли вы странностей в её поведении? Подумайте хорошенько, от вашего ответа зависит ваша судьба, – и учтите, что у нас есть глаза и уши при дворе принцессы, ваши слова легко будет проверить.

– Бог мой, зачем же вы не обратитесь к своим глазам и ушам? Зачем вам я, если у вас есть такие прекрасные органы чувств? – усмехнулся сэр Джон. – Впрочем, дайте подумать… Да, я замечал странности в поведении принцессы Елизаветы.

– Так, так, так, – потёр руки епископ. – Продолжайте.

– Я прожил достаточно долгую жизнь, я знал многих девушек, – я знал их больше, чем вы знаете молитв, ваше преосвященство, – но никогда прежде я не встречал девушку, которая была бы столь легкомысленна, которая так любила бы увеселения и которая так ненавидела бы серьёзные дела, как принцесса Елизавета, – покачивая головой, признался сэр Джон. –

Весь прошлый месяц она разучивала со своим двором новый танец, а в последнее время она так увлеклась новой игрой в мяч, что заставила своих придворных играть с утра до вечера, и даже мне, старику, пришлось играть наравне с другими. Мне думается, что принцесса готова всю жизнь танцевать и играть; мне думается, что бремя власти для неё невыносимо, и она с отвращением думает о нём. У неё нет никаких серьёзных мыслей, она, простите за вольность, скачет и прыгает по жизни, как козочка.

– Как козочка? – ошарашено переспросил епископ.

– Как козочка, – подтвердил сэр Джон.

– Ладно, – устало сказал епископ Эдмунд. – Сейчас мы позовём ещё одного человека для полной ясности… Позовите его! – крикнул он страже.

В камеру вошёл полный джентльмен.

– Добрый день, – приветствовал он епископа.

– Добрый день, – отозвался вместо него сэр Эндрю, с недоумением глядя на полного джентльмена.

– Расскажите всё, что вам известно о заговоре, – приказал епископ.

Полный джентльмен посмотрел на орудия пыток и тяжело вздохнул.

– Я глубоко раскаиваюсь в том, что дал втянуть себя в это величайшее неслыханное преступление, – сказал он. – К счастью, Бог, любовь к Англии и королеве помогли мне вовремя прозреть и сойти с преступного пути. Эти злодеи заговорщики посягнули на святая святых – на монаршую власть, на власть её величества Марии, без которой Англия погибнет. Я уже дал подробные показания о деятельности этих безбожных, одержимых дьяволом негодяев и готов и дальше всеми силами помогать следствию.

– Вот этот человек, стоящий перед вами, входил в число злоумышленников? – епископ показал на сэра Джона.

Полный джентльмен пристально посмотрел на сэра Джона и отрицательно покачал головой.

– Нет, я его не знаю.

– А этот? – епископ указал на сэра Эндрю.

– Да, он у нас… то есть у них был одним из главных.

– Мерзавец, – процедил сэр Эндрю сквозь зубы.

– Хочу добавить, ваше преосвященство, что я безмерно рад оказать любое содействие следствию, – заторопился полный джентльмен. – Искренне сожалея о содеянном, я уже помог вам поймать злодеев в ловушку и впредь буду…

– Предатель! Иуда! – закричал сэр Эндрю. Он набросился на полного джентльмена и нанес ему сильный удар в лицо.

– Вот молодец, – прошептал сэр Джон.

– Взять его! – завопил епископ, загораживаясь от сэра Эндрю табуретом.

Стражники схватили сэра Эндрю и скрутили его; полный джентльмен недвижно лежал на полу.

– Увести! Заковать в цепи! Держать на хлебе и воде! – продолжать кричать епископ, не выпуская табурет из рук.

– Прощайте, сэр Джон! – воскликнул сэр Эндрю, с невероятным усилием повернувшись к нему.

– Прощайте, мой друг, – сказал сэр Джон, успев перехватить его взгляд.

– Хорошие у вас друзья, – проговорил епископ, когда сэра Эндрю увели, а полного джентльмена унесли.

– Тот, которого унесли, не является моим другом. Он сам признался, что мы незнакомы, – заметил сэр Джон.

– У меня к вам последний вопрос, – раздраженно сказал епископ. – Сэр Роберт Дадли был с визитом у принцессы Елизаветы. А может быть, сэр Роберт был у неё по просьбе заговорщиков?

– Роберт Дадли? Да разве можно предположить подобное? – сэр Джон засмеялся. – Я не знаю, кто двигал сэром Робертом, – сэр Джон сделал паузу и лукаво посмотрел на епископа. Тот вдруг кашлянул и отвел глаза. – Я не знаю, кто двигал сэром Робертом, – продолжал сэр Джон, – но ручаюсь, что Роберт Дадли не годится для заговора, как корыто не годится для плавания по океану.

– Да, вы правы, – внезапно согласился епископ, – но мы обязаны проверить всех, кто мог быть причастен к злодеянию. К вам, однако, более нет вопросов. Вы можете отправляться, куда угодно, но полагаю, что вам не следует задерживаться в Лондоне. Принцесса Елизавета пока побудет у нас, двор её опустел, вы остались без службы – к чему вам оставаться в столице? Я посоветовал бы вам вернуться в ваше поместье.

– Я вас понял, ваше преосвященство, и обещаю, что не задержусь в Лондоне надолго, улажу кое-какие дела и уеду… Надеюсь, её высочество не пострадает? Особам королевской крови нельзя причинять вред, да и кто может предугадать будущее? – со значением сказал сэр Джон.

– Принцессу содержат, как подобает её титулу и происхождению, – сухо ответил епископ. – Всего доброго, я вас более не задерживаю.

– Прощайте, ваше преосвященство.

– Гнусная помесь эпикурейца и циника, – злобно прошипел епископ, когда сэр Джон вышел. – Я отправлял бы таких на вечное

покаяние в монастырь. Впрочем, поганый эпикуреец всё же лучше, чем христианин, набравшийся протестантских идей… Раздувай снова очаг и готовь свои инструменты, – сказал он палачу. – Теперь мы возьмёмся за главаря заговорщиков и должны быть уверены, что вытащим из него всю правду. Каждое его слово должно быть подкреплено кровью.

* * *

Сэр Томас, обнаженный по пояс, был распят на кобыле. Его тело было покрыто язвами и ожогами, левый глаз заплыл под огромным кровоподтёком.

– Вам нет смысла запираться, облегчите свои мучения, облегчите свою душу признанием, – ласково говорил епископ Эдмунд. – В сущности, мы и без вас знаем все подробности вашего заговора, – один из ваших сообщников перешёл на нашу сторону и сообщил их нам. Мы лишь хотим услышать от вас подтверждение, что всё было именно так, а не иначе.

Сэр Томас молчал.

Епископ кивнул палачу. Тот взялся за поворотное колесо кобылы и повернул его. Раздался жуткий хруст, сэр Томас застонал.

– Говорите же! – прикрикнул на него епископ Эдмунд.

Сэр Томас молчал.

– Проклятые протестанты, проклятые фанатики, их можно поджаривать на медленном огне, но они будут молчать, – проворчал епископ. – Ну, ничего, мы истребим ваши осиные гнезда в Англии… Ладно, – сказал он сэру Томасу. – Тогда у меня к вам один-единственный вопрос: принцесса Елизавета знала о вашем заговоре? Она знала? Говорите!

Сэр Томас разомкнул запёкшиеся губы и невнятно произнёс:

– Нет. Клянусь Господом нашим Иисусом Христом…

– Что? – переспросил епископ. – Говорите громче!

– Нет, – преодолевая боль, повторил сэр Томас, – Елизавета не знала о заговоре.

Епископ снова кивнул палачу, и он повернул колесо ещё немного. Сэр Томас захрипел, из горла его пошла кровь.

– Принцесса Елизавета знала о заговоре? Отвечайте! – крикнул епископ.

– Нет, – захлёбываясь кровью, проговорил сэр Томас. – Господом нашим Иисусом Христом клянусь, что Елизавета ничего не знала о заговоре.

– Повторите ещё раз!

– Господом нашим Иисусом Христом клянусь, что принцесса Елизавета ничего не знала о заговоре, – неожиданно чётко произнёс сэр Томас и уронил голову набок. Тело его обмякло; палач подошёл, приподнял веки сэра Томаса, пощупал пульс и сказал:

– Больше нельзя. Может умереть.

– Ладно, – ответил епископ. – Остановимся пока на этом.

– Прикажете его снять? – спросил палач.

– Погодите. Сейчас мы поспрашиваем ещё одного человека, и пусть он поглядит на этого злодея. Введите! – закричал он стражникам.

В камеру ввели Роберта Дадли. Увидев истерзанного сэра Томаса, он пошатнулся и побледнел, как полотно.

– Вы знаете его? – спросил епископ, указывая на сэра Томаса.

– Нет, впервые вижу, – сдавленным голосом ответил сэр Роберт.

– Вы уверены?

– Да.

– Разве это не тот человек, от которого вы недавно получили записку? Записку, которую вы передали господину лорд-канцлеру.

– Боже мой! – простонал сэр Роберт. – Да, это он, я его сразу не узнал.

– Вы часто виделись с ним?

– Я вообще с ним не виделся, – торопливо стал объяснять сэр Роберт. – То есть я виделся с ним, но много лет назад, когда был ребёнком.

– А после вашего возвращения в Лондон?

– Нет, клянусь!

– А после того, как получили от него записку?

– Нет же, говорю вам, – муками Иисуса клянусь, что нет! – воскликнул сэр Роберт.

– Вот эту записку вы от него получили? – епископ протянул сэру Роберту листок.

– «Простите, что обращаюсь к Вам запросто после того, как наше знакомство было прервано на много лет… У меня есть к вам важное, не терпящее отлагательства дело… Подробности при личной встрече… Прошу назначить как можно скорее время и сообщить мне…», – прочитал сэр Роберт. – Да, это она.

– Но вы не встретились с этим человеком?

– Нет, клянусь вам! Я написал в ответ, что не могу с ним увидеться в ближайшее время, потому что должен сопровождать её величество королеву Марию на молебен в монастырь Жён Мироносиц, – и, вообще, я не хочу, чтобы он тревожил меня

впредь. Это чистая правда, ваше преосвященство, поверьте мне! – сэр Роберт приложил руку к сердцу. – Да и сэр Стивен, то есть господин лорд-канцлер, знает об этом. Спросите его, прошу вас, он подтвердит мои слова!

– Ладно, – сказал епископ. – А что вы можете сообщить мне о заговоре против королевы? Что вам известно о нём?

– Заговор?! Против королевы?! – с ужасом переспросил сэр Роберт. – Господи, помилуй нас!

– Правильно ли я вас понял, что вам неизвестно об этом заговоре?

– Честью клянусь, что неизвестно! Да разве я посмел бы выступить против её величества? После того, как я… после того, как она… – запнулся сэр Роберт.

– Ладно, будем считать этот вопрос исчерпанным… Пусть его уберут и позовите к нему врача, – приказал он палачу, кивая на сэра Томаса. – А мы с вами продолжим разговор в другой комнате в присутствии ещё одной персоны, – сказал епископ сэру Роберту. – Прошу следовать за мной.

Сэр Роберт хотел сделать шаг и не смог, ноги его не слушались.

– Помогите джентльмену, – обратился епископ к стражникам. – Нам надо дойти до Бочампской башни…

В Бочампской башне Тауэра находились светлые и просторные комнаты для высокопоставленных персон. Поднявшись по последней лестнице, епископ Эдмунд подвёл сэра Роберта к широкой двери и дал знак стоявшему здесь на карауле гвардейцу открыть засов. Оставив стражников за дверью, епископ взял сэра Роберта под руку и вошёл.

– Разве теперь не принято стучаться, когда вы входите к даме? – раздался недовольный женский голос. – Подобная бесцеремонность недопустима даже для священника.

– Прошу прощения, – с трудом выдавил из себя епископ, – но вы здесь не в своём дворце. Здесь церемонии неуместны.

– Какая ерунда! – сказала, подойдя к епископу, молодая дама. – Женщина везде остаётся женщиной, – или вы надеетесь, что Тауэр сделает из меня мужчину?

Сэр Роберт узнал принцессу Елизавету.

– Ваше высочество, – поклонился он ей.

– А и вы тут, милорд! Ходите под ручку с епископом, как его лучший друг, – язвительно заметила Елизавета. – Поздравляю вас, вы высоко шагнули.

– Но я… Нет… – смешался сэр Роберт.

– Великолепная речь! Вы всегда славились своим красноречием, – колко продолжала Елизавета.

– Я пришёл, чтобы задать вам несколько вопросов… – начал было епископ.

– А с чего вы решили, что я буду отвечать на них? – прервала его Елизавета. – Вначале объясните мне, как вы посмели арестовать и поместить в тюрьму особу королевской крови, принцессу Англии? Если вы отказываете мне в праве быть женщиной, то моё происхождение вы у меня не отнимете. Вы понимаете, на кого подняли руку? Смотрите, как бы вам не потерять голову.

– Я действую по приказу её величества королевы. Я исполняю её волю, – помрачнел епископ, – и вопросы задаю вам по её требованию.

– Ах, так? Её величество приказала посадить меня в Тауэр и подвергнуть допросу? – сказала Елизавета, в её глазах сверкнуло пламя. – Это меняет дело. Спрашивайте, я отвечу, – мгновенно справившись с собой, продолжала она.

– Вы не арестованы, вы помещены в Тауэр в интересах следствия. Я не собираюсь вас допрашивать, я только хочу расспросить вас кое о чём.

– Что-то я не улавливаю разницы, – с усмешкой ответила Елизавета. – Но приступим к вашим вопросам. Я жду.

– Первый вопрос. Знаете ли вы этого человека? – епископ показал на Роберта Дадли.

– Я знаю этого человека. Это сэр Роберт Дадли, – ответила Елизавета.

– Очень хорошо. А как давно вы его знаете?

– Я давно его знаю. Я познакомилась с ним, когда мне было лет семь или восемь. Мы играли в догонялки, он меня не догнал, очень расстроился и плакал из-за этого.

– Это не важно, – сказал епископ. – Отвечайте только на мои вопросы.

– Я это и делаю, – возразила Елизавета.

– Второй вопрос. Виделись ли вы с сэром Робертом Дадли в последнее время?

– Да, я приезжал к её высочеству с визитом, – ответил за Елизавету сэр Роберт.

– Я не вас спрашиваю, – перебил его епископ.

– Я отвечу, – сказала Елизавета. – Сэр Роберт приезжал ко мне с визитом.

– Хорошо. А о чём вы говорили, когда он приезжал к вам с визитом?

– Не помню. О каких-то пустяках. Но разве вам не докладывали о нашем разговоре? Кое-кто из моих фрейлин так исправно служит вашему преосвященству, что вам известно о

каждом чохе при моём дворе, – презрительно проговорила Елизавета.

– Её высочество не была довольна моим визитом, – снова вмешался сэр Роберт. – Я не понимаю, чем была вызвана её холодность, потому что я… потому что мне… потому что я всегда относился и отношусь к её высочеству с почтением. Ну, вот так вот, – закончил пунцовый от смущения сэр Роберт.

– Женщине, попавшей в трудное положение, очень нужна мужская поддержка, – с улыбкой отозвалась Елизавета. – Женщины такого не забывают; я уже жалею, что была холодна с вами, сэр Роберт.

Епископ Эдмунд внимательно слушал их диалог и не перебивал сэра Роберта и Елизавету.

– Третий вопрос, – обратился он к Елизавете, когда они замолчали, – не было ли вам что-либо известно о недавнем злодейском заговоре против её величества королевы Марии и о попытке сих злодеев незаконным образом возвести вас на престол?

– Запомните мои слова, ваше преосвященство, и в точности передайте их её величеству, – отчеканила Елизавета. – Я могу поклясться любым способом, каким пожелает её величество, что ничего не слышала об этом заговоре, ни с кем не говорила о нём и никогда не выражала желание занять королевский престол, ныне принадлежащий по праву моей старшей сестре. Если же заговорщики использовали моё имя в своих целях и рассчитывали на меня в осуществлении своих планов, то они это делали помимо моей воли, не спросив меня и не получив моего согласия. Я не могу отвечать за действия людей, которых не знала и которых ни о чём не просила. Передайте ещё, что когда царственное имя – имя особы королевской крови – связывают с преступлением, то тем самым порочат саму идею королевской власти. Последствия этого могут быть такими тяжелыми, что мне страшно говорить об этом. Передайте это её величеству слово в слово.

– Я передам, – сказал епископ Эдмунд, явно впечатлённый речью Елизаветы. – У меня нет больше вопросов к вам, а также и к вам, милорд. Тем не менее, по указу её величества вам обоим надлежит пребывать в Тауэре до её особого распоряжения.

– Как верноподданная королевы, я подчиняюсь её решению, – Елизавета присела в поклоне.

– На всё воля королевы, – склонил голову сэр Роберт.

– Надеюсь, мне разрешат прогулки по двору? – спросила затем Елизавета. – Здесь такой милый дворик.

– Вам запрещено покидать пределы Тауэра, а ночью выходить

из своей комнаты. В дневное время можете гулять по двору, – разрешил епископ.

– А сэр Роберт может гулять вместе со мной? Мне бы хотелось извиниться перед ним за свою холодность, – сказала Елизавета.

– Его поместят в этой же башне, на нижнем ярусе, и в дневное время он тоже сможет гулять по двору, – ответил епископ.

– Благодарю вас, – дружно сказали Елизавета и сэр Роберт.

– И всё-таки я попрошу вас впредь стучаться, когда вы входите в мою комнату, – потребовала Елизавета и пронзила епископа Эдмунда таким взглядом, что тот съёжился и пробурчал:

– Непременно… ваше высочество.

* * *

– Благодаря его преосвященству епископу Эдмунду следствие о заговоре против вашего величества удалось закончить в кратчайший срок, – докладывал сэр Стивен королеве. – Обвиняемые либо сознались в преступлении, либо изобличены неопровержимыми доказательствами их вины. Должен заметить, что речь идёт о верхушке заговора, о непосредственных исполнителях и их прямых сообщниках, – однако число лиц, замешанных в покушении на власть вашего величества, намного больше. Его преосвященство день и ночь трудится над выявлением этих преступников, но его работа пока далека от завершения.

– Много тайных заговорщиков, очень много, – пояснил епископ Эдмунд, – но можете не сомневаться, ваше величество, мы искореним их всех, до единого человека.

– Я ценю ваши усилия, – бесстрастно произнесла Мария. Она была вялой и скучной, у неё был утомленный вид.

– Работа ещё далека от завершения, – повторил сэр Стивен, – но уже сейчас мы хотим представить вашему величеству свои предложения по наказанию участников заговора.

– Очень хорошо, я вас слушаю, – проговорила Мария.

Сэр Стивен заглянул в свои бумаги.

– По первому разряду мы предлагаем наказать двух заговорщиков, которые напали на карету вашего величества, надеясь захватить вас. Третьему злодею, к сожалению, удалось уйти от земного возмездия, – он покончил с собой, отправив свою душу прямиком в ад, – но сих двух мы предлагаем четвертовать лошадьми, предварительно подвергнув жестоким пыткам при всём народе.

– Нет, это слишком суровое наказание, – возразила Мария. – По-христиански их следовало бы простить, но как королева, как правительница государства я не могу простить преступников. Пусть их казнят, но простым отсечением головы, без предварительных пыток.

– Прикажите, хотя бы, потом отрубить им ноги и руки и затем прибить на мосту, где выставить также их головы. Это устрашит прочих возможных преступников, – сказал епископ Эдмунд.

– Хорошо, пусть будет так, – согласилась королева.

– По второму разряду мы предлагаем казнить прямых сообщников главных злодеев. По малодушию или из осторожности эти сообщники не приехали на площадь к Уайт-холлу, где намечалось похищение вашего величества, однако состояли в заговоре. Мы предлагаем умертвить их колесованием, – сэр Стивен вопросительно посмотрел на королеву.

– Повесить, – коротко сказала Мария. – Достаточно будет повешения.

– Слушаюсь, ваше величество. Поистине велика ваша милость, – ответил сэр Стивен. – Далее мы предлагаем подвергнуть примерному наказанию – огнём, водой и виселицей – преступников, прямо в заговоре не участвующих, но тоже желающих лишить вас престола или своими словами наносящих вред вашей власти, или злоумышляющих на католическую веру и святейшего папу. На сегодняшний день его преосвященство заготовил список на три тысячи человек.

– Но не так давно уже было казнено более двух тысяч человек, – возразила Мария.

– И это лишь начало, – грубовато проговорил епископ Эдмунд. – Мы спасаем от гибели ваше величество, нашу святую веру и Англию, – здесь не место для жалости. У нас великая цель, и если для её достижения понадобится уничтожить даже несколько сотен тысяч человек, мы, не колеблясь, должны пойти на это.

– Надеюсь, что до этого не дойдёт, – сказала Мария. – Оставьте мне ваш список, я посмотрю.

– Наконец, мы предлагаем помиловать одного человека из числа заговорщиков, – продолжал сэр Стивен. – Он явился к нам с признанием своей вины, помог раскрыть заговор и схватить его участников. По нашему мнению, он достоин снисхождения, – я бы предложил, подержав его в тюрьме, выпустить без нанесения увечий, но его преосвященство настаивает на клеймении железом. На ваше усмотрение, ваше величество.

– Решайте сами, я заранее согласна с любым вашим

решением.

– Благодарю вас за доверие, ваше величество, – поклонился сэр Стивен.

– Но почему вы ничего не говорите о принцессе Елизавете? – спросила, оживившись, Мария.

– Мы тщательно провели расследование и не нашли вины её высочества, – сообщил сэр Стивен. – Принцесса Елизавета не участвовала в заговоре, у нас нет оснований для выдвижения обвинений против неё.

– Вы можете сами ознакомиться с материалами следствия, ваше величество, – поддержал его епископ Эдмунд.

– Не надо, я помню всё, что вы мне говорили; помню и её дерзкие слова насчёт особы королевской крови, насчёт опасности такого обвинения для королевской власти в целом. Она продолжает дерзить мне даже в Тауэре – ну и пусть посидит там! – раскрасневшись, воскликнула Мария. – Сэр Стивен прав – Тауэр хорошо помогает от дурных мыслей, а я добавила бы – и от дурного поведения. Пусть Елизавета пока побудет в Тауэре, это пойдёт ей на пользу.

– Как прикажете, ваше величество.

– У вас всё?

– По следствию о заговоре – да.

– А сэр Роберт Дадли? Вы не сказали о нём, милорд, – спросила Мария с деланным равнодушием, но её голос невольно дрогнул.

– Я могу лишь подтвердить сказанное мною ранее, – невозмутимо ответил сэр Стивен. – Вина сэра Роберта косвенная. Он, безусловно, предатель, но предатель невольный. Получив от главаря заговора ту записку, которую я вам показывал, он отказался от встречи с заговорщиком, но в ответном письме по наивности сообщил о вашем намерении выехать на молебен в монастырь Жён Мироносиц. Таким образом он сообщил заговорщикам важные сведения, но не намеренно, а по простоте душевной. Я думаю, наказание для сэра Роберта должно быть небольшим, – достаточно будет выслать его из Лондона на некоторое время.

– Вы подтверждаете слова господина лорд-канцлера, ваше преосвященство? – обратилась Мария к епископу Эдмунду.

– Да, ваше величество, но у меня есть дополнение.

Сэр Стивен изумлённо посмотрел на него.

– В Тауэре сэр Роберт Дадли сошёлся с принцессой Елизаветой.

– Что значит – сошёлся? – переспросила Мария с плохо скрытым волнением.

– Роберт Дадли чрезвычайно лестно отзывался о принцессе. Он сказал (епископ заглянул в свои записи): «Он (Дадли) относится к её высочеству с почтением и жалеет, что она холодно приняла его визит». Могу сообщить также, что принцесса Елизавета и сэр Роберт Дадли теперь вместе гуляют по тюремному двору и часами разговаривают. Тема разговоров пустяковая, разная ерунда, но принцесса часто смеётся и несколько раз брала сэра Роберта за руку.

– Ах, так, – протянула Мария и голос её осёкся. Она отвернулась и принялась разглядывать картину на стене. – «Преклонение перед дамой и исполнение всех ее желаний», – проговорила королева про себя.

– А вы ведёте двойную игру, ваше преосвященство, – прошептал сэр Стивен.

– На благо Англии, – загадочно ответил епископ.

– Какой любвеобильный этот Дадли, – его тяга к женщинам просто поразительна, – звонко сказала Мария, переведя взор на лорд-канцлера и епископа. – Чтобы он не встал на путь греха, ему надо жениться. Подберите ему жену, господин лорд-канцлер, помогите молодому человеку.

– За этим дело не станет, – ответил епископ за сэра Стивена. – Родители Роберта Дадли хотели, чтобы он женился на леди Эмми… не помню её фамилии. Он был помолвлен с нею, насколько мне известно.

– Помолвлен? Но почему же он это скрывает? – в один голос спросили сэр Стивен и королева.

– Я не помню всех обстоятельств, но, по слухам, леди Эмми – девушка очень простая по поведению и манерам и, к тому же, страдает от какого-то врождённого заболевания; она постоянно живёт в провинции. По-видимому, Дадли не воспринимает всерьез свою связь с ней, а может быть, стыдится её.

– Если девушка больна, он тем более обязан жениться на ней, – возразила Мария. – Его христианский долг позаботиться о бедняжке… Так и постановим: пусть сэр Роберт женится на леди Эмми, а его отношения с Елизаветой надо немедленно прекратить. Выпустите его из Тауэра и прикажите ехать в провинцию к своей невесте. Передайте ему, чтобы он не появлялся при моём дворе, я не нуждаюсь более в его услугах. И пусть вернёт мой портрет, который я ему подарила, – зло прибавила она, обращаясь к лорд-канцлеру.

– Да, ваше величество, – кивнул сэр Стивен.

– Ваше величество, всемилостивейшая королева, – вдруг сказал епископ, – если мы заговорили о супружестве, то не пора ли вам дать ответ принцу Филиппу, наследнику испанского

престола?… Во имя Господа, выслушайте меня, всемилостивейшая королева! Я уже неоднократно указывал на политические выгоды этого брака, но теперь хочу сказать не о них, – я хочу сказать об обязанности человека найти свою половину и родить потомство. Ваше величество, я обращаюсь к вам как священник: обретите себе мужа и родите детей, ибо в этом состоит ваш долг перед Богом. Не уподобляйтесь той бесплодной смоковнице, что была проклята Спасителем. Истинно говорю вам, ступайте под венец, разделите брачное ложе с мужем своим, зачните ребёнка и воспитайте его на радость своим подданным и на благо Англии!

– Вы смущаете меня, ваше преосвященство, – слабым голосом ответила Мария, покраснев до кончиков волос. – Я не отказываюсь от своего долга женщины, но мой возраст…

– Значит, надо торопиться! – воскликнул епископ. – Лучшей партии, чем Филипп, вам не найти! Ответьте ему согласием, это будет добрым делом для вас и для Англии.

– Вы забываете, что я уже не раз была невестой, но ни разу не дошла до алтаря. Если дело с замужеством опять расстроится, я сделаюсь всеобщем посмешищем – обо мне и так бог весть что болтают в Англии и в Европе.

– Брак с Филиппом прекратит болтовню, – а то, что он состоится, я вам ручаюсь!

– Не наседайте на меня, ваше преосвященство, сегодня вы ничего не добьётесь, – я очень устала и плохо себя чувствую, – Мария положила руку на лоб и сморщилась от боли.

– Да, не надо торопиться с окончательным решением, – согласился с королевой сэр Стивен.

– А завтра, ваше величество? – не унимался епископ.

– Возможно, завтра. Я сообщу вам, когда смогу… А сейчас идите, господа, я лягу в постель, мне нехорошо, – Мария слегка кивнула им и закрыла глаза.

– Да хранит Господь ваше величество! – склонились перед ней сэр Стивен и епископ Эдмунд.

– …А вы – хитрая лисица, ваше преосвященство! До сих пор я недооценивал вас, – с иронией проговорил сэр Стивен, выйдя из покоев королевы.

– Всё что я делаю, – я делаю на благо католической веры, Англии и королевы, – высокопарно сказал епископ.

Эпилог

Зимний день был великолепен, прозрачен и чист; выпавший ночью снег покрыл башни и стены Тауэра; они искрились на солнце, отчего крепость не казалась такой мрачной. Елизавета прогуливалась по расчищенным дорожкам внутреннего дворика, с наслаждением чувствуя, как мороз пощипывает её щёки, – она куталась в кунье манто и посмеивалась над проказами зимы.

Со скрипом отворилась тяжёлая калитка, и во двор вошёл хорошо одетый джентльмен. Елизавета немедленно повернулась к нему; узнав его, она остановилась и с улыбкой стала дожидаться, когда он подойдёт к ней.

– Ваше высочество, вы отлично выглядите! – сказал джентльмен. – Никогда бы не подумал, что воздух Тауэра такой полезный для здоровья.

– Вы любезны, как всегда, сэр Джон, – отвечала Елизавета. – Я рада вас видеть, вы первый из моих друзей, кого пустили ко мне. Как вам удалось усыпить бдительность епископа Эдмунда?

– Мне кажется, что наш милейший епископ побаивается вас. Он решил подольститься к вам, разрешив встречу со старым другом, – усмехнулся сэр Джон.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, милорд. Он меня ненавидит и готов вредить, чем только можно.

– Одно другого не исключает. Епископ ненавидит, но и боится вас, поэтому заискивает перед вами; собака, которая хочет укусить, виляет хвостом.

– Мне приятно слышать, как вы сравниваете епископа с собакой, если мы имеем в виду грязную злобную шавку. Такое сравнение очень подходит к епископу Эдмунду.

– К сожалению, эта шавка ещё и хитра, она умеет больно кусать исподтишка.

– Тем хуже для неё. Хитрость не является признаком ума, – скорее, это признак глупости.

– В этом я с вами согласен, моя принцесса, хитрость идёт по кривой дороге, потому что не может найти прямую.

– Но довольно о епископе, – сказала Елизавета. – Как вы поживаете, какие новости в Лондоне?

– Лондону вскоре предстоит обойтись без меня, – со вздохом ответил сэр Джон. – Меня опять отсылают в моё поместье.

– Бедный сэр Джон, я вам сочувствую: с вашим характером сидеть в деревенской глуши! Вы просто-таки созданы для Лондона, как и Лондон создан для вас.

– Увы, Лондон уже второй раз отвергает меня, как капризная

девица. Что же, придётся искать утешения в объятиях деревни.

– По крайней мере, там вы найдёте простоту, непосредственность и свежесть. Не забывайте также про близость с природой, – может быть, именно в деревне вы обретете душевный покой.

– Если учитывать мой возраст, то как бы этот душевный покой вскоре не окончился упокоением души.

– Ну, сэр Джон, не так уж велики ваши года! Будем надеяться, что вы проживёте долго и ещё, даст Бог, вернётесь в Лондон.

– Умоляю, не забудьте эти свои слова, моя принцесса, когда Бог даст то, что вы у него просите, – сэр Джон прищурился.

– На всё Божья воля, – проговорила Елизавета и переменила тему разговора: – Но вы не рассказали мне о последних новостях.

– Боюсь, они не такие радостные, как нынешний денёк, – вздохнул сэр Джон. – Намедни были казнены участники заговора против королевы Марии.

– Это для меня не новость, из окна своей башни я видела, как их вели на казнь, – сказала Елизавета. – Как они держались перед смертью?

– Достойно. Главный заговорщик сэр Томас попросил, чтобы ему прочли «Нагорную проповедь», и со словами «Блаженны нищие духом» поднялся на эшафот. Впрочем, сэр Томас был очень слаб, его жестоко пытали во время следствия, – и смог дойти до плахи только с помощью сэра Эндрю. Сэр Эндрю – это второй главный заговорщик; он мой старинный приятель ещё по клубу Циников. Сэр Эндрю перед тем, как лечь под топор палача, попросил большую кружку бренди и был недоволен, что в ней было не больше пинты.

– Наверное, славный был джентльмен. Жаль, что я его не знала.

– Ещё пятерых заговорщиков повесили, но говорят, что это лишь начало – епископ Эдмунд срезал-де верхушку дерева, а корни разрослись по всей стране.

– Он готов уничтожить всё, что выше его головы, – так он превратит Англию в пустыню, – заметила Елизавета с презрением и болью. – Остаётся надеяться, что Господь не оставит нашу несчастную страну.

– Мне почему-то кажется, что мы не пропадём. Будут перемены, – и они будут к лучшему, – бодро сказал сэр Джон.

– Дай Бог… Ну, а какие ещё новости в столице? – уже веселее спросила Елизавета.

– Королева Мария решилась выйти замуж за Филиппа Испанского…

– И это уже не новость, – перебила Елизавета. – Она не только

согласилась, но и написала ему нежное, чувственное письмо. У неё прямо-таки страсть писать своим женихам нежные чувственные письма.

– Ого! Видимо, Тауэр связан с Уайт-холлом какими-то тайными ходами, по которым сюда поступают наисвежайшие сведения, – удивился сэр Джон. – В Лондоне только что стало известно о согласии королевы, а в Тауэре уже знают о её письме!

– Но мы не можем себе позволить узнавать новости позже лондонцев. Судьба тех, кто находится в Тауэре, слишком сильно зависит от Уайт-холла, – куда сильнее, чем судьба прочих обитателей столицы, – улыбнулась Елизавета. – А скажите-ка мне как человек с большим жизненным опытом и хорошо знающий женщин – Мария будет счастлива в браке? Из неё получится любящая жена и заботливая мать?

– Нет, – не задумываясь, ответил сэр Джон. – Да простит ваше высочество мою вольность в отношении вашей родственницы, особы королевской крови, но плод перезрел и, к тому же, имеет червоточину.

– Объяснитесь, милорд, и не бойтесь обидеть особу королевской крови, ведь нас никто не слышит.

– Женщина, которая почти до сорока лет не имела ни друга, ни любовника, не может относиться к мужчинам снисходительно, – а без этого ей невозможно любить и быть любимой. Она обижена на мужчин, она ненавидит их, – и в то же время тайно боготворит. Мужчина для неё чудовище и ангел в одном лице, но никак не земное существо со всеми его достоинствами и недостатками. Если она найдёт себе мужа, то будет требовать от него чересчур многого и сама чересчур многое ему предлагать; она изведёт его требовательностью и самопожертвованием, сделает его жизнь невыносимой. О, если бы я был королём, то издал закон, по которому женщин, до тридцати лет не познавших мужчину, следовало бы отправлять в монастырь! Это очень серьёзно, моя принцесса – такой закон помог бы уменьшить количество зла на земле.

– Ах, сэр Джон, сэр Джон, положительно вы неисправимы! – сказала Елизавета, заливаясь смехом. – Но объясните, почему Мария не сможет стать заботливой матерью?

– Всё из-за той же червоточины, моя принцесса. Излишняя требовательность, как и постоянная жертвенность, – плохие воспитатели, они способны отравить детство не хуже холодности и жестокости. Ну, а кроме того… – сэр Джон замялся.

– Да, продолжайте? – вопросительно посмотрела на него Елизавета.

– Вы меня как-то уже спрашивали об этом, и я ответил: кто

поручится, что королева Мария сможет родить? Не говоря о её возрасте, она страдает отёчностью, болями в пояснице и головными болями. Часто королева из-за приступов слабости не может выйти на официальные приёмы и ложится в постель посреди дня. Сможет ли он стать матерью?

– Но если она не сможет родить… – проговорила Елизавета.

– …Тогда вы останетесь единственной наследницей престола, – подхватил сэр Джон, – ибо испанцу Филиппу ни за что не отдадут трон Англии. Это слишком даже для епископа Эдмунда.

– Не будем так далеко загадывать, – прервала Елизавета сэра Джона. – Вернёмся к лондонским слухам. О чём ещё болтают в столице?

– Есть ещё одна поразительная новость. У нашего общего знакомого сэра Роберта Дадли нашлась в провинции не то жена, не то невеста. Несчастного отправили к ней, – вы представляете, какой муж выйдет из Роберта Дадли? – усмехнулся сэр Джон.

– Муж из него выйдет, может быть, плохой, но напрасно вы так зло отзываетесь о сэре Роберте, – с неудовольствием заметила Елизавета. – Он был моим товарищем по заключению здесь, в Тауэре: мы гуляли с ним по этому самому двору. Сэр Роберт – благородный и честный человек; да, он не хватает звёзд с неба, но по-своему умен и не лишен наблюдательности.

– Роберт Дадли? – удивился сэр Джон. – Вы его ни с кем не спутали? Может, это Тауэр творит с людьми такие чудеса? Вот уж, действительно, волшебное место!

– Ваше остроумие бывает чрезмерным, милорд, – отозвалась Елизавета с некоторым раздражением. – Вы разите им направо и налево, – вам нет дела, на кого падают ваши удары.

– Виноват, моя принцесса. Вам, конечно, виднее, что за человек Роберт Дадли, – охотно извинился сэр Джон.

– Я знала, что его отсылают в провинцию к этой… как её… леди Эмми, кажется, – продолжала Елизавета. – Я могла бы удержать его, но зачем? Это лишь создало бы ненужные сейчас трудности. Но напрасно Мария думает, что моя дружба с сэром Робертом на этом прекратилась, – таинственно улыбнулась Елизавета.

– Вам виднее, моя принцесса, – повторил сэр Джон. – Что же, – пожалуй, это все новости, которые я вам принес… А вон появился и стражник, недовольное лицо которого свидетельствует о том, что я разговаривал с вами больше положенного времени. Разрешите мне откланяться, моя принцесса, и не забывайте старого сэра Джона, искренне преданного вам.

– Не забывайте и вы принцессу Елизавету, искренне к вам расположенную, – в тон ему ответила она. – Если когда-нибудь, со временем, вы вернётесь в Лондон…

– …То сразу предстану перед вами, – закончил за неё сэр Джон. – А если мне не суждено вернуться…

– …То я буду вспоминать вас добрым словом, – сказала Елизавета.

– А это уже немало, – вздохнул сэр Джон. – Прощайте же, моя принцесса.

– Прощайте, мой славный сэр Джон.

Он пошёл к калитке и, обернувшись, увидел, как Елизавета помахала ему рукой.

* * *

Покидая Лондон, сэр Джон неспешно и большим удовольствием пообедал в «Свиной голове». Трактир был снова переполнен: слухи о том, что здесь готовился заговор против королевы, привлекли в «Свиную голову» десятки посетителей, каждый из которых считал своим долгом выпить хотя бы кружку эля в этом примечательном месте. Для сэра Джона как почётного завсегдатая нашли отдельную комнатку, – по иронии судьбы, именно ту, где он впервые встретился с сэром Томасом. В соседней комнате, в которой тогда заседали заговорщики, находчивый хозяин заведения устроил что-то вроде выставки орудий их преступления. Сэр Джон понял это по восклицаниям посетителей: «Вот это пистолет! Посмотрите, какой нож! А это – потайной топор!». Сэру Джону хотелось взглянуть на потайной топор, но было лень вставать из-за стола.

Отобедав, он взобрался на свою лошадь и медленно направился к северным городским воротам. Лондон бурлил, как всегда, – распевал песни, ругался, дрался, обирал прохожих, торговал и назначал любовные свидания. Холод и снег нисколько не мешали обычному ходу лондонской жизни, – разве что костры, разведённые прямо на улице, притягивали к себе разношерстную публику, которая с утроенной силой пила, бранилась и устраивала потасовки.

Вскоре сэр Джон проехал мимо собора Святого Павла. Богослужение ещё не началось, но народу здесь было много – в основном, молодёжи. Было не похоже, что все эти франтоватые джентльмены и нарядные леди пришли к Святому Павлу молиться – сэр Джон готов был биться об заклад, что сегодня они не вспомнят «Отче наш». Посмеиваясь и от всей души желая

молодым людям приятного времяпровождения, он поехал дальше.

Шумные яркие улицы центральной части города сменились вскоре унылыми и блёклыми улочками окраины. Сэр Джон вдруг прочёл пришедшие на память стихи:

Царь ассирийский, что в дни мира жил,
Дух осквернив для низменного чувства,
В войну, не возгорясь отвагой, был
Разбит, не знавший ратного искусства.

Сменил он поцелуи на мечи,
На латы дамский поменял альков,
Пиры же – на солдатские харчи,
И шлем был тяжелей его венков.

И он, что имя мужа не стяжал,
Что в женственном купался наслажденье,
Что слабым был, от трудностей бежал,
Когда и честь утратил, и владенья, —

На троне горд, дрожащий пред пучиной, —
Убил себя, чтоб в чем-то быть мужчиной.

…Нагруженная повозка больно задела ногу сэра Джона, и грубый мужской голос прорычал:

– Чего вы тут бормочете? Что встали на пути, господин? Ехали бы лучше своей дорогой и не мешали другим.

– Вы правы, мой друг, – отозвался сэр Джон, – поеду своей дорогой и не буду никому мешать… Ну же, Арабелла, – потрепал он лошадь по гриве, – вперёд! Выедем за ворота, там будет свободнее. Что нам ещё надо, кроме воли и покоя, – остальное всё в прошлом. Жизнь прошла, – и слава Богу, ведь если бы жизнь была хорошей штукой, человек не плакал бы, появляясь на свет… Вперёд, Арабеллла, вперёд!..

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг и аудиокниг вы можете познакомиться на сайтах:
www.strelbooks.com **www. audio-book.com.ua**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © 2015
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»